ПИОНЕР

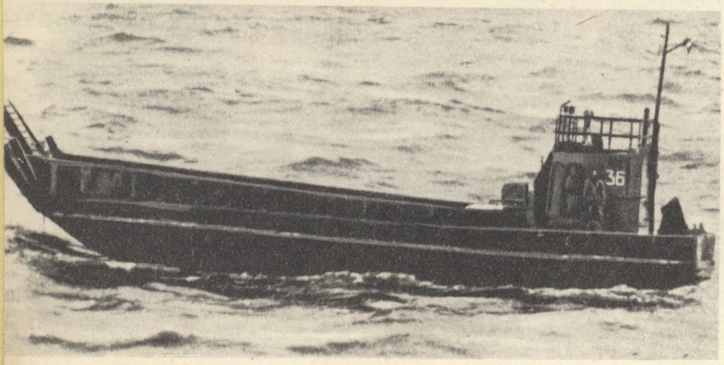

МАЙ **5**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год.

Я смотрю на снимки четырех советских солдат и думаю, где предел героизма, где предел мужества и силы воли?

Светлана Новикова, г. Сумы.

Хочу стать таким!

Юрий Головань, г. Новошахтинск.

Всі ми хочемо рости чесними, хоробрими, як Ви. Дуже просимо до нас в гості. Від імені 1-класу

Фоломеева Таня, с. Майское, Днепропетровская область.

Под этими письмами могли бы подписаться все советские ребята.

Слава отважным

На снимках:

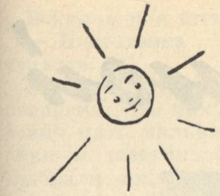
Асхат Зиганшин вскоре после спасения.

Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов смотрят, как авианосец «Кирсардж», подобравший их в океане, покидает Сан-Франциско.

Баржа «Т-36». На этом судне четверо наших победили Великий океан.

Ребята 544-й московской школы подарили героям новую гармошку.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

Слушай, пионер!

Слушайте, туристы, техники, танцоры, физкультурники!

19 мая –

праздник пионеров Страны Советов.

В этот день будет много соревнований, смотров, конкурсов. Готовы ли вы к победе?

В мае все думают о лете

У кого какие планы?
Отряду это не все равно!
Договоритесь, чтобы за лето

все научились плавать,
несколько ребят стали инструкторами,
каждый приготовил что-то интересное
для уголка «Трофеи отряда».

Может, редкий минерал из похода!
Может, грамоту за работу в колхозе!
Может, планер, установивший рекорд!

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» май 1960

Под полотняной крышей

С. ГОЛИЦЫН

— Давайте построим школьный туристский лагерь,— предложил на совете дружины новый физрук, Виктор Яковлевич Дихтярев.

Дело было в мае прошлого года в школе-интернате № 18 г. Москвы.

— Построим, построим! — Все ребята подняли руки.

Три выходных дня провели отряды в походах по Подмосковью. Кто выберет лучшее место для лагеря?

Конкурс выиграли четвероклассники. Под Звенигородом они нашли зеленую лужайку в сосновом бору, на высокой горе над самой Москвой-рекой. Рядом в овраге струился ледяной ключ. Недалеко проходила дорога для подвозки продуктов и материалов. Москва-река в этом месте глубиною в метр, вода прозрачна — дно видно. Пляж песчаный...

Директор интерната заключил договор с соседним колхозом имени Мичурина. «Мы работаем на ваших полях, а вы нам разрешите поселиться на поляне. Мы будем зарабатывать трудодни, а вы давайте нам молоко и картошку и, когда понадобится, подводу».

Кто же будет строить лагерь?

Восьмой класс выпускной, седьмой экзамены держит, четвероклассники еще маловаты. Шестой и пятый, на вас вся надежда!

Шефы помогли: дали бревна, доски, тес и толь от разобранного дома; туристская станция дала палатки — в премию за дальний туристский поход предыдущего года, дала подержанные матрацы и одеяла; директор интерната дал игры, мячи, книги, посуду и продукты. Гвозди ребята сами понадергали из старых досок. Зимой собирали макулатуру и металлолом и на заработанные деньги купили еще две палатки. А всего набралось двадцать восемь палаток.

На общем собрании выбрали штаб туристского лагеря. Он будет руководить и стройкой и самим лагерем. Семеро самых умелых и горячих стали во главе нового дела.

В столярной мастерской под командой шестиклассника Гены Анфимова застучали молотки, завизжали пилы. Главное — это сколотить мостки, на которые будут поставлены палатки. И еще многое нужно сделать для лагеря: грибок для часового, доску для объявлений, ящики для коллекций бабочек и жуков, шкафчик для лекарств, разные полочки...

Тем временем в портновской мастерской девочки чинили матрацы и одеяла, приводили в порядок палатки и нашивали на них номера, украшивали санитарные халаты, шили кокошники и фартучки для дежурных по кухне, колпаки для поваров.

В конце мая штаб доложил совету дружины:

— Подготовка закончена, можно выезжать строить.

Во двор интерната въехали три автомашины, погрузили на них все материалы. Виктор Яковлевич, пять мальчиков и две девочки—пятиклассники и шестиклассники — поехали на стройку. Выбрали тех ребят, которые умели владеть топором.

Только приехали к месту будущего лагеря, как пошел дождь, мелкий и холодный. Дождь лил все дни, пока шло строительство. Приходилось вставать на рассвете, когда он немного стихал.

Мальчики работали усердно, даже без «перекуров», даже завтракать не хотели идти.

— Успеем, а то вон опять темная туча надвигается,— отмахивались они от девочек-поварих.

Тут, на фотографии, видна столовая под навесом на сто мест. Построили эту столовую сами ребята за пять дождливых дней.

Еще они выкопали погреб, но его на фотографии не видно. Плиту сложил колхозный печник, а ребята ему помогали: подносили воду, глину, кирпичи.

Измерили рулеткой всю поляну вдоль и поперек, начертили план, а на плане разместили квадратики: где пройдет главная улица, где будут стоять палатки — штабная, лазарет и другие, где расположатся кухня и спортплощадки.

Ставили палатки не на землю, а на те мостки, что сколотили еще в Москве. Подняли мостки на колышки, на высоту 25 см. Под брезентовый пол палаток подложили еловый лапник. Палатки натягивали на специальный каркас из двух стоек с перекладиной (как буква «П»). Так выходило куда прочнее, никакому ветру не сорвать палатку. Натянутый брезент всегда выглядел аккуратно, не промокал под дождем.

Наконец настал долгожданный день, и на трех автобусах приехали семьдесят ребят и четверо взрослых. Был поднят флаг, и началась туристско-трудовая жизнь лагеря.

Командовал в лагере не начальник лагеря Виктор Яковлевич и не воспитатели.

Взрослые сразу заявили:

— Мы тут в отпуску, мы отдыхаем. Есть штаб и ответственный дежурный. Пусть они и командуют и управляют лагерем, пусть они хвалят и наказывают... Ну, а уж если что очень не заладится, тогда мы вам поможем, да и то только советом.

В состав штаба вошли: начальник штаба, начальники секций — спортивной, производственной, культмассовой, научной,— завхоз, кладовщик, старший санитар и начальник лагеря Виктор Яковлевич.

Члены штаба собирались каждый вечер где-нибудь на травке или в штабной палатке.

— Как там по плану? Что мы будем делать завтра? Какой отряд пойдет в поход? Кто сегодня хорошо работал, а кто плохо?

Однажды Юра Александров, работая на колхозном поле, прилег под кустиком и заснул. А Леня Севостьянов увлекся рыбалкой и три раза подряд опоздал к ужину. Обоих нарушителей дисциплины так здорово пробрали на заседании штаба, что больше такие случаи не повторялись.

— Как прошел сегодняшний день? Как работали дежурный отряд и ответственный дежурный по лагерю?

Эти важные вопросы подробно разбирались на штабе, потом обо всем этом не менее подробно

Эту столовую и крышу над ней построили ребята.

рассказывали на вечерней линейке.

Ответственный дежурный был самым главным начальником в лагере. Каждый день он сменялся, а назначали его просто по списку.

Поэтому любой, даже самый нерасторопный, мог оказаться самым «важным». Под его командой работал дежурный отряд.

Ответственный дежурный следил, чтобы вовремя был подан завтрак, обед, ужин, чтобы были заготовлены дрова, поднесена вода, начищена картошка, вымыта посуда. Кто опаздывал к обеду или ужину, получал наряд от дежурного по лагерю.

Палатки устанавливают на мостках. Взрослые туристы из соседнего лагеря пришли поучиться у ребят.

Приказ штаба был строжайший:

«Режим дня не меняется ни при каких условиях!»

Однажды завтрак запоздал. Надо идти работать в колхоз, а пшенная каша еще даже не закипела.

Завпроизводством пятиклассник Валера Кулюкин так и повел отряды в поле без завтрака. Ребята успели проглотить на ходу только по бутерброду.

Ух, как же потом влетело от всех ребят дежурной по лагерю шестикласснице Зине Овсянниковой и как ее пробирали на заседании штаба!

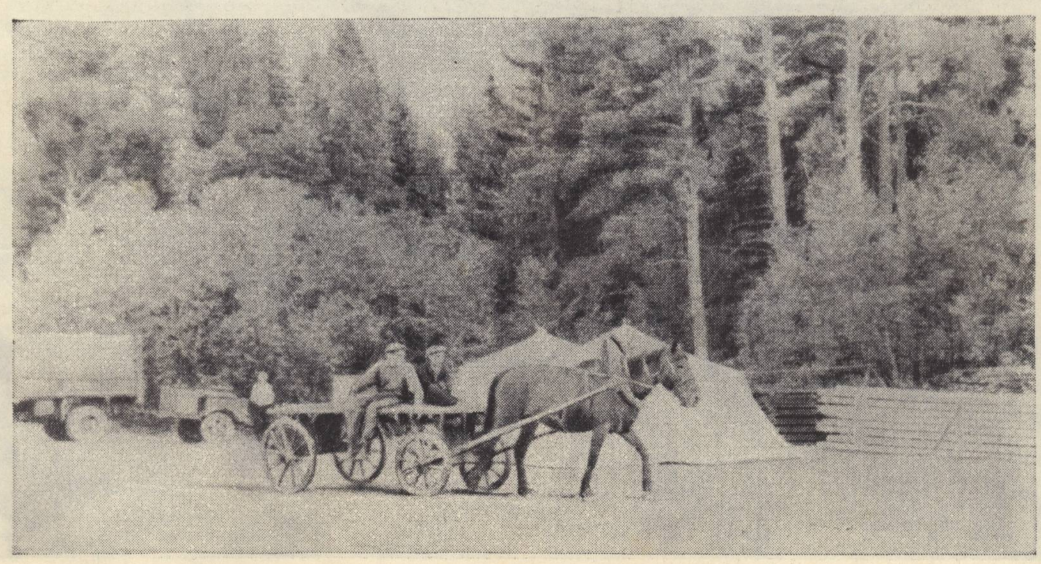
Повариха тетя Дуся сама обед не готовила, она только ходила вокруг плиты да говорила ребятам из дежурного отряда:

— Пора крупу засыпать... Мало соли... Помешайте кашу... Подбросьте дров...

Каждый вечер ответственный дежурный сдавал дела своему сменщику. Новый дежурный иногда придирался:

— Мало дров заготовили, плохо посуду вымыли, бумажки по лагерю валяются — не приму дежурства.

Девочки-санитарки еще в Москве научились перевязывать раны, оказывать первую помощь. В лагере была специальная большая палатка с нашитым на ней красным крестом. По утрам к са-

Завхоз Толя Колесников и конюх Гриша Герасимов поехали в колхоз за картошкой.

нитаркам выстраивалась целая очередь: одному надо ногу перевязать, другой палец порезал, у третьего голова болит.

Однажды Вите Суркову комар залетел в ухо. Тут санитарки были бессильны, пришлось отправить Витю в городскую поликлинику — там вытащили.

Каждое утро отряды ходили работать в колхоз. Оставались только дежурный отряд, караульный да «выходной»: он отправлялся в поход. В колхозе работали по три часа в день, сажали капусту и помидоры, пололи. Валера Кулюкин еще с вечера договаривался с колхозным бригадиром тетей Нюшей, на какое поле выходить завтра.

За работу колхоз выписывал молоко и картошку. Ребята сами ездили за продуктами на колхозной лошадке.

И все равно остались заработанные деньги. Что с ними делать?

— Семиклассники в июле отправляются в дальний поход. Отдадим эти деньги им,— предложила Верочка Южалина,— они лучше всех работали.

Весь коллектив лагеря горячо обсуждал Верочкину идею. На линейке единогласно подняли руки — пусть семиклассники получат от лагеря подарок.

Много походов совершили ребята.

Второй отряд пятиклассников (командир отряда — Витя Сурков) ходил в Истринский район по следам героев Отечественной войны. Ребята расспрашивали жителей деревень о героических боях. Они принесли в лагерь гильзы от патронов, кусок винтовочного приклада, осколок от снаряда, крышку от котелка.

Другие отряды ходили на фабрику гитар, на биостанцию, к звенигородским памятникам старины, на фабрику игрушек, на озеро Глубокое, на поле Бородинской битвы.

Когда отряд возвращался из похода, все собирались у костра, и туристы делали доклады, показывали находки, рассказывали, с кем встретились, что видели. Сорок ребят получили значки Туриста СССР или Юного туриста. Каждый из них в общей сложности прошел в походах семьдесят пять километров.

После обеда наступал в лагере тихий час.

Залезайте в палатку спать! Не хотите — можете книжку почитать, в шахматы поиграть. Только — ни-ни, не шуметь, не бегать!

Наконец четыре часа. «Ту-ту! Ту-ту!» — протрубил горн. Что теперь делать? Как развлечься? Можете уходить в лес за цветами, за ягодами, или бабочек ловить, или на реку на рыбалку. Только отпроситесь у дежурного и ни в коем случае не опоздайте к ужину.

Большинство ребят вместе с Виктором Яковлевичем бежало купаться и кататься на байдарках.

А после купания отряды играли в футбол, в волейбол, в настольный теннис. Судил Виктор Яковлевич. Младшим он давал два-три очка вперед.

После ужина, после вечерней линейки, кто хотел, собирался у костра. Пели песни, декламировали стихи, слушали рассказы взрослых...

* * *

Всю эту зиму ребята мечтали о новом лагере. Теперь их поедет вдвое больше. Раньше некоторые родители боялись пускать своих деток. Теперь даже мамы третьеклашек просят:

— Возьмите, пожалуйста, моего сынка. У вас, говорят, было так интересно!

Наступила весна. Мальчики в столярной мастерской вновь колотят молотками, пилят, строгают. Вновь девочки усердно крутят швейные машинки.

В этом году будет пятьдесят палаток, в том числе несколько из бумаги [1]. Ребята разведут цветник и огород, построят баню, утепленную землянку для малышей (на случай холодной погоды). Решено, что этим летом будет больше туристских походов...

[1] Как построить дом-палатку из газетной бумаги, можно прочитать в «Пионерской правде» (№ 48 за 1957 год) и в «Костре» (№ 5 за 1959 год).

Каждая дружина может построить палаточный лагерь! Места хватит для всех. Изобретательные ребята разыщут и палатки.

Всегда найдутся взрослые, которые захотят помочь вам.

Создать лагерь в лесу под силу и отряду. Соберитесь несколько человек—те, кто никуда не едет летом, достаньте три-четыре палатки, попросите кого-нибудь из учителей или родителей поехать с вами и поживите недельку-другую на берегу реки...

Хорошо! Навсегда запомнится это время.

Негатив

Виль ОРДЖОНИКИДЗЕ

Рисунок Ф. Лемкуля.

Ничего такого особенного ему не нужно было покупать: всего лишь проявитель и фиксаж. Можно было купить их в любом магазине культтоваров, но Коля отправился на Петровку.

Ему нравился этот большой старый магазин, с толстыми зеркальными стеклами, начищенными медными ручками, полутемный и потому немного таинственный, напоминающий какую-то научную лабораторию множеством увеличителей, поблескивающих фотоаппаратов и луп.

В магазине Коля встретил Витю Антипина.

В классе они никак не дружили: сидели в разных рядах, были в разных звеньях и занимались разными делами. А тут, увидев друг друга в толпе, обрадовались, словно были большими друзьями.

— Здорово! Ты чего здесь? — спросил Витя.

— Да вот химикаты покупаю всякие. Пленку хочу проявить, с лета еще лежит, как в поход ходили.

— А я за пленкой пришел, и проявитель нужен был... А тут объективов, луп всяких! Взял да экспонометр купил.

— Дорогая штука! — сказал Коля, уважительно качнув головой, и цокнул языком.

— А чё! Отец денег дал. «Купи,— говорит,— чего хочешь». Я и купил. На проявитель даже не хватило.

— Так у меня уже есть проявитель. Хочешь, одолжу? — спросил Коля и с готовностью полез в карман.

Витя посмотрел на него и согласился:

— Ладно, давай.

Коля стал выгребать из кармана разные трубочки и тюбики, приговаривая:

— Это «БФ» — не то, кассеты, фиксаж, вот проявитель. Держи, еще должен быть...

— А ты когда проявлять собирался? —

спросил Витя, глядя, как Коля роется в карманах.

— Вечером, когда все разойдутся, а то иначе на кухню не пробьешься. Все время там кто-нибудь торчит.

— Пленка-то у тебя с собой?

— Здесь.

— Слушай, хочешь, пойдем ко мне? У меня классно. Никто не помешает. Полная лаборатория оборудована, со светом и с водой. Все как полагается.

— Где же ты ее оборудовал?

— В кладовке. Я ее полностью занял. У нас квартира отдельная, и я там полный хозяин.

— Это хорошо. А вода как же, в кладовке?

— Воду туда специально подвели. И раковину установили. Все честь честью! Ну, пошли?

— Пошли.

Витя жил неподалеку, в высоком новом доме.

В передней, с блестящим натертым полом, их встретила полная черноглазая женщина с длинными, болтающимися, как стремена, серьгами.

— Это кто? — спросила она Витю.— Я что-то не помню, что б этот мальчик у нас бывал.

— Это, мама, Коля Воинов из нашего класса.

— Отличник?

— Хороший ученик. Звеньевой.

— Ладно. Вытирайте как следует ноги и проходите,— сказала Витина мама и ушла, звеня серьгами.

— Чего она так подробно расспрашивала? — хмуро спросил Коля. Он не любил бывать на виду у взрослых.

— Просто потому, что мне не разрешают водиться с двоечниками и троечниками. Я потому и сказал, что ты хороший ученик.

— И про звеньевого наврал. Ловок!

— А как же! — взмахнул головой Витя, подмигнул и засмеялся.

Лаборатория у Вити была отличная. Узкая дверь в кладовку была обита изнутри черной клеенкой и еще задергивалась плотной шторой. Маленький стол был установлен вровень с небольшой раковиной, куда медленной струйкой по резиновой трубке стекала вода. Аккуратные белые полочки лесенкой висели по стене и были уставлены одинаковыми баночками, бутылками, ровными стопками ванночек.

Справа, на специальном откидном щите, стоял увеличитель и лежали пачки с бумагой.

— Ну, давай твой аппарат,— сказал Коля.

— Зачем?

— Объектив вывинтить.

— А не нужно. Он уже вставлен. У меня второй объектив, специально для увеличителя. Тетка подарила на день рождения.

— Здорово живешь!..— протянул Коля.— У тебя какой аппарат-то?

— «Зоркий-два». А у тебя?

У Коли была обыкновенная «Смена», очень простой, очень удобный и хороший фотоаппарат, но он вдруг постеснялся сказать об этом Вите и произнес:

— У меня тоже...

Витя принес в ванночках теплую воду.

— Сыпь сюда свои проявители. Сейчас они быстро тут разойдутся.

Он взял специальную стеклянную палочку и стал размешивать проявитель, слегка придавливая крупинки, которые похрустывали.

— Только, чур, мои пленки первыми будем проявлять! — вдруг сказал Витя.

— Почему же твои?

— Как почему? Помещение мое? Лаборатория.

— Ну так что же? — Коле совсем не хотелось спорить.— Я ведь мог и без тебя, дома у себя проявить вечером.

— Так то вечером... А ванночки чьи?

— Ты еще спроси: «А вода чья?» Да ладно, не будем спорить. Я ведь тоже могу спросить: «А химикаты чьи?»

— Ладно, забирай их и уходи! — вдруг вспылил Витя.

— Эх, и спорщик же ты, Витька! Знал бы, не связывался с тобой. А теперь неохота все собирать. Да и проявитель уже весь растворили. Даже для снимков.

Минут пять они возились в темноте молча. Витя налил проявитель в бачок и запустил туда пленку.

— Ни за что не приходил бы...— ворчал Коля.

— Ну и не приходил бы...— вторил Витя. Он медленно покручивал штырек бачка и поминутно глядел на часы.

Первую пленку Витя рассматривал, задыхаясь от удовольствия:

— Ты только посмотри, как четко получилось! Да не дуйся, посмотри сюда! Это вот Валерка, у них машина своя. Вот, видишь, спереди снимались, чтоб олень получился. А тут из багажника резиновые матрасы достаем. Вот потеха! Надуешь и на море болтаешься как хочешь! А здесь вот Борька с

магнитофоном! Вот сила! Видишь, у девчонки какое испуганное лицо! Ха, свой голос услыхала!

В дверь лаборатории постучали:

— Чего? — спросил Витя.

Голос Витиной мамы произнес:

— Витя, тебе пора обедать! Выходи!

Витя подвесил проявленную пленку сушиться, засунул в бачок новую и, вытирая руки полотенцем, сказал:

— Ну, я пошел, порубаю сейчас. Есть захотелось зверски. А ты покарауль эту пленочку по времени. Часов у тебя нет? На мои. Потом вот из этой коробочки пленки возьми. Там три сразу завернуты. Осторожно, смотри! И по очереди проявляй.

Витя вышел и плотно прикрыл за собой дверь, а Коля остался в темноте с красным светом и продолжал работать.

Из-за двери доносились звон тарелок, веселые голоса, шипение чего-то жарящегося на сковородке.

Коля старался не прислушиваться к этим звукам и рассматривал проявленную пленку. На ней были какие-то полуголые люди в воде, на берегу моря, возле пальм, возле моторных лодок, на палубе белого парохода. Потом какой-то толстый мужчина в трусах со спиннингом и с ним мальчишка, тоже со спиннингом. Коля разобрал, что это был Витя.

Конец пленки снимался зимой. Там были лыжники на каком-то солнечном склоне с соснами и опять с ними Витя.

Теперь из-за двери доносился уже звон блюдец и ложечек: обед, видимо, кончался.

В дверь постучали:

— Как дела, схимник? Давай открывай! — проговорил веселый Витин голос.

— Теперь порядок, — сказал Витя, входя.

В лаборатории сразу запахло жиром, жареным мясом и ванилью.

Витя, ковыряя в зубах спичкой, стал рассматривать висящие пленки, хохоча и приговаривая:

— Вот это да! Вот сила! Блеск!

— Слушай, — сказал он, — давай вот эти попечатаем, которые высохли, а твоими потом займемся сразу. Интересно, как на карточках получится?! Где у нас тут бумага? Глянцевая контрастная... То, что нужно... Давай-ка сюда. Я буду закладывать, а ты включай.

Коля передвинулся к увеличителю.

— Давай! Так. Есть. Давай! Так. Есть, — командовал Витя.

Одна за другой ложились фотографии в ванночки. Зимние заснеженные леса и горы сменялись девушками в купальных костюмах, а Витя все щелкал и щелкал.

Коля механически двигал пальцем рычажок выключателя, уже не глядя на то, что получается. Ему было жарко, ужасно хотелось есть и было противно смотреть на розовый в свете фонаря Витькин затылок и слушать, как он удовлетворенно похохатывал, рассматривая каждую фотографию.

Проявитель уже работал медленно. Он пожелтел, и, конечно, уже не было никакого смысла пробовать проявлять свою пленку, ждать, пока она высохнет...

Коля подумал о том, что магазин уже закрывается и он не успеет сбегать домой за деньгами. А просить денег у Витьки он ни за что не станет. Пусть киснет тут со своими морскими снимками.

— Мне пора! — сказал Коля, решительно потянувшись к двери.

— Ой, минуточку, засветишь тут все! Сейчас прикрою! — засуетился Витя. — Сейчас, сейчас тебя выпущу! Вот теперь можно. Найдешь пальто-то свое?

— Найду! — сказал Коля, выйдя в переднюю и вздохнув полной грудью.

— Дверь направо. У меня руки мокрые, — просипел из кладовки Витя.

— Найду! — снова повторил Коля.

Он взял с вешалки пальто и шапку и, не надевая их, вышел на площадку и захлопнул за собой дверь.

Потом медленно надел пальто, застегнулся, поправил шарф и стал спускаться вниз.

«Хороший дом какой! — подумал он. — Высоко живет Витька! Долго ему спускаться нужно... Ох, долго!..»

И он оглядел ступени, перила, стены — весь подъезд, как оглядывают то место, где находятся в последний раз и куда не собираются уже никогда возвращаться.

Борис ЛОЗОВОЙ

РОДИНЕ

Я слушал музыку ветров
У Командорских островов,
Когда на сейнере моряк
Рыбачит возле берегов.

Я слушал, как стучит клюкой
Мороз над быстрой Колымой,
Когда уходит белковать
Якут заснеженной тайгой.

Я слушал, как в забои гром
Ползет бикфордовым шнуром
И ястреб, в скалах оробев,
Кричит, взмахнув седым крылом.

Но где б в походах ни был,
Делясь с друзьями хлебом,
С Москвой сверял свои часы
Под заполярным небом.

В ГОРАХ

Я Севера задумчивые горы
Люблю не за сверкание снегов,
Люблю я их за синие просторы,
За чистоту стремительных ручьев.

Когда тайга июньскою порою
Оденется в зеленый сарафан,
Глаза озер блеснут голубизною,
И воды рек рванутся в океан.

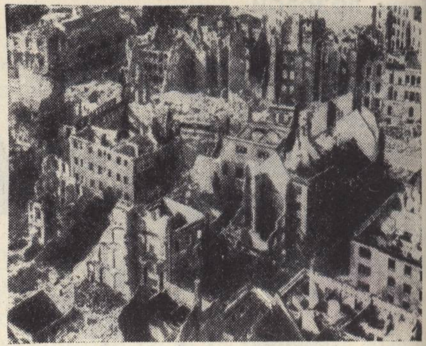
И легкие геологов палатки
Вдруг расцветут в излучине ручья,
И, испугавшись грохота взрывчатки,
Седая рысь попятится, рыча.

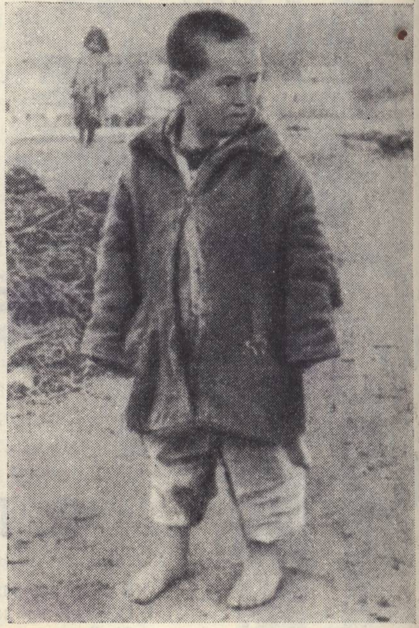
А человек взрывчатки не боится,
К труду в горах он издавна
привык,
Кусочек солнца, как зерно
пшеницы,
Подбросит на ладони полевик!

Рисунки П. Кирпичева.

Взрыв ядерной бомбы. Вооружение германской военщины. Разрушенные города. Дети, лишенные крова и родителей. Вот что несет с собой война. Вот чему мы говорим: «НЕТ!»

Мир отстоим

Будет война или не будет ее? **«МЫ СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТОБЫ ЦАРИЛ МИР»,** — сказал **НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ,** глава правительства нашей страны. Советский Союз ведет неустанную борьбу против военной опасности. Вот, посмотрите на карту-схему. Она показывает маршруты поездок, которые совершил товарищ Хрущев во имя дружбы народов земли. Неустанно ведет он работу по укреплению мира. Скоро Никита Сергеевич встретится в Париже с главами правительств Англии, Франции, США.

У мира много друзей, вместе со взрослыми борются и ребята. Вот демонстрация английских школьников. Вот на дороге, по которой проходят машины многих стран, чешские пионеры пишут на разных языках «МИР».

ДОРОГИ

В. ТОВАРКОВ

От самой узенькой стежки
Начало берут дорожки.
Дорожки в дороги сливаются,
Дороги нигде не кончаются,—
В тупик никогда не заводят
И выход повсюду находят.

Они сквозь тайгу пробираются,
Потом через горы шагают.
У моря не обрываются,—
Их бури в морях не пугают:
Когда позади остается земля,
Дорога бежит за кормой корабля.

И самолет, отправляясь в полет,
С собою в дорогу дорогу берет!
Легкая-легкая, словно дым,
Она поднимается в небо за ним!

Если на землю с высот посмотреть,
Ее покрывает густая сеть
Дорог самых разных—
артерий земли.
Какой бы из этих дорог мы ни шли,
Она, торопясь,
шар земной обогнет
И снова на Родину нас приведет!

Сергей Алексеев

рассказы

Рисунки О. Коровина.

Первое мая

Веселый и солнечный первомайский праздник. Вы все его любите. Все ждете с нетерпением, когда улицы расцветут красными флагами, засияют гирляндами разноцветных огней. Праздник мира, крепкой дружбы, торжествующего победного труда!

Всегда ли так было? Первого мая вспоминайте тех, кто в прежние далекие годы, не боясь ни пуль, ни тюремных решеток, завоевывал свободу и счастье для всех людей труда, чтобы всем жилось хорошо и светло, чтобы звенел по всему свету праздник борьбы и революции, праздник мира и дружбы — Первомай.

ГРИША ЛОЗНЯК

Гриша Лозняк отбывал заключение в одиночной камере. Худ. Ростом мал. В плечах узок. Глянешь — ничего в нем особенного. И нрава Гриша был скромного. Ссор с надсмотрщиками не заводил. Тюремных правил не нарушал. Во время прогулок не разговаривал. Смотрели на него надзиратели и думали: «По глупости, небось, угодил парень, по недоразумению».

Раз в неделю приходила Гришина сестра, приносила передачу, всегда одно и то же: буханку хлеба, бутылку молока и четверть фунта конфет — дешевых, но непременно в бумажках. Была она под стать брату, тоже худенькая и маленькая, совсем девочка. Девушка молча дожидалась своей очереди, робко протягивала корзину и уходила.

— Видать, пугливая,— говорили тюремщики.

Только на самом деле все было не так.

Гриша был членом большевистской партии, печатником, и арестовали его при разгроме подпольной типографии. И девушка Лиза, которая приносила передачи, была вовсе не сестра Лозняка и совсем не пугливая. Она тоже состояла в большевистской партии и выполняла партийное поручение. Да и конфеты девушка приносила неспроста. В конфеты вкладывались письма с воли. Сидел Гриша в тюрьме, а был в курсе всех новостей и событий. И молоко и хлеб передавались Грише тоже не только для еды. Из хлеба Гриша делал чернильницы, наливал в них молоко и молоком писал ответы товарищам. Когда к Гри-

шиной камере приближался кто-нибудь из надзирателей, он проглатывал и «чернила» и «чернильницу». (Вы, наверное, знаете, что так писал письма из тюрьмы и Владимир Ильич Ленин.)

Приближалось Первое мая.

Гриша уже не раз принимал участие в маевках. Решил он и в тюрьме отметить рабочий праздник. Сообщил об этом своим соседям. Сообщил стуком — специальным шифром. Вначале постучал в стену направо, потом в стену налево. Соседи поняли, поддержали, в свою очередь, постучали своим соседям. Вскоре о предложении Гриши Лозняка знали все заключенные. В следующую передачу получили они лоскутки красной материи: один запеченным в хлебе, другой в пироге вместо начинки, третий в корешке книги...

Во время прогулок заключенные незаметно передавали лоскутки Грише, а он по ночам шил из них знамя.

И вот наступило Первое мая. Как и обычно, утром арестантов вывели на прогулку. Тюремный двор небольшой. Ходят люди цепочкой по кругу. Десять кругов — тридцать минут. Тридцать минут — вот и вся прогулка.

Прошли круг, прошли два, и вдруг взвилось над арестантами знамя. Затрепетало в воздухе алым полотнищем. Потянулось к небу и к солнцу.

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,—

запел Гриша Лозняк.

Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою,—

подхватили другие.

— Молчать! — закричали конвойные.— Молчать!

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть мы все казни пройдем...

Прибежал начальник тюрьмы. Окружили заключенных со всех сторон, избили прикладами, погнали в вонючие подземные карцеры.

Две недели отбыли демонстранты в карцере. А потом разослали их по другим городам в разные тюрьмы. Был отправлен и Гриша Лозняк.

Привезли его в новую тюрьму, посадили в одиночную камеру. Худ Гриша. Ростом мал. Скромен. Глянешь—ничего в нем особенного...

ФЕРАЙНИХТ ОЙХ

В немецкий порт Гамбург прибыл из России пароход «Петр Великий». Привезли моряки срочные грузы из Петербурга. Надо разгружать пароход. А на пристани никого нет. Первое мая. Бастуют немецкие грузчики. Выяснилось, что предъявили рабочие требование повысить плату за труд. Забастовка могла оказаться долгой.

Грузы на «Петре Великом» срочные. Отдал тогда капитан приказ приступить к работе команде.

Заволновались матросы:

— Как же это, братцы, а?

— Подведем немцев.

— Нельзя соглашаться.

Посоветовались матросы и отказались выполнить приказ капитана.

Прошел день, второй, третий. Набралось за это время в гамбургском порту до десятка других кораблей: английские, французские, датские. Узнали и на этих кораблях матросы, в чем дело. Решили и они поддержать немцев.

Стоят суда у причалов. Замер гамбург-

ский порт. Лишь вахтенные ходят по палубам.

Прошла неделя. И вот вечером, когда на «Петре Великом» все улеглись уже спать, к вахтенному матросу Ивану Гагину подошел носатый немец и сунул ему какую-то записку. Развернул Гагин, смотрит: по-немецки написано.

Немецкого языка Гагин не знал. Покрутил бумагу в руках, почесал за ухом, размышляет, как же ему быть. И вахту оставить нельзя и некого крикнуть: все спят. А бумага, наверное, важная.

Прошелся Гагин по палубе, приблизился к капитанской каюте. Темно.

Ладно, решает, капитан спит, не заметит, сбегаю вниз к матросам.

Примчался, стал будить соседа по койке Фому Спирина.

— Ну что тебе?—нехотя отозвался Спирин.

— Бумага.

— Какая еще бумага?

— Немец сунул.

Взял Спирин бумагу и только плечами пожал. Стали будить других. Многие и сами от шума начали просыпаться...

— Буди Сомова. Он по-немецки знает.

Разбудили.

Посмотрел Сомов бумагу, прочитал, улыбнулся.

— Да ты давай вслух, вслух! — зашумели матросы.

— «Либе геноссен...» — прочитал Сомов.

Все стихли.

— «Дорогие товарищи»,— перевел на русский язык.—«Данк фюр ойре солидаритет» — «Благодарим за солидарность», то есть за помощь,— объяснил Сомов.

— Понятно.

— «Вир хабен гезигт. Пролетариер аллер лендер, ферайнихт ойх!» — прочитал Сомов.— «Мы победили. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Мало кто в эту ночь спал из матросов.

— Их взяла, значит. Добились. Помогли, выходит, и мы немцам.

— Помогли,— соглашается Сомов.— Все помогли: англичане, французы, датчане...

На следующий день с утра немецкие грузчики приступили к работе. Таскают с «Петра Великого» ящики, бочки. Работа спорится. Посматривают немцы на русских, улыбаются. И русские в ответ улыбаются.

Принялись русские моряки помогать немцам. Взялся и Гагин. Подхватил с каким-то немцем тяжелый ящик, присмотрелся, а немец тот самый, носатый, что записку вчера ему сунул.

Кивнул ему по-приятельски Гагин. И немец кивнул. Тащат они ящик по сходням.

— Пролетариер аллер лендер, ферайнихт ойх! — прошептал немец.

— Ферайнихт ойх! — повторил Гагин.

НОВАЯ РУБАХА

Пообещал отец к маю Николке новую рубаху купить.

Соберутся вечером мать, отец и Николкина сестра Клава, заведут разговор о рубахе.

— Лучше белую, с пояском, навыпуск,— скажет Клава.

— Не настираешься. Надо синюю или в мышиный цвет,— заявит мать.

— Зачем же в мышиный? — возражает отец.— Мы ему купим красную, яркую, в маковый цвет.

Замирает сердце у Николки, глаза разгораются.

— Так какую тебе рубаху? — спросит отец.

— Мне бы с карманом, с пуговками на груди, красную.

Расхвастался Николка про рубаху дружкам и приятелям. Стали и ребята спорить, какую ему рубаху.

— Пусть купят матроску,—заявляет Зойка Носкова.

— С вышитым воротом выбирай,— советует Пашка Солдатов.

Бегает Николка среди заводских бараков, кого ни увидит, про рубаху рассказывает.

Повстречал рабочего парня Степана Широкова.

— А мне рубаху новую купят.

— Да ну?!

— Ей-ей!

Увидел слесаря Тихона Громова.

— А мне рубаху к маю отец обещал.

— Ты смотри! Добрый, выходит, отец.

— Добрый,— смеется Николка.

Встретил старика токаря Кашкина.

— Мне на май папка рубаху купит.

— Скажи-ка на милость!

Через несколько дней во всем поселке не было человека, который бы не знал про рубаху.

Незадолго до Первого мая Николкин отец уехал в город Иваново. Уехал отец и не вернулся. Случилась беда. Задержали в

Иванове Николкиного отца жандармы, арестовали.

Опустело, изменилось в доме у Николки. Мать плачет. Клава угрюмая ходит.

— Мам, мам,— пристает Николка.— А чего же папка не едет?

Прижмет к себе мать Николку, молчит.

Приблизилось Первое мая. Собрались рабочие, заговорили о празднике, о рабочей выручке и солидарности. Были здесь и старик Кашкин, и слесарь Тихон Громов, и Степан Широков, и другие рабочие. В конце сходки старик Кашкин заговорил о Николкином отце, вспомнил и то, что пообещал тот к маю сыну рубаху.

— Купим ему рубаху,— решили рабочие.

Наступило Первое мая. Проснулся Николка и не поверил своим глазам: рядом на стуле рубаха. Новая. С карманом. С пуговками на груди. В маковый цвет.

— Папка, папка приехал! — закричал Николка.

Подошла мать. Не знает, что и сказать.

— Нет, не приехал папка,— ответила.— Не скоро приедет.

Смотрит Николка на мать, соображает: откуда тогда рубаха?

— Знаю, знаю!—закричал.— Папка прислал.

Глянула мать на сына. Думает: рассказать или нет про рубаху? Мал Николка. Глуп. Где ему понять про рабочую солидарность!.. Решила смолчать.

Надел Николка новую рубаху, помчался на улицу, кого ни увидит, хвастается.

Повстречал рабочего парня Степана Широкова.

— А мне папка рубаху прислал.

— Да ну?! — «подивился» парень.

Увидел слесаря Тихона Громова.

— А мне папка рубаху прислал.

— Ты смотри! — улыбается Громов.— Вспомнил, выходит, отец.

— Вспомнил, вспомнил! — смеется Николка.

Догнал старика токаря Кашкина.

— А мне папка рубаху прислал.

— Скажи-ка на милость! И правда. Ну и рубаха!

— Новая, новая,— не умолкает Николка.— И про карман не забыл и про маковый цвет.

Прижал к себе Кашкин Николку, гладит по голове, а у самого на глазах слезы.

— А чего ты плачешь?

— Да это я так. Беги-беги. Играй. Май нынче... Рабочий праздник...

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА

Май встречали вместе — все три завода. Двинулись рабочие с Нагорной, с Литейного, с Маршевой и других улиц плотными колоннами в центр города.

С утра к своему заводу отправился и Гошкин отец.

— И я с тобой,— пристал было Гошка.

— Мал еще,— усмехнулся отец.— Сиди дома.

— Я тоже хочу,— упирается Гошка.— Я вот чего смастерил,— и показывает красный флажок.

— Но, но! — прикрикнула мать.

Остался Гошка с матерью, а самого за отцом тянет. Покрутился он в комнате, сунул флажок за пазуху, направился к двери.

— Ты куда? — насторожилась мать.

— К Ваньке Серегину.

Выбежал Гошка во двор, юркнул за дом и вихрем помчался на Нагорную.

Прибежал на Нагорную — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Переждал Гошка, пока прошли рабочие, пристроился сзади. Только полез за пазуху за флажком, как вдруг:

— Домой! Марш! К мамке! — закричал какой-то рабочий.

— Так я с вами. Я Май встречаю.

— А ну-ка живо! Немедля!

Отстал Гошка. Постоял, подумал, помчал на Маршевую.

Прибежал — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Подошел Гошка к рабочим, только поступает теперь умнее.

— Я к папке, я к папке,— зачастил.— Меня мамка послала. Мне нужно. Он впереди.

Раздвинулись рабочие, уступили дорогу Гошке. Добрался он до самого первого ряда. Перевел дух, глянул, а рядом и вправду отец. Идет, красное знамя держит в руках.

Хотел Гошка незаметно юркнуть назад, да поздно.

— А ну-ка ступай сюда,— поманил отец.

Подошел Гошка.

— Тебе что же, ни мать, ни отец не указ!

— Так я же как все. Я тоже хочу. Я же вот чего смастерил,— вытаскивает Гошка из-за пазухи красный флажок.

Улыбнулся отец. Засмеялись другие рабочие.

— Ты смотри, знамя!

Глянул отец на свое большое красное знамя, посмотрел на Гошкин флажок, опять улыбнулся, потрепал сына по голове.

— Ну, а теперь ступай к мамке.

— Да я...

Гошка не договорил. Из переулка наперерез демонстрантам выскочила группа солдат с винтовками.

— Стой! — закричал офицер на рабочих.— Стой!

Замедлили демонстранты шаг, остановились.

— Разойдись!

Сдвинули рабочие теснее ряды, окружили Гошкиного отца и знамя.

Солдаты вскинули ружья.

— Сынок,— зашептал отец Гошке.— Сынок, беги!

Гошка не двигался.

— Кому говорят, беги! — закричал отец. Он с силой оттолкнул мальчика.

Отлетел Гошка к самому тротуару. Стоит. Маленький-маленький. То на солдат, то на рабочих посмотрит. Видит: поднял офицер руку. Прижали солдаты к плечам винтовки. Секунда — и стрельнут.

И вдруг:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе,—

запел Гошкин отец. Он взмахнул красным знаменем, и в тот же миг в один шаг, словно один человек, рабочие двинулись навстречу солдатам.

— Пли! — прохрипел офицер.

— Папка! Папка! — закричал Гошка и бросился к демонстрантам. Подбежал, уткнулся в отцовские брюки.— Папка! Па-а-пка!

Наклонился отец, подхватил Гошку и посадил к себе на плечи.

Глянул мальчик: уступают солдаты дорогу рабочим, опустили ружья.

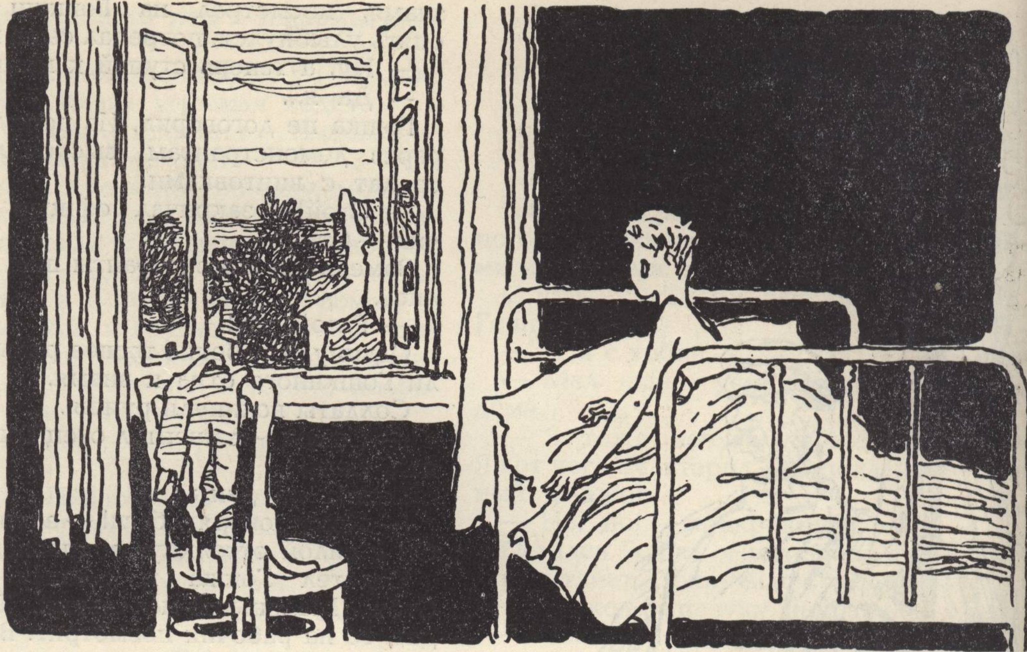
— Пли! Пли! — хрипит офицер.

Да только никто офицера не слушает.

Заулыбался Гошка, приветливо замахал красным флажком солдатам.

Прошли рабочие по Маршевой улице, повстречали тех, кто шел по Нагорной, кто шел по Литейному, кто шел по другим улицам и площадям города. Заколыхалось не одно и не два знамени. Десятки красных знамен полощутся в майском небе. Гремит, не умолкает над городом песня:

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда...

Оборванная леска

Владимир КЕССЕНИХ

РАССКАЗ

Рисунки Н. Цейтлина.

1

Ночь была беспокойная. Колька часто просыпался, вглядывался в четырехугольник окна и опять зарывался в подушку. Каждый раз начинался новый сон, и было обидно, что ни одного нельзя досмотреть. В последний раз Колька уже было догнал шпиона, уже наставил пистолет, как вдруг скрипнула дверь. Сон стал быстро уплывать. Мальчик крепче зажмурился, еще надеясь услышать, как будет «проситься» шпион...

...Осторожно вошла мама. Вот зашуршала гимнастерка, звякнула пряжка широкого ремня... Сейчас будет стаскивать сапоги...

Мама работает на заводе вахтером и сильно устает, особенно после ночного дежурства. Засыпает она быстро... Тогда можно и встать. Время-то, наверное, около пяти...

Колька лежит с закрытыми глазами. В комнате тепло и сонно. Мерно дышит мать, изредка охнет бабушка, сладко причмокивает пятилетний Витька. Вставать не хочется...

Воспоминание, неясное и радостное, маячит сперва далеко, потом ближе, ближе и, наконец, ярко вспыхивает. Колька схватывается с кровати, натягивает штаны и бежит на кухню. Плеснуть в лицо водой, взять готовую с вечера снасть и выскользнуть за дверь — минутное дело. А хлеб с маслом можно съесть на ходу.

Очутившись на воздухе, Колька задирает голову. Светло. Небо серо-синее, под цвет Колькиной линялой рубахи. Висит месяц, бледный и ненужный, как горящая утром лампочка над парадным. Тихо.

Постояв на крыльце, Колька двинулся через двор. Навстречу вышла худая кошка, хмуро взглянула на мальчика и села умываться. Колька бросил кошке остаток хлеба и несколько секунд смотрел на отливающие синевой стекла громадного дома. Одно окно интересовало его больше других. «Спит еще»,— подумал мальчик и половчей взялся за удочки.

2

Только рано утром различаешь солоноватость моря да сладкий запах цветущей акации. А потом припечет солнце — и все потонет в запахах бензина, горячей пыли и размягченного асфальта.

Легко дышится Кольке. Укатанное шоссе стелется под ноги. Так бы и запел: «Дорога вдаль зовет меня... Абара я!..» Мальчику предстоит пересечь город из конца в конец, и он, разумеется, сделает это кратчайшим путем. Короткий путь — рискованный путь, но Кольке именно так и надо...

Поравнявшись с деревянным забором, мальчик отыскивает удобное место, перебрасывает удочки и, повиснув на руках, подтягивается, брыкая ногами. Подобрав снасть, Колька крадется среди штабелей леса, кирпича, цементных куч. Облепленная раствором бетономешалка наклонилась вбок. От застывшей туши экскаватора тянет машинным маслом. Обвисли стальные жилы, блестящие зубья ковша уткнулись в землю.

Приближается самый опасный участок — будка сторожа. Здесь надо ползти на животе, согнувшись, пробираться по траншее газопровода. Перескочив десяток канав, протиснувшись в такое же количество дыр, Колька выходит на пустырь.

3

Удивительные вещи иногда творятся с людьми! Ни с того ни с сего хочется горланить песни, перелезать через самые высокие заборы, драться... И очень хочется видеть все время одного и того же человека.

У Кольки это началось в конце зимы.

Была оттепель. Звенели сосульки. Тротуары были чисты, точно классная доска перед уроком. Колька вернулся из школы и уже собирался толкнуть дверь парадного, но она открылась сама. На мокрое, залитое солнцем крыльцо вышла девочка, самая обыкновенная девочка. В больших домах таких много. Сколько раз таскал их Колька за косы, «кормил» снегом, рисовал со спичками вместо ног! Только ни у кого не видел Колька таких глаз — синих, чистых, необыкновенных. Чувствуя, как что-то в животе холодеет, Колька ошалело посторонился...

Девочку звали Галя. Ее отец был новый директор, а приехали они из Тбилиси. Все это Колька разведал на другой же день, но что делать дальше, не знал. Открыто подойти к ней и заговорить нельзя: засмеют во дворе. Зимой было еще ничего: если Галю забрасывали снежками, Кольке удавалось ввязаться в перестрелку и незаметно прикрыть, взяв огонь на себя. Но на юге зимы короткие...

Колька основательно приуныл, и трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы не случай...

4

Однажды раскаленным июльским полднем Колька плелся домой. Короткое удилище гнулось под тяжестью бычков — черных, зеленоватых, песчаных. Верхние уже засохли и скрючились, нижние еще шевелили хвостами. Колька уже предвкушал спасительную прохладу подъезда, когда его обогнала пыльная «Победа» Галиного отца. Директор с дочерью и сыном-студентом тоже вернулись с рыбалки. Из машины выгрузили связку удочек, несколько авосек и небольшое ведерко с мутной водой. Колька презрительно сморщил облупленный нос и хотел прошмыгнуть в подъезд, но директор загородил дорогу:

— Вот это улов, я понимаю! Где ты их столько надергал, герой?

Колька смущенно потупился:

— Да в порту!

— Слышите, непутевые? Что я вам говорил? Заладили: «На Миус! На Миус!» Разузнать надо было, проконсультироваться... Ведь такой специалист под боком! Эх, вы!..— Огорченно махнув рукой, директор взял в охапку вещи и ушел.

Колька снова, как когда-то зимой, оказался перед Галей. Правда, тут же стоял студент. Звали его странно — Сталем. Был он долговяз, все время поправлял пышную прическу, но с Колькой обращался уважительно, и они быстро нашли общий язык. Сталя особенно интересовало, где ловятся знаменитые «черномазые» и на что они лучше всего идут. Коля охотно рассказывал, и в конце концов рыболовы договорились в ближайшее воскресенье вместе отправиться в порт ловить бычков, а в следующее — поехать на Миус за красноперками.

Во время разговора девочка в нерешительности стояла на крыльце, изредка поглядывая на Кольку. Потом спросила:

— Сталь, ты меня возьмешь?

— Возьму, если захочешь.

Открывшееся счастье было таким ослепительным, что Колька на мгновение зажмурился и хрипло проговорил:

— Я еще знаю, где сомы водятся, вот такие... Только лесу надо особую.

— Что ж, у меня есть капроновые...

— Нет, нужно из оленьей жилы...

Через минуту Колька ворвался в комнату, швырнул засохших бычков и пустился в сумасшедший пляс. В буфете тихонько звенела посуда, а бабушка испуганно крестилась:

— Ты уж не того... не свихнулся, часом, от жары?

Нет! Нет! Нет! Леску он выпросит у Владимира Владимировича, червей накопает в балке, а ловить они будут у Старого мола. Порядок! Конечно, он поймает сома и подарит его Гале. Он так и скажет: «Это тебе». Протянет загорелую мускулистую руку. В руке леска — прозрачная, сверкающая, чуть дрожащая. На леске извивается сом — темно-зеленый, с фиолетовыми свирепыми глазками. Ни один пацан в городе не вылавливал такой рыбины. А Колька поймает...

Пустырь кончился, упершись в разрушенную ограду из известняка. За ней начинается кладбище. Пятый год ходит Колька этой дорогой в школу и знает здесь каждый закоулок. На кладбище давно не хоронят. Оно быстро зарастает кустами бузины, ржавеют и рассыпаются решетки, обваливаются своды фамильных склепов. Кое-где еще удается разобрать имя греческого купца, да по-прежнему блестят на закате полированные грани мрамора. Взрослые собираются разбить на месте кладбища парк. А мальчишкам и так неплохо: места хватает даже для футбола, казакам-разбойникам есть где прятаться, и, самое главное, здесь всегда немного страшно.

Последний отрезок Колькиного пути — улица Карантинная — ведет к маяку. Если свернуть влево и выйти к памятнику Петру Первому, откроется море и весь порт как на ладони.

Всходит солнце. Море, небо, облака — точно розоватое расплавленное стекло. Пройдет немного времени — и узкая полоса «той» стороны залива отделит небо от моря, море начнет наливаться синевой, а небо медленно тронется вверх большим голубым аэростатом.

Царь и Колька стоят рядом. Только один на чугунном постаменте, а другой на влажном гравии. Один сердито округлил глаза, яростно топорщит усы, сжимает тяжелую трость, а другой — наоборот, блаженно щурится, то ли от солнца, то ли от избытка чувств. Потом мальчишка срывается и кубарем скатывается вниз, а царь остается цепенеть в бронзовой неподвижности...

5

«Ловись, рыбка и бычок, на маленький червячок»,— бормочет Колька испытанную присказку, сплевывает «на удачу» и забрасывает удочки. Потом начинает готовить снасть с заветной леской.

Море, ласковое и синее, тихонько плещет о стенку. В трещинах между белыми глыбами известняка тянется к солнцу редкая трава. Временами Колька прислушивается к далекому треньканью трамваев. Там, на горе, сквозь густую зелень деревьев нет-нет да мелькнет игрушечный красный вагон. В одном из таких вагонов приедет Галя...

Бычки идут дружно. Колька успевает натаскать больше десятка, когда за его спиной раздаются смех и приближающиеся

голоса. Резко обернувшись, Колька видит Сталя в красной майке и лыжных брюках. С ним незнакомый мальчик. У Кольки екает сердце, но он тут же облегченно вздыхает. Следом выбегает смеющаяся Галя, легко вскакивает на камень и восторженно смотрит на море. В цветастом ситцевом сарафане, гибкая и тоненькая, она похожа на цветок. Пушистые волосы выгорели. Кажется, что загорело не только лицо, но даже глаза стали темно-синими...

Заброшена прозрачная леска с живой насадкой. Но Колька забыл о ней. И без сома он совершенно счастлив: Галя ловит Колькиной удочкой. Ей очень интересно. Девочка старается во всем подражать Кольке. Когда поплавок уходит под воду, Галя испуганно-радостно шепчет:

— Коля, дюбает! — И вытягивает губы смешной трубочкой...

Солнце поднимается выше. Крупная рябь морщит воду. Коля замечает, что девочка помогает ему без прежней охоты. Она устала, или бычки стали хуже клевать. Наконец Галя бросает удочку и подходит к незнакомому мальчику. Колька, охваченный азартом ловли, совершенно о нем забыл и теперь рассматривает с неприязненным любопытством. У мальчика бледное капризное лицо. Большие черные глаза. Одет он в пеструю курточку с застежкой «молнией». В руках у мальчика невиданное удилище — все сверкает лаком и украшено разноцветными колечками. Леска привязана не к концу, а продета через множество дужек и накручивается на большую алюминиевую катушку. Барабан громко щелкает, распугивая рыбу. Кольке ясно, что незнакомый пацан просто форсит, но Гале такая удочка очень нравится. Она неумело берется за ручку и со смехом говорит:

— Ой, Женя, я не умею!

Колька несколько минут наблюдает за ними, потом не выдерживает:

— Слушай, дай-ка я попробую твою вертушку.

Мальчик поднимает брови.

— Во-первых, не вертушка, а спиннинг, а во-вторых, сперва научись с ним обращаться, а потом проси.

Кольке хочется сказать: «Ну и подавись своей спиннингой!» — или еще крепче, но он только глотает слюну и возвращается на место.

Ползут тучи. Море становится мутно-зеленым. Короткие злые волны бьют в осклизлые сваи. Колька крепко держит прозрачную леску — свою единственную надежду. Беззвучно шепчет: «Сомик, миленький, возьми!»

Вдруг резкая боль стискивает руку. Белеют туго стянутые пальцы. Галя, Женя и Сталь вздрагивают от истошного крика: «Е-е-е-сть!»

Спиннинг мгновенно забыт. Женя и Галя бросаются к Кольке. Сталь тоже здесь. Он не вмешивается, но в любую минуту готов прийти на помощь...

Леска со свистом режет воду. Колька ухватился за нее обеими руками и, широко расставив ноги, ходит по причалу. Вернее, леска водит его — бледного, взъерошенного, с темными крапинами веснушек. Все молчат. Слышно Колькино трудное дыхание...

Взвизгнув, леска рвется. Стрелой уходит под воду. Колька непонимающе смотрит на зажатый в кулаке обрывок. Это все!.. В пятиметровой глубине ее не найти...

Перед глазами встает излюбленная картина: загорелая рука, сом... Мальчик выпрямляется и прыгает «солдатиком» вниз.

6

Лежит Колька в тени большого камня. Уткнулся лицом в согнутые локти, зажал уши. Не помогает. Гудят и рвутся в Колькиной голове сотни сверкающих лесок...

Горько пахнет трава. На горячем камне сохнут лыжные брюки Сталя. А сам он сидит рядом и читает, изредка поглядывая на Кольку. Женя и Галя ушли за мороженым и что-то долго не возвращаются. Сталь тихонько трогает больную ногу — ушиб, когда прыгал за Колькой.

Солнце печет что есть силы. Тень большого камня стала совсем маленькой. Сталь откладывает книжку, снимает красную майку и укрывает Колькину бедовую голову.

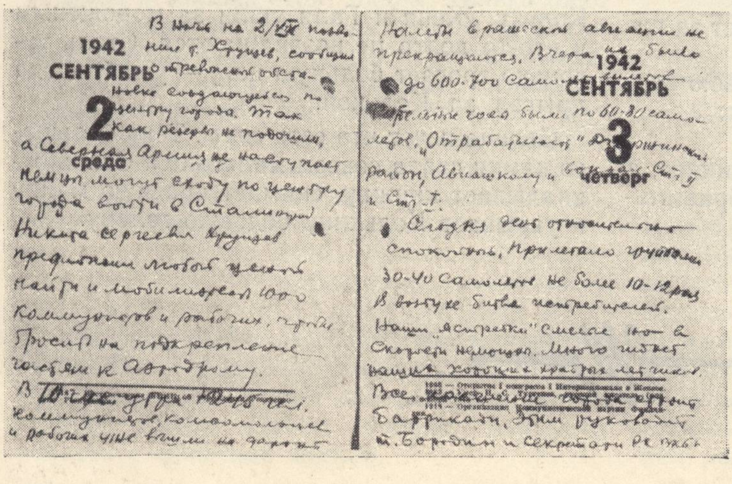
Реликвии славы

9 мая. День, в который кончилась война. В этой войне были разгромлены силы фашизма. Те, кто сражался и умирал за победу, хотели, чтобы она стала победой над всеми войнами и чтобы никогда больше не грозила человечеству военная смерть. Пятнадцатый раз возвращается на землю День Победы, и мы снова вспоминаем своих героев. Документы, фотографии, стены домов, даже камни мостовых рассказывают об их подвиге.

Вот знаменитый «Дом Павлова» в Сталинграде. Полуразрушенный, смертельно раненный дом, превращенный горсткой бойцов в неприступную крепость. Сейчас Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов работает в Валдае. Он секретарь Валдайского райкома партии.

Внизу — две странички настольного календаря. Это календарь товарища Н. С. Чуянова, председателя Сталинградского городского комитета обороны. Странички, на которых человек обычно записывает, что надо сделать, чтобы не забыть, стали летописью сталинградского подвига. На листке 2 сентября 1942 года записано: «Позвонил т. Хрущев». Никита Сергеевич Хрущев был участником Сталинградской битвы, одним из ее руководителей. В эти дни положение было трудным, резервы не подошли, и вся надежда оставалась на рабочих, на коммунистов и комсомольцев Сталинграда. Для подкрепления срочно требовалась тысяча человек. Разговор происходил ночью. А в десять часов утра 1 245 коммунистов, комсомольцев, рабочих вышли на фронт.

1942
СЕНТЯБРЬ
2
среда

В ночь на 2/IX позвонил т. Хрущев, сообщил о тревожной обстановке, создающейся по центру города. Так как резервы не подошли, а Северная армия не наступает, немцы могут с ходу по центру города войти в Сталинград. Никита Сергеевич Хрущев предложил любой ценой найти и мобилизовать 1000 коммунистов и рабочих, чтобы бросить на подкрепление частям к аэродрому. В 10 ч. утра 1245 чел. коммунистов, комсомольцев и рабочих уже вышли на фронт.

1942
СЕНТЯБРЬ
3
четверг

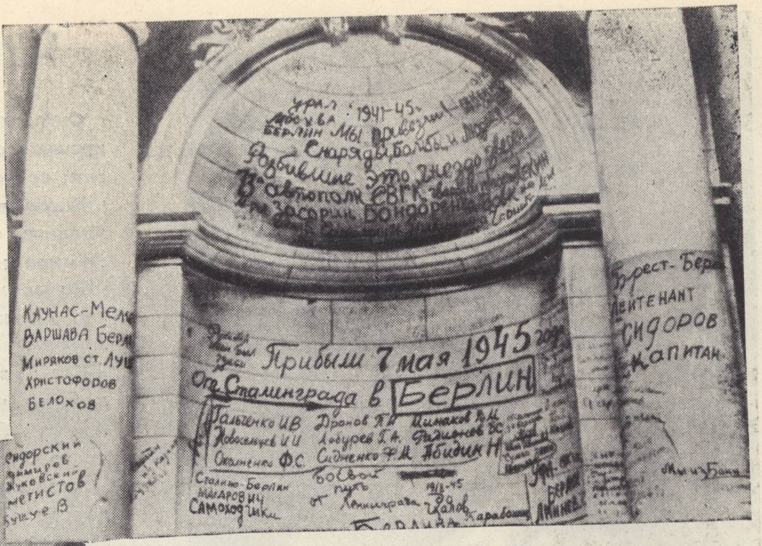
Налеты вражеской авиации не прекращаются. Вчера было до 600-700 самолетовылетов. В отдельные часы были по 60-80 самолетов. „Отрабатывали" Дзержинский район, Авиашколу и заводы Ст. З и Ст. Т. Сегодня день относительно спокойный, прилетали группами 30-40 самолетов не более 10-12 раз. В воздухе бились истребители. Наши „ястребки" смело шли в схватки с немцами. Много гибнет наших хороших храбрых летчиков. Все ... баррикады. Этим руководит т. Бородин и секретари РК ВКП(б).

Это комсомольский билет, простреленный вражеским осколком. Тем же осколком сражен и сам комсомолец Василий Азаров, один из геройских защитников Севастополя.

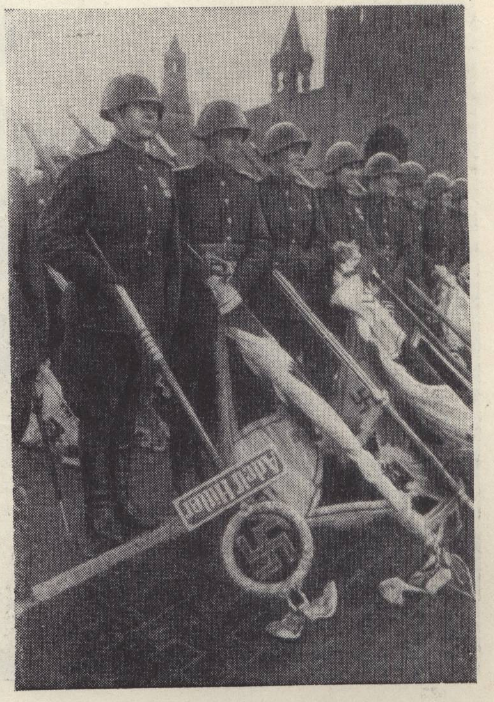
Орден Победы, учрежденный в Великую Отечественную войну.

Эти фотографии были сделаны в 1945 году, после тяжелых, кровопролитных боев. Наши бойцы поднимают красное знамя на крыше здания. Город, который виден с этой крыши,— Берлин. Здание, над которым вьется красное полотнище,— здание германского рейхстага. Вы видите надписи на его стенах. Это советские солдаты написали свои имена.

Красное знамя победы над гитлеровским Берлином! Оно освободило миллионы людей. Оно принесло мир.

24 июня 1945 года, празднуя победу, торжественным строем прошли войска по Красной площади, перед Мавзолеем. Наш народ отстоял дело Ленина: мир и светлое коммунистическое завтра. Советские воины сфотографированы на параде с поверженными фашистскими знаменами. Со зловещей свастикой было покончено.

Но остались, уцелели на земле те, кто хочет войны. Они стараются расколоть человечество, разрушить дружбу народов, возродить фашизм, отнять у людей мир. Миллионы честных людей во всех странах пятнадцать послевоенных лет защищают мир, ведут войну против войны. И силы мира берут верх. Уже близок день победы над всеми войнами, день, когда будут уничтожены все ядерные бомбы, все пушки, все танки, все миноносцы.

Суворовец — скульптор

Скульптор Евгений Абалаков был одним из лучших советских альпинистов. Участник пятидесяти восхождений, он первым поднялся на величайшую в нашей стране горную вершину — пик Сталина. Одна из покоренных недавно вершин Памира названа его именем.

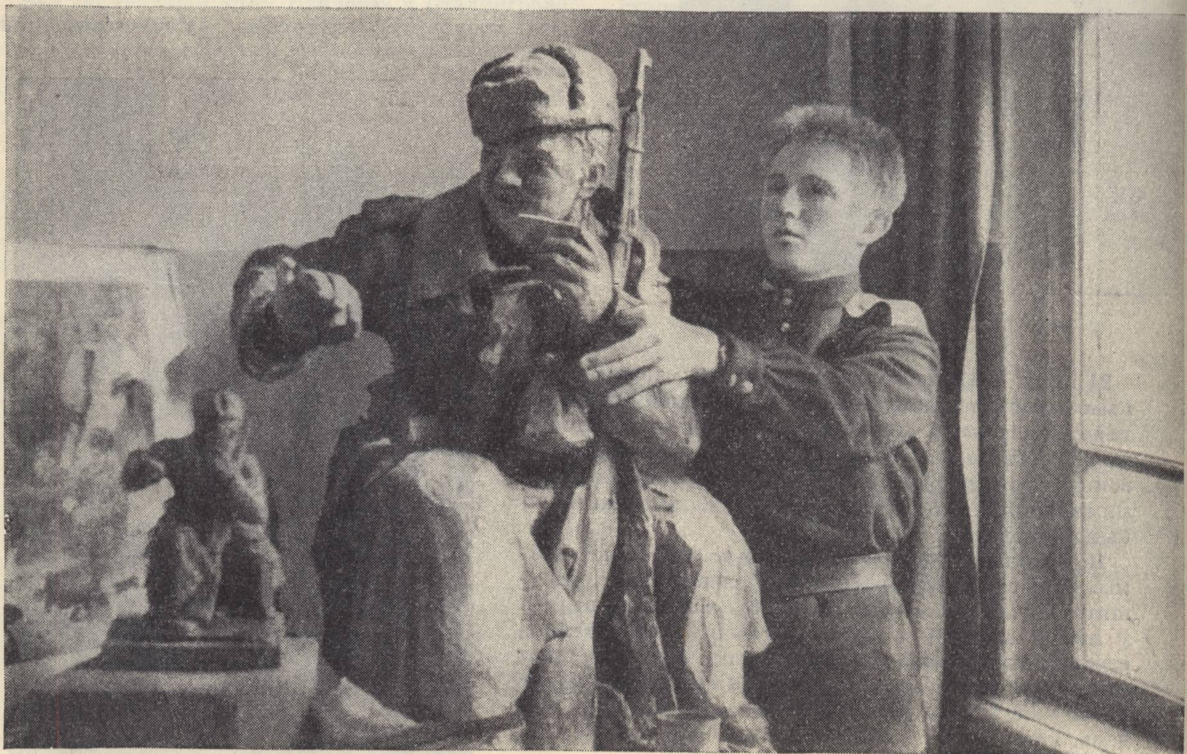
Во время Великой Отечественной войны Евгений Абалаков добровольцем ушел в Советскую Армию.

Вот таким, человеком страстным, человеком добрым, человеком-победителем, изобразил отца Алеша Абалаков, воспитанник Тульского суворовского училища.

Алеша владеет самым ценным для художника даром: он умеет увидеть внутренний мир человека, раскрыть и подчеркнуть его духовное богатство, его внутреннюю силу и красоту. Посмотрите на одну из первых его работ. Ну конечно, это Теркин, веселый непобедимый солдат.

Все свободное время отдает Алеша лепке. Им созданы скульптурные портреты бойцов и офицеров Советской Армии.

Сейчас он работает над эскизом на тему «Герои Брестской крепости».

Вот отсюда, из этого дома на берегу Женевского озера, шли к нам письма Ромена Роллана.

Письма Ромена Роллана

О. ЛИПИНА

В конце 1928 года я и мои товарищи, узнав, что 29 января день рождения французского писателя Ромена Роллана, послали ему поздравительное письмо. Нас было шесть человек, и все мы только что прочитали его чудесное произведение «Кола Брюньон», полное искрящегося юмора и удивительной человечности, и были в восторге от него.

Мы, конечно, не ждали ответа, но в начале февраля 1929 года нам принесли голубой конверт. Это было очень ласковое письмо. Роллан спрашивал нас, что мы делаем в Институте рыбного хозяйства (этот институт был указан в обратном адресе, так как мои родители работали там и наша квартира находилась в том же доме).

Так завязалась переписка. Она продолжалась много лет.

Однажды Р. Роллан написал: «А что если в этом году мне удастся наконец посетить Москву?»

Мы не очень поверили этому: мы знали, что Р. Роллан последнее время часто болел, болезнь и на этот раз может помешать ему приехать в Советский Союз. Поэтому весть о его приезде летом 1935 года была для нас радостной неожиданностью.

И вот однажды вся наша компания подкатила к подъезду большого красного дома с колоннами, к даче А. М. Горького. Машина остановилась, и мы вышли. Нас встретила маленькая, худенькая женщина, гладко причесанная и скромно одетая. Это была жена Р. Роллана — Мария Павловна, русская по национальности. Приветливо поздоровавшись с нами, она сказала: «Извините меня, я отведу вас в дом, а затем удалюсь. Роллан не хочет, чтобы я присутствовала при вашем свидании. Он говорит, что так ему легче будет почувствовать каждого из вас, посредник будет только мешать ему».

Мария Павловна провела нас в большой, светлый зал и попросила подождать. Мы сидели, уставившись жадными взглядами на все двери, ведущие в зал, и ждали: из какой из них выйдет Роллан? И какой он окажется? Но вот одна из дверей отворилась, и в ней показался высокий, худой блондин в длинном черном сюртуке и в шляпе с полями. Он шел медленно, опираясь на трость. Сказав несколько приветственных слов, Роллан предложил нам пройтись по саду, повидимому надеясь, что на прогулке мы разговоримся, так как все мы смущенно молчали. Он расспрашивал нас о том, кто из нас где учится, каковы наши будущие специальности и почему отсутствуют некоторые из «стерлядок». И вскоре мы перестали стесняться.

Р. Роллан заметил: «Злые языки говорят, что в СССР нет жизнерадостных и веселых людей, которые бы искренне смеялись. Теперь я убедился, что это неправда. Вот передо мной молодые, открытые и веселые лица. Видно, что вы любите жизнь и смело по ней шагаете».

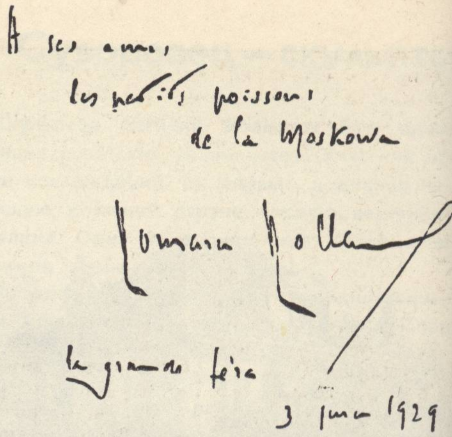
Мы медленно шли по широким дорожкам пар-

ка, жадно впитывая в себя и стараясь запечатлеть в памяти облик Р. Роллана, его голос, напряженно вслушиваясь в французскую речь.

Р. Роллан привел нас в дальний и, по-видимому, любимый им уголок парка — круглую беседку в чаще тенистых деревьев. Отсюда открывался чудесный вид на реку, луга и леса, уходящие вдаль.

Мы сидели все рядом, и я могла близко видеть его лицо. Меня поразили его глаза. Голубые, как небо, и, как небо, бездонно глубокие и чистые, под густыми, нависшими светлыми бровями. Взгляд их светился лаской и доброжелательством, и в то же время это был испытующий взгляд. Казалось, что он проникает в самую душу, в самые ее глубины, куда и сам-то не всегда заглядываешь. Чудесная, открытая и ясная улыбка временами освещала его лицо.

Долго еще мы жили под впечатлением этого свидания и под обаянием этого прекрасного человека и великого писателя.

Надпись на фотографии, присланной нам: «Моим друзьям, маленьким рыбкам из Москвы. Ромен Роллан».

«Моим маленьким рыбкам из Москвы»

Вильнев (Во), Швейцария, 29/I—1929 г.

Дорогие мои дети, Андрей и Елена Липеровские, Ольда и Олег Липины, Марианна Юркевич, Л. Токарев, ваше милое письмо было для меня и неожиданностью и большим удовольствием, сердечно благодарю вас за него. Кому же пришла в голову эта мысль? И кто сумел написать так по-французски? Не прячется ли за вашей спиной чей-нибудь папа? Или мама? Нет? Это сами вы написали так хорошо? Ну, тогда я поздравляю вас. Ничто не может принести больше пользы вашей стране, чем хорошее знание иностранных языков и умение говорить на них. Ибо для каждой страны язык — то же, что решетка для сада. Пока решетка заперта, мы друг для друга остаемся чужими. Но стоит вам открыть калитку — и сад мой принадлежит вам, а вы мне, вы мои ребята, мои маленькие братья и сестры, и Кола Брюньон целует вас в обе щеки.

Нам с вами нет нужды объясняться на обоих наших языках, чтобы знать, что все мы люди.

Мы послали Ромену Роллану эту фотографию. «Дорогие «мои маленькие стерлядки»! — шутливо писал он нам.— Вы очень, очень милы. Мне хочется вас съесть — сейчас, когда вы все нанизаны передо мной на фотографии, как на вертеле. С кого же я начну? Все шестеро так вкусны на вид...» Здесь вся наша компания. Стоят (слева направо): Олег Липин, Андрей Липеровский, Лева Токарев и Лена Липеровская. Сидят: Ольда Липина, Марианна Юркевич и Н. Н. Липина. Олега и Андрея нет среди нас: они погибли, защищая Родину от фашизма.

Все мы дышим тем же воздухом, все мы видим над собой то же небо, все ходим по той же земле, все сделаны из одного и того же драгоценного и хрупкого материала. Все живущие — братья. Но это братья глухие и немые. Они в большинстве своем могут объясняться друг с другом разве только знаками, потому-то они нередко ошибаются относительно намерений друг друга.

Пойте, мои соловушки, чтобы мир увидел облик вашего сердца! И я, я тоже пою, на свой лад,— как поэт, чтобы мир увидел облик не только моего сердца, но и всех моих братьев и сестер, малых и больших, и чтобы он полюбил их так же, как и я горячо вас люблю, Ольда, Олег, Елена, Андрей, Марианна и Л. (Лев? Лука? Лаврентий? Леопольд? Людовик? Ленин?), мои маленькие рыбки. Что это вы делаете в Рыбном институте? Быть может, плаваете в банке с водой? Какого же цвета ваши чешуйки? Красные или голубые, или зеленые с красивым перламутровым отливом?

До свидания, мои стерлядки!

Ваш друг, большой сиг из озера Леман

Ромен Роллан.

Вильнев, 17 февраля 1931 г.

Мои шестеро детей — я похищаю вас у папы и мамы,— благодарю за добрые пожелания и премилые ваши маленькие письменные портреты. Я сопоставил их с вашими мордочками на фотографиях.

Посылаю вам взамен (одного за шестерых, видите, я в выигрыше!) старого вашего друга — таким, как он сфотографирован этим летом в своем саду. Не подумайте, что он всегда так горбится! Он весь подобрался, как старый кот — тише! он подстерегает птичку. Оказывается, он тоже может глядеть искоса, и он, вдобавок, может притаиться за собственными бровями. Остерегайтесь его!

Я думаю о вас с нежностью. И для собственного праздника целую вас. Тем хуже, если у меня колючие щеки!

Ваш старый друг

Ромен Роллан.

Эту фотографию мы получили от нашего друга.

Вильнев, 5 февраля 1933 г.

Дорогая моя маленькая стерлядка, я был счастлив, получив весточку от тебя. (Прости, что я обращаюсь к тебе на «ты»: поскольку стерлядки разошлись в разные стороны, каждая из них теперь не больше, чем «ты», и оно — частица того «вы», которое принадлежит всей группе.)

Меня не слишком огорчает, что вы шестеро не сохранили прежнего единства мысли. Это было почти неизбежно, особенно в наше время, когда все жизненные вопросы так усложнились везде и повсюду. Но что бы там ни думали те или другие из вас, продолжайте любить друг друга! Пусть я буду для вас связующим звеном! Это будет лучшим способом праздновать день моего рождения. Ваше долгое молчание меня беспокоило. Держите меня в курсе ваших дел. И если я смогу когда-либо быть вам полезным, дайте мне знать!

Сердечное спасибо, Ольда, за все то милое, что ты мне пишешь!

Твой старый друг

Ромен Роллан.

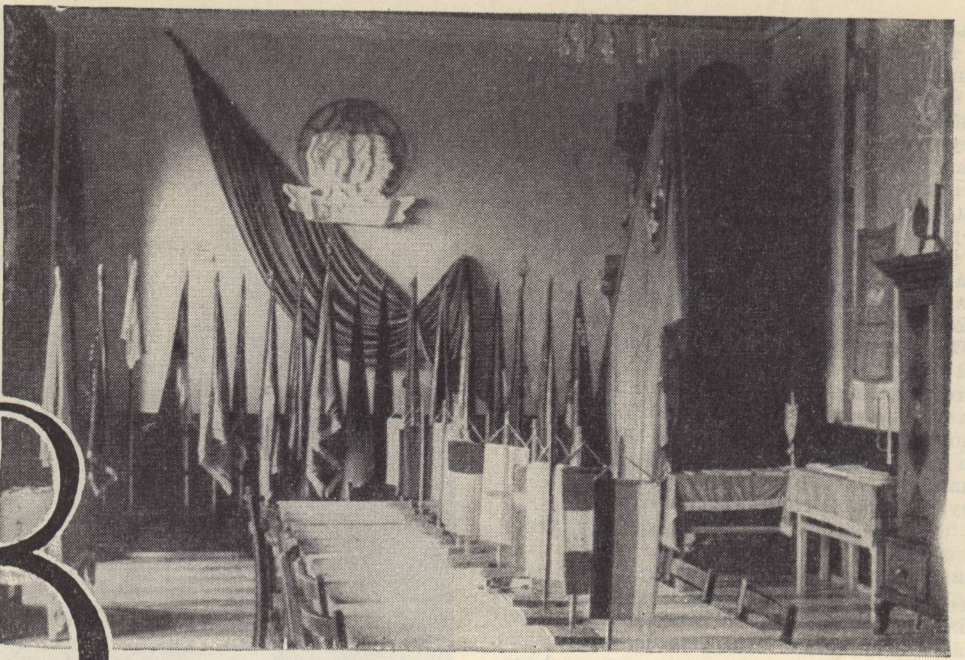
Вильнев, 10 февраля 1935.

Дорогие мои друзья — Елена, Андрей, Ольда, Олег и их мама (тут недостает двух из моих рыбок, но зато, как я замечаю, на поверхность всплывают еще новые) — благодарю вас за то, что вы остаетесь верны нашим встречам в конце января. Постараемся же снова встретиться в будущем году... А что если в этом году мне удалось бы наконец посетить Москву?.. Как знать?..

Я думаю о вас с сердечной любовью. Представляю себе, что вы не всегда согласны друг с другом. Но это не должно умалять вашей дружбы. И это ничего не меняет в моей. Достаточно, чтобы хотелось вместе трудиться (в меру своих сил) на благо всего мира, служить науке (или искусству) и человечеству. И быть искренними: это самое существенное.

Сердечно ваш

Ромен Роллан.

Знамена пионерской дружбы

Виктор **КРЮЧКОВ**

В этом рассказе не будет имен, потому что главные герои его — знамена. В этом рассказе не будет имен еще и потому, что мальчики и девочки, о которых пойдет речь, живут в капиталистических государствах, а там могут назвать «коммунистическим шпионом» каждого, кто борется за мир и стремится к дружбе с социалистическими странами.

Я очень обрадовался, приехав в зеленый польский городок Теплице. Ведь здесь находится удивительная коллекция пионерских знамен разных стран. Каждое лето сюда, в Международный детский лагерь мира, приезжают на отдых дети, и каждая делегация дарит лагерю свое знамя.

Вот знамя юных корейских партизан, треугольное знамя французских «вайянов» — отважных, зеленое — английской детской организации «Лесной народ», ярко-синее — немецких пионеров-тельмановцев, красное с серебряным орлом — знамя польских харцеров, пурпурное — наше, советское. И каждое знамя имеет свою удивительную историю.

* * *

...Поезд резко замедлил ход: приближалась граница. Пассажиры льнули к окнам, провожая взглядами островерхие крыши бельгийских деревень, только группе белокурых мальчиков и девочек было не до этого. Склонившись над потрепанным словариком, они хором повторяли трудные польские слова:

— Пшиязнь — дружба. Покой — мир. Обоз — лагерь. Добже — хорошо...

Дети бельгийских рабочих ехали в Польшу, в Международный детский лагерь, ехали отдыхать вместе с советскими, чеш-

скими, болгарскими, французскими, финскими, польскими ровесниками.

— Приготовить документы! Вещи!—раздался голос проводника.

Началась пограничная проверка. Богатые туристы, спекулирующие дефицитными товарами, были беспечны: что им сделают подобострастные чиновники?

И в самом деле, получилось, как писал Маяковский:

Глазами
доброго дядю выев,
Не переставая
кланяться,
Берут,
как будто берут чаевые,
Паспорт американца.

У иностранных туристов «вещи оказались в порядке», зато у пионеров...

— Куда везете эту коммунистическую тряпку? — Чиновник резким движением выхватил из чемодана красное полотнище с надписью «Союз бельгийских пионеров» и белесыми глазами уставился на ребят.

— Это — наше знамя.

— Изъять!

— Не имеете права!

— Молчи, щенок, иначе сам никуда не поедешь! Обойдетесь без знамени, ха!

Поезд пересек Германию, мчался через поля и перелески Польши, но никто не смотрел в окно. Никому даже взглядами не хотелось встречаться. Какие же они пионеры, если у них отняли знамя?

Как глянут они в глаза пионерам других стран, которые в Теплице встретят их со знаменами?

А в Международном лагере готовились к торжественной встрече.

Все построились на линейку. На мачте рядом с флагами других государств взвился флаг Бельгии.

Но опечаленные бельгийцы на линейку не явились. Уйдя в отведенную для них комнату, они заперлись на ключ. Никто не знал, что они там делали, но огонь в комнате горел до рассвета. Наутро, когда певучий горн созвал лагерь на линейку, все увидели, что бельгийская делегация идет под красным знаменем.

Самодельное, из куска простой ткани, с неумело вышитыми буквами, оно обнимало ребят, молчаливых и торжественных. Несмотря ни на что, знамя оставалось с ними.

Тогда весь лагерь без музыки и дирижера на разных языках запел «Интернационал». Потом все кинулись обнимать и целовать юных бельгийцев, а итальянские пионеры показали им подушечку, от которой, словно лучи от солнца, расходились яркие ленты.

— На этих лентах,— сказали итальянцы,— вышиты имена итальянских детей, которые хотели приехать в лагерь. Мы продавали газеты, чистили ботинки прохожим, отказывались от сладостей, чтобы приехать в лагерь дружбы, но итальянское правительство несколько лет подряд запрещало это многим ребятам. И вот тогда мы сделали «вымпел дружбы», где каждый, кому не удалось с вами встретиться, вышил свое имя. Видите, сколько имен?

Знамя бельгийцев и вымпел итальянцев поставили рядом в шеренгу знамен.

На линейке были зачитаны имена, вышитые на вымпеле, и совет лагеря решил: «Считать их заочными участниками лагеря, верными друзьями мира».

Кто после этого скажет, что друг далеко, если сердце его бьется рядом? Если о нем говорят знамена?

ЗАДАНИЕ ТРЕТЬЕ

На курсах школьных журналистов объявляются каникулы. Следующее занятие состоится в сентябре. К этому времени надо выполнить третье задание курсов: прислать заметку о самом интересном случае, который произойдет с вами или с кем-нибудь из ваших товарищей в лагере, в походе, в колхозе.

Первое задание хорошо выполнили Саша Носков из Урицка, Хона Гольберг из Риги, Сережа Грицай из Харькова, Саша Мартынович из Копыльского района, Минской области.

Ребята! Кто опоздал выполнить первое и второе задания курсов, может догнать товарищей за лето. Первые задания вы найдете в третьем и четвертом номерах «Пионера» за 1960 год.

Пионерские известия

№ 5 МАЙ 1960 г.

Весенний марш

Песня звонче! Небо выше!
Пусть ломает солнце лед,
Пойте с нами те, кто слышит,
Как зовут пути вперед.
Мы спешим весне навстречу,
Каждый солнцу сердцем рад,
Друг-рюкзак, скорей на плечи,
Собирайся в путь, отряд!
Если дружишь с вольным ветром,
Взять штурвал бы в руки смог —
Перед нами километры
Голубых морских дорог.
Ночью смелым звезды светят.
Серебрятся облака.
Где еще страна на свете,
Что, как наша, велика?!

АЛЕША ПУГАЧЕВ

ДВА ДНЯ В ЛЕСУ

Клуб интересных встреч при станции юных туристов существует уже два года.

Недавно члены клуба два дня провели в лесу со старшим инспектором, охотоведом Орловской области А. Н. Федоровым. Они изучали следы и повадки зверей.

Боря Скуридин

НА ГОРЕ МАШУК

Известный альпинист и ученый А. В. Пастухов в 1889 году поднялся на вершину Казбека и провел там большую исследовательскую работу. Пастухов составил и первую карту Эльбруса.

Сейчас при станции юных туристов создан клуб имени Пастухова. Ребята организовали мемориальный музей исследователя. Они побывали на вершине горы Машук, где похоронен А. В. Пастухов. Этим летом они поедут на родину географа, в село Ново-Деркул, Луганской области.

У. Хозанов.
г. Орджоникидзе.

← Малыш Коля Чистов тонул. Пионер Борис Лопаткин спас его. Вот они, эти мальчики из деревни Царево, Московской области.

Снимок В. Липницкого.

19 МАЯ ЯРЧЕ ГАЛСТУКИ ГОРЯТ, 19 МАЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ У РЕБЯТ!

★

ЗНАМЯ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРОВ

Школьники Братиславы (Чехословакия) отработали более 4 миллионов часов на стройках, собрали 9 тысяч тонн лома, посадили свыше 750 тысяч деревьев. Пионерской организации области вручено переходящее Красное знамя советских пионеров.

Вы с ним еще не знакомы?

Он родился в мае... Его так и назвали: Май. Жирафенок Май.

Ну и пронырлив же зверюга! Всюду заглянет со своей длинной шеей, все увидит. Мы назначили его нашим спецкором. Ждите сообщения Мая из походов, экспедиций, пионерских лагерей.

СТАНЕМ КОЛХОЗНИКАМИ

Теперь наша школа одиннадцатилетняя. Каждый вместе с аттестатом зрелости получит свидетельство животновода, овощевода, пчеловода.

Но для того, чтобы получить это свидетельство, нужно много учиться и работать. Уже сейчас мы готовимся сеять кукурузу и коноплю.

Наш отряд — спутник семилетки, и мы стараемся быть достойными этого звания. А главное — дело свое мы любим.

Люся Пашкова.
8-й класс Тросня́нской школы, Орловской области.

Этот снимок сделан 9 мая 1945 года в Пжерове, недалеко от Праги. Пятилетний Иржи Михно первым встречал советских танкистов-освободителей. Сейчас Иржи уже вырос, и ему очень хочется узнать, кто этот советский воин, с которым его сфотографировали.

Ребята! Кто узнает, где живет сейчас советский боец, освобождавший Пжеров, пусть срочно напишет в «Пионер»!

ЭТО ПО-ГАГАНОВСКИ

В нашем третьем звене вообще-то неплохие ребята, но вот беда — неуспевающие. Ругали третье звено много, но никто ему не помогал.

Однажды пионервожатая рассказала нам о Валентине Гагановой. Долго мы говорили. А потом поднялась Лена Сидоренко, звеньевая лучшего в школе звена.

— Давайте я помогу вам, ребята, пойду в ваше звено!

На следующий же день было составлено расписание занятий для отстающих. Шефство над двумя: Леней Стрелковым и Юрой Косыгиным — Лена взяла сама, другим помогали остальные ребята. Вскоре появились первые четверки, и тогда мы попросили дать нам пионерскую нагрузку. У нас организовалась тимуровская команда. Год мы кончим без троек.

Света Осеева

г. Горловка, школа № 73, 6-й класс «Б».

КРАСНАЯ ШАПОЧКА И СЕРЫЙ ВОЛК

Красная Шапочка обнимается с Серым Волком, подруги радостно поздравляют бабочек-первоклассниц.

Премьера «Красной Шапочки» не первая у балетной «труппы» пятого класса «А».

г. Тула, школа № 41.

НИ ПЯТНЫШКА

У нас весь год работал в дружине «Совет бережливых». Мы решили: перейдем в следующий класс не только с хорошими отметками, но и без единой сломанной парты, без единого пятна на стене.

Сима Кауфман

г. Рубцовск, школа № 9.

Крутые меры

— У тебя есть совесть? — спросил председатель совета отряда Миша Никулин, увидев, как Натка опять списывает с его тетради.

— А ты что, хочешь занять? — огрызнулась Натка.

«Нет, я не могу с ней говорить! Она совершенно не подчиняется»,— расстроился Миша.

Пока Натка спокойно «сдувала» с его тетради, он стоял рядом и стыдил ее. Кончив списывать, Натка отдала ему тетрадь, показала язык и выбежала из класса... «Нужно поставить вопрос о ее поведении на совете отряда. А еще девчонка!» — подумал Миша и твердо решил сегодня же пойти к вожатой.

На следующей перемене Миша, готовясь к уроку, положил тетрадь по русскому языку на парту.

— Убери тетрадь, Натка опять списывать будет,— посоветовал Женя.

— Пусть списывает, мы за нее скоро по-настоящему возьмемся,— ответил председатель и пошел к вожатой поговорить о том, как «взяться» за Натку.

Таня Копылова

Спорт

МОСКВА — ПЕКИН

Ребята 175-й московской школы начали турнир с юными шахматистами Пекинского Дворца пионеров. Ходы партий передают по телефону.

СТРЕЛКИ, ПРИГОТОВИТЬСЯ!

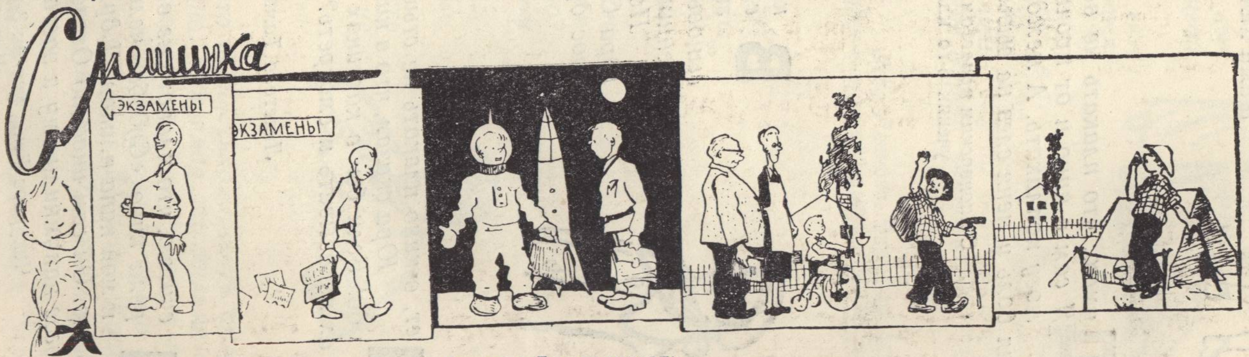
Раздался выстрел — пуля пробила яблочко мишени. Право первого выстрела ребята предоставили своим лучшим стрелкам.

Новый пятидесятиметровый тир ученики Суходольской школы Богородицкого района построили своими руками.

г. Тула.

МАРШРУТ ДАН

Юные автомобилисты Ленинградского Дома пионеров готовятся к пробегу по маршруту Ленинград — Киев — Минск — Таллин — Ленинград.

Страшное дело — экзамены! В пять минут похудел от волнения.

— Лечу на Луну, сдавать экзамены. Там все предметы в шесть раз легче.

Сборы были долгие, расставанье, речи...

А ушел от дома парень недалече.

КОНКУРС

на самую смешную смешинку начинается!
Победителям — премии!
Срок — до первого сентября этого года.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Женя Берлянд, Валерий Иванов, Таня Копылова. Художник — Миша Корси.

Всем отрядом мы прочитали «Стыдно ли плакать?». Нам кажется, что плакать из-за пустяков недостойно чести пионера. Это как раз те слезы, которым «Москва не верит».

Но если плачут над «Оводом» или «Молодой гвардией», то это уже иные слезы, и их не надо стыдиться.

Нам понравилась настойчивость девочки, про которую рассказывала Таня Кинькаева. Она хоть и плакала, но своего добилась. Такие слезы не слабость. А вот в нашем классе одна девочка на свои двойки никак не реагирует. Нам за нее очень стыдно, а ей нет. По-нашему, это и есть слабость, когда ученик не может пересилить свою лень.

Много мы еще спорили и решили никогда не плакать из-за мелочных обид, хорошо учиться, чтоб вырасти волевыми, сильными, настоящими людьми.

По поручению совета отряда звеньевая 1-го звена
Гартик Шура, г. Киев, железнодорожная школа № 98.

В клуб „ПИОНЕРА"

Д*умаю, что плакать не всегда стыдно. Я сам в кино и от прочитанной книги могу поплакать. А между тем физическая боль у меня слез не вызывает.*

С пионерским приветом Михаил Добрик,
ученик 6-го класса, г. Сталино.

В *кино, на фильме «Аннушка», у многих на глазах я видела слезы, когда старушка мать рассказывала о сыновьях, погибших на фронте. Разве горе матери, у которой погибли сыновья, можно выдумать? Пусть не было в действительности этой женщины, но были другие матери.*

По-моему, плакать в кино не так уж глупо, как об этом сказал Юра Осипов. Может быть, я не права? А что ответили на ваш вопрос другие ребята?

Фадеева Таня, ученица 7-го класса,
г. Гаврилов Посад, Ивановской области.

Н*ет, в кино плакать не стыдно!*

Юра сказал, что в кино все выдумано, но это неправда! Если бы в картинах все было выдумано, то зачем же их показывать и смотреть?

С пионерским приветом
Лепетова Тамара, ученица 4-го класса «В», поселок Одоев, Тульская область.

Я *считаю, что плакать не всегда стыдно. Мы с папой смотрели кино «Судьба человека» и «Молодая гвардия», и мой папа плакал. Я думаю, что плакать ему было не стыдно. Он сам инвалид Отечественной войны. Эти фильмы многое напомнили ему и заставили пережить все снова.*

Чепурнов Гена, ученик 3-го класса Бобровской средней школы,
Кинельского района, Куйбышевской области.

пришли письма

Однажды, когда я училась в пятом классе, на уроке литературы мы читали повесть Тургенева «Муму». Меня вызвали, а я не смогла прочитать отрывок из этой повести: разревелась! Мне кажется, что когда мы читаем книгу, смотрим кино, то начинаем действовать вместе с героями (конечно, мысленно) и переживать за них. Мы чувствуем себя уже не зрителями, а действующими лицами. И в этом случае, когда с героями случаются несчастья, мне кажется, плакать не стыдно.

Козырева Светлана, ученица 6-го класса,
г. Волочек, Калининской области.

Я считаю, что плакать просто стыдно, особенно мальчикам. Думаю, что у мальчика, который плачет, нет выдержки. А насчет человека, который плачет над книгой или в кино, я полностью согласен с Юрой Осиповым.

Ганзенко Валерий, ученик 6-го класса «А»,
школа № 22, г. Днепропетровск.

Плакать в кино, в театре или над книгой, по-моему, не глупо, если переживания героев тронули тебя до глубины души, если большое горе героя становится твоим горем.

Лена Леонова, Якутская АССР,
Верхне-Колымский район, пос. Зырянка.

По-моему, плакать стыдно. Я лично никогда не плачу.

Человек, который плачет в кино, театре или над книгой,— безвольный человек. Ведь читая книгу про героев, нужно учиться у них стойкости и мужеству. Например, в книге «Молодая гвардия» очень жалко девушек и юношей, которые погибли от рук палачей. Но ведь они не плакали, когда шли на смерть, а человек, который читает, он только читает. В кино герои тоже не плачут,— значит, зачем плакать той девочке или мальчику, что смотрит это кино? И вообще я считаю, что плакать можно только в большом горе.

Шестак Вера, ученица 7-го класса «Б» средней школы № 1,
Приморский край, поселок Тетюхе.

Когда я читала в февральском номере «Пионера» повесть «Не погаснет, не замерзнет», я плакала, и мне совсем не было стыдно.

Летенко Таня, ученица 6-го класса школы № 8, г. Краснодар.

Я очень долго думал и решил, что по пустякам реветь стыдно. А вот в кино плакать не стыдно. Например, на фильме «Чапаев». В конце кинофильма показывают, как Чапаев с раненой рукой переплывает реку Урал и около берега его белые гады убивают. Как не заплачешь, когда погиб лучший комдив Красной Армии! И во многих других фильмах хотя и не заплачешь, а слезы польются сами.

Гапонов Юрий, ученик 6-го класса «А» школы № 108, г. Златоуст.

Дело верное

Геннадий СНЕГИРЕВ **Рисунок Д. Пяткина.**

В деревню к нам приехал зверолов. Он всем объяснял, что бобры нужны здоровые и без единой царапины: их будут переселять в Сибирь и там разводить. За каждого бобра обещал он уплатить пятьсот рублей, а за бобренка триста. Все ходили в лес искать бобров.

Дед Дейнака рассказывал, что видел бобра на верхушке елки.

Дарья, дочь лесника, говорила, что бобр приходит каждую ночь к ним на огород и плачет, как женщина.

Все это было, конечно, вранье. Дед Дейнака сослепу спутал белку с бобром, потому что бобры по елкам не лазают. А на огороде у лесника жила у́калка — такая маленькая лягушка, она всегда ночью кричит — укает.

Шуляк всем говорил, что земля плохо рожает и что он решил сделаться звероловом. Шуляк даже огород свой не стал вскапывать. Он целые дни лазил по болотам, но первую бобровую хату нашел я. Бобры перегородили реку плотиной, вода собралась в пруд, а на берегу стояла бобровая хата.

Хата была очень большая. Когда я привел к ней Шуляка, он поковырял в бобровой плотине палкой, оглядел пруд и засмеялся.

— Дело верное,— сказал Шуляк,— тут одних бобрят штук пять!

«Главное,— подумал я,— всю воду из пруда спустить, чтоб до входа в хату добраться».

— Главное,— сказал Шуляк,— чтоб собаку, собаку мою лягавую на них напустить!

На другой день Шуляк принес из деревни две лопаты, мешок с хлебом и салом. Еще он притащил за собой на веревке хромую черную собаку. Собака молча упиралась всеми четырьмя лапами в землю, но Шуляк подтащил ее к пруду и стал тыкать носом в бобровую хату.

— Ищи, ищи,— говорил ей Шуляк.

Черная собака воротила морду в сторону, закрывала глаза и глухо рычала на Шуляка.

—Харахтер,— говорил Шуляк,— харахтер свой показывает, но тут дело верное, хочет не хочет, а в хату ей лезть придется!

К вечеру мы прорыли большую дыру в плотине. Вода с журчанием уходила в реку.

Собака спала под березой, а мы с Шуляком сидели у костра.

— В этой хате,— говорил Шуляк, загибая пальцы,— два взрослых бобра, потом два бобренка этого лета да два того...

Под березой сильно зачавкало. Это черная собака пожирала наш хлеб. Она даже не жевала, а прямо кусками проглатывала, чтоб поскорей... Потом собака понюхала пустой мешок, рыгнула и отошла в сторону. Она внимательно следила за Шуляком.

— Чтоб тебе поперхнуться! — закричал Шуляк и запустил камень в собаку.

— Что делать будем? — спросил я.— Она и сало слопала!

— Сало — это ничего,— сказал Шуляк,— только вот теперь она начнет свой характер показывать. Она сделает вид, что меня боится. Подходить не будет, чтоб не работать!

К утру вся вода ушла из пруда. Дно было утыкано осиновыми сучьями. Это бобры запасали себе корм на зиму. На дне была протоптана дорожка, прямо в нору, а нора уходила вверх, в хату.

Шуляк рассматривал следы. Ночью бобры таскали сучья и грязь, чтоб починить дыру в плотине. На дне отпечатались лапы с перепонками, а между лап широкая борозда от хвороста.

— Вот они, вот! — закричал Шуляк.— Вот они, голубчики!

Он показывал пальцем в грязь. Я подошел и увидел кучку грязи и вокруг следы, как будто гусята ходили.

— Бобрята! — засмеялся Шуляк и погрозил кулаком бобровой хате.

Потом он повернулся и стал кого-то манить из кустов пальцем.

— Маша! Машенька! — Глаза Шуляка стали масленые, а голос ласковый и тихий.

В кустах зашумело, и оттуда выползла черная собака. Она прижимала уши и била хвостом по земле. Собака на брюхе подползла к Шуляку и стала лизать ему руку. Шуляк хотел поднять ее, но собака подогнула ноги и снова легла на землю: вставать ей было лень, она объелась нашим салом. Собака лизала руку Шуляку, а смотрела на меня. Она знала, что я разозлился.

«Нет,— подумал я,— с этой тварью ничего не поймаешь».

Но Шуляк поволок ее по грязи к хате и втолкнул прямо в нору. Хвост у собаки торчал из норы, дальше она не шла. Шуляк ласково уговаривал ее:

— Маша, иди, иди, милая, не бойся!

Собака рычала, но дальше не шла. Вдруг собака завизжала, поджала хвост и выскочила из норы. Вслед за собакой из норы выскочил большой бобр и, не глядя на нас, побежал к плотине.

— Машка, Машка! — закричал Шуляк и побежал за бобром.

Он схватил бобра за мокрый хвост. Бобр молча мотнул головой. Шуляк выпустил хвост, поскользнулся и упал в грязь. Вставать ему было некогда, и он на карачках побежал за бобром. Он хватал бобра за хвост, но бобр каждый раз вырывался, и Шуляк шлепался в грязь.

— Мешок,— орал на меня Шуляк,— мешком его накрывай!

Я схватил мешок и услышал, как бобр нырнул в воду. По берегу бегал Шуляк. Грязь текла ему за воротник.

— Машка,— кричал он,— где ты?

Но Машки не было. Она первый раз увидела живого бобра и так испугалась, что убежала в деревню.

Шуляк счистил грязь с лица и подошел ко мне. Мы молчали.

— Знаешь,— сказал Шуляк,— зимой я зайцев ловить начну!

— Зайцев? — спросил я.

— Да, зайцев,— сказал Шуляк,— а потом поеду тигров ловить.

— Почему тигров? — спросил я.

— Зверолов в сельсовете говорил, что за тигра тридцать тысяч дают. Это тебе не бобры, тигры — дело верное! Поедешь со мной?

— Нет,— сказал я.

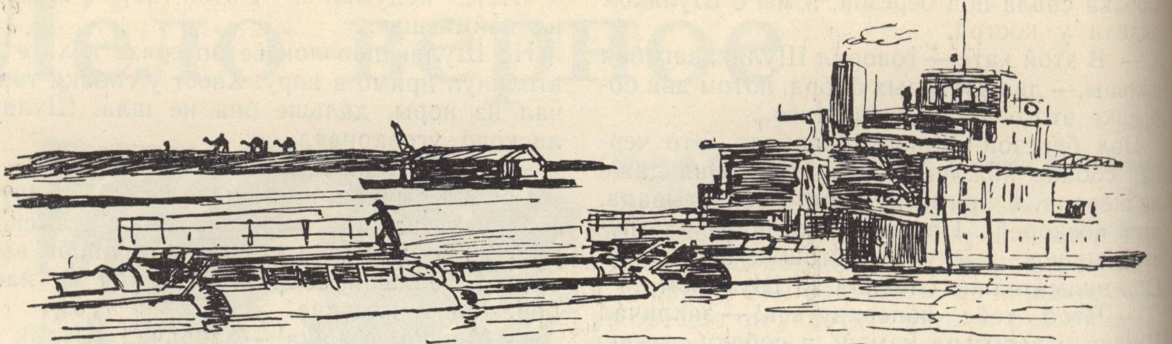
— А за зайцами?

— Собаку свою лягавую возьмешь?

— Возьму,— сказал Шуляк.

— Нет, не поеду.

Шуляк собрал вещи в мешок, и мы молча пошли в деревню. Не мог я с ним зверей ловить. И все из-за этой «лягавой» собаки.

На золотых песках

(Продолжение)

Владимир СТЕПАНЕНКО

Рисунки А. Смолина и П. Смолина.

КАРАДРИНА

Дома Джуру ждала неожиданная радость. Из Каракумов вернулся старший брат, водивший в пустыню большую экспедицию ученых.

Вмиг Джура забыл свою стычку с Мамедом. Теперь, когда Язмурад дома, ему не страшен никто на свете. Он бросился к брату, обнял за плечи.

— Язмурад-джан!

— Братишка!

Джура опустился рядом с Язмурадом на ковер, налил ему чаю из большого фаянсового чайника с медным колечком на носике, пододвинул конфеты и чурек. И все, кто тут был, все родственники, все соседи, пришедшие приветствовать Язмурада, старались оказать ему внимание. Каждый протягивал ему пиалу.

Язмурад взял пиалу у Джуры, и мальчик вспыхнул от удовольствия.

Хотя Язмурад был молод, не вышел еще, как он любил говорить, из комсомольского возраста, его считали уже одним из лучших проводников. Пожалуй, никто, кроме старого Оразгельды, не мог так уверенно провести караван от колодца к колодцу по такырам и барханам в бескрайнем море песков.

После возвращения из экспедиции Язмурад всегда приносил много интересных новостей. От него задолго до сообщения в газетах узнали, что в Каракумах собираются строить канал. Он рассказал удивительную историю о рыжей песчанке, лисице и джейране, о том, как ученым стало известно, что дикие животные и птицы — переносчики многих тяжелых заразных болезней: пендинки, малярии, возвратного тифа.

А что такое пендинка, Джура хорошо знал. Недаром у него на щеке остался большой шрам. Да разве у него одного! У многих жителей аула можно найти такие шрамы на лице и на теле.

В прошлый раз Язмурад водил экспедицию ученых-паразитологов. Среди них была русская женщина, профессор из Москвы. Жаль, Джура забыл ее имя! Интересно, с кем брат ходил в пустыню на этот раз?

Язмурад подтянул к себе подушку в цветной наволочке, подсунул ее под бок и прилег. Он собирался рассказывать долго.

— Вышли мы двадцатого,— начал он неторопливо и подкрутил черный ус.— Все было хорошо, но вскоре у нас пала верблюдица. А вы знаете, уходить без нее в пески нельзя.

Все в знак согласия закивали головами.

«Зачем он это говорит? — подумал Джура.— Не только чабан, охотник, караван-баши — все женщины и пионеры знают: если в колодце вода соленая, надо в нее добавить немного верблюжьего молока, получится «чал». А его можно пить сколько угодно!»

— Пришлось искать верблюдицу. Хорошо, в ближнем колхозе дали. «В поход с собой беду не надо звать,— сказал башлык колхоза.— Возьмите верблюдицу у нас...» В экспедиции были эн-то-мо-ло-ги.— Язмурад по складам произнес трудное слово и торжествующе оглядел слушателей.— Их дело — изучать бабочек, жуков. Искали хлопковую совку, паутинного клещика, клубенькового долгоносика.

— Карадриной интересовались? — спросил Непес.

— А как же!

Все эти вредители были известны колхозникам. Гусеницы карадрины часто нападали на поля, а случалось, чуть ли не полностью уничтожали урожай хлопчатника.

— Особенно понравился мне Володя Сизов,— продолжал Язмурад.— Подружился я с ним. Хороший, веселый. Адрес оставил, в гости к себе, в Москву, приглашал. Он ищет способ, как бороться с карадриной.

— Нашел? — нетерпеливо спросил Непес.

— Сейчас расскажу. Узнал Володя от меня, что к нам идет вода из Каракумов, обрадовался. «Значит, будете новые земли распахивать? А как думаете их защищать от вредителей?» «Не знаю!» «Плохо! Надо сразу защитить новые поля, не дать перелететь на них бабочкам, не дать переползти гусеницам. Особенно бойтесь карадрину. Ее больше всего в вашем районе».

— А как это сделать? — пряча улыбку под большими черными усами, спросил Курбан Садыков, бригадир огородной бригады.— От бабочки дувал не поставишь. Она и через самый высокий дувал перелетит!

— Скоро мы дадим колхозу двести гектаров новых земель! — с гордостью сказал Непес.— А вот как их уберечь?!

— Володя научил тебя бороться с карадриной? — спросил у Язмурада Джура.

— Да, Володя оставил мне много книжек. Но самый лучший способ нам нужно найти самим. Бабочка еще плохо изучена... Непес-джан, когда же вы успели столько земли поднять?

— Вода торопит, новый начальник приехал — Василий Семенович,— он торопит.

— А можно тебе против бабочек помогать? — нетерпеливо перебил Джура.

— Зачем спрашиваешь? Собери побольше ребят, только спасибо скажу. Будешь сегодня в магазине, посмотри, нет ли там фонарей «летучая мышь». Если есть, бегом сюда!.. Задержим карадрину!

Джура глянул на фуражку пограничника — она всегда висела в комнате на гвозде с тех пор, как Язмурад вернулся с военной службы,— и решительно взмахнул рукой, будто саблей рубанул.

— Задержим!

Он выскочил на улицу и побежал в магазин. В магазине фонарей не оказалось.

Конечно, можно было попробовать поискать их по домам у колхозников. Вообще, не будь этой встречи на улице со взрослым охотником, Джура совсем по-другому отнесся бы к поручению Язмурада. Но теперь, когда он узнал о прилете туртушек, серенькая птица с коричневой грудкой целиком завладела всеми его помыслами.

Чем больше мальчик думал об охоте, тем решительней забывал обо всем остальном. Его беспокоили заряды. В городе все можно купить в любом спортивном магазине, а у Джуры были только гильзы, порох и пистоны. Пыжи он сам рубил из старой кошмы, а дробь катал между двумя чугунными сковородками.

— Знаешь, туртушки прилетели! — поделился Джура своей радостью с Ромкой.

Но Ромка принял это известие равнодушно, даже как будто чуть-чуть испугался.

Это было через несколько дней после приезда Язмурада. Джура отправился покупать гильзы и заодно справиться еще раз, не появились ли фонари.

Мальчики вместе подошли к магазину. Джура предложил и Ромке зайти вместе с ним. Но тот придумал какой-то предлог и поспешил уйти.

«Так спокойно ушел, будто и не охотник!» — удивленно подумал Джура.

Продавец магазина, толстый Гайып-ага, увидев Джуру, отрицательно покачал головой и прищелкнул языком, чтобы выразить досаду.

— Ну, чего бегаешь! — сказал Гайып-ага.— Слушай, возьми керосиновые лампы. Как провели электричество в колхозе, так их у меня не покупают. А две последние «летучие мыши» купил, помню, чабан Хаммат.

— Где же его найдешь?

— Трудно сказать,— согласился продавец.— Человек в песках, как маленькая иголка: потерялся — не скоро отыщешь!.. Туртушки прилетели?

— Угу!

Джура второпях не обратил внимания на быстро отошедшего в угол, к прилавку с книгами, Мамеда. А тот, низко нагнувшись и заслонив лицо книгой, будто рассматривая ее, жадно прислушивался к разговору.

Как только Джура вышел, Мамед подошел к продавцу.

— Гайып-ага, я совсем забыл сказать: меня послали к вам за фонарями «летучая мышь».

— А где я возьму? Джура второй раз прибегает. Придумал эту затею Язмурад на мою голову — поля от карадрины с фонарями защищать! Что, мне теперь за ними в Ашхабад лететь?

— Вы сумеете достать! — льстиво улыбнулся Мамед. Он торопливо налил из большого пузатого чайника чай в пиалу и пододвинул ее продавцу.— Трудная у вас работа, Гайып-ага!

Продавец был рад, что хоть Мамед посочувствовал ему. Все приходят в магазин и только требуют: то буфет подавай, то гардероб, как в городе, то детскую кровать с блестящими шариками... Гайып-ага тяжело вздохнул.

— А тебе сколько надо?

Мамед еще ласковей заулыбался и сказал, что хватит с него и одного фонаря.

— Один я тебе из дому принесу. А вот как мне быть с Джурой? Ему одного мало.

Через минуту Мамед был уже у Ромки.

— Рохман, ты думаешь, Джура тебе друг?

— Что случилось?

— Завидует тебе Джура! Придумывает разные вещи, чтобы самому прославиться. Сейчас надумал с Язмурадом поля защищать от карадрины... Он тебе об этом сказал?

— Нет.

— Видишь, скрывает! Хочет один, без товарищей.

— А ты не врешь?

— Не веришь — спроси у своего Джуры! — запальчиво ответил Мамед.— Я тебе больше ничего говорить не буду. Думаешь, я нарочно наговариваю?

Мамед быстро оглядел комнату. Скаферинх висел на своем месте. Тонкий хвост показывал на «ясно».

Мамед щелкнул рыбу по носу и убежал.

На огороде работала Эджегиз. Мамед и ей торопливо принялся рассказывать, что Джура скрывает от своего отряда задание Язмурада.

— А разве мы бы не помогли? Только он хочет всю славу себе!..

Но Эджегиз не поверила Мамеду. Она хорошо знала Джуру, храброго, прямого, честного. На такой поступок он не способен.

— Зачем ты врешь, Мамед?

— А ты пойди спроси!

Целый день бегал Мамед по аулу и рассказывал ребятам о Джуре. Ребята ничего не понимали, но некоторые почему-то начинали верить, что Джура поступил плохо.

На другой день Мамед получил у Гайып-аги лампу и прошелся с ней мимо кибитки Джуры. Расчет оказался точным: Язмурад заметил его.

«Почему же Джура молчит? Что он успел сделать? — подумал он.— Сколько фонарей достал?»

Он позвал брата. Но того нигде не было. И ружья с патронташем не оказалось на месте! Язмурад все понял: Джура пропадает на охоте.

В окне мелькнул Ташли на своем велосипеде.

— Эй, Ташли! Крути сюда скорей!

Ташли подъехал.

— Собери ребят, Ташли. Дело у меня важное.

Да и сам приходи. Мамеда увидишь — зови, передай Эджегиз, Рохману, Абаджану!

Скоро ребята собрались. Эджегиз пришла вместе с Ромкой. Мамед успел это заметить. «Язмурад расскажет о карадрине,— подумал он и засмеялся.— А где фонари? В магазине их нет!»

— Ты чего? — Ромка толкнул в бок Мамеда.

— Новую глупость придумал. От него хорошего не жди! — с пренебрежением заметила Эджегиз. Она всегда недолюбливала Мамеда. Ее как председателя совета отряда сейчас должно было бы волновать поведение Джуры. Никогда заранее не скажешь, что он может выкинуть! Вот ушел на охоту, пропустил занятия. Но разве можно сравнить Джуру с Мамедом?! Здесь, в ауле, где жили земледельцы, скотоводы и охотники, всегда особенно ценилась честность.

— Садитесь, ребята! — пригласил Язмурад.— Скажите, вы стали бы защищать поля от карадрины? Джура вам говорил об этом?

— Нет, нет!..— наперебой закричали ребята.

Язмурад нахмурился. Его широкие черные брови, как два крыла, сошлись на переносице.

— Рохман, а тебе Джура говорил? — спросила Эджегиз и, прищурив глаза, в упор посмотрела на Ромку. От обиды она покусывала губы. Почему Джура рассказал о карадрине Мамеду и ничего не сказал ей?

— Говорил! — соврал Ромка, чувствуя, что надо выручать товарища.

— Джура не первый раз так поступает! — громко сказал Мамед.— А сегодня не пришел в школу. Я бы не сказал об этом, но хочу ему помочь! Надо ему исправиться!

Ромка сжал руку Мамеда и угрожающе зашипел ему на ухо:

— Знаешь, как это называется?

— Чудак ты! Я же для Джуры стараюсь.

— Ребята! — сказал Язмурад.— Плохо, что Джура вам ничего не сказал... Но все равно! Хотите мне помогать? Надо делать ловушки, выходить с ними в поле.— И он стал рассказывать о карадрине, о ее повадках, о том, зачем нужны фонари и как делать ловушки...

* * *

Это была на редкость удачная охота! Пять выстрелов сделал Джура, и пять туртушек повисли на сыромятных ремешках вокруг его пояса.

Мальчик не замечал времени. А между тем солнце поднялось высоко и огромным горячим шаром висело над степью. Жизнь замерла. Не пробегал больше жук скарабей, расстилая частую лесенку следов; не проползала черепаха, вспарывая своим широким панцирем песок; не рисковал выбежать из норы заяц. Где-то в кустах прятались птицы.

Но счастье баловало Джуру. Под кустом саксаула с зелеными острыми листочками он заметил еще одну притаившуюся птицу. Он упал на землю и пополз, опираясь на локти. Ползти по раскаленному песку было нестерпимо жарко. Не спасали ни ватный халат, ни толстые подошвы чакоев [1]. Черный вороненый ствол ружья обжигал руки.

---

[1] Чакои — самодельная обувь без каблуков, в которой ходят чабаны и охотники.

Джура выстрелил. Птица подлетела и упала. Он не сразу нашел ее. Туртушка еще не успела потерять своей красоты. Серые перья спинки и крыльев надежно маскировали ее на песке, а коричневая грудка и маленькая голубиная головка были расцвечены под камень далеких гор Копет-Дага и глинистых такыров.

Джура воткнул в песок ружье. От двустволки вытянулась короткая тень. По ней он определил, что уже за полдень. Надо было торопиться домой, чтобы дичь не пропала на жаре.

Следы на барханах, где он недавно проходил, затянуло. Но это его не пугало: он умел находить дорогу в пустыне, как все охотники и чабаны. Он знал, что наветренные, пологие склоны барханов обращены на север.

Его чакои, похожие на короткие лыжи с острыми загнутыми носами, легко скользили по песку. Джура запел. Это была радостная песня об удачной охоте, о солнечном дне, о родной степи. И только на мгновение, когда у него вырвалось имя Эджегиз, он подумал о своем прогуле.

Домой он вернулся в самом безмятежном и веселом настроении. Но радость его была омрачена: Язмурад против ожидания не проявил никакого интереса к его трофеям, не поздравил с успешной охотой.

— Язмурад, смотри, сколько я набил! — оживленно сказал Джура, заглядывая брату в глаза.— Шесть выстрелов — шесть туртушек!

— Будь доволен!

Так безразлично мог сказать кто угодно, но не Язмурад. Разве не он учил Джуру стрелять, водил его с собой в степь?! Охотник всегда поспешит выразить свой восторг, посмотрит птицу, захочет сосчитать попавшие дробинки. Но брат угрюмо молчал.

«Неужели успели наябедничать, что я не был в школе?» — подумал Джура.

— Что случилось? — Он попробовал приласкаться к брату.

Язмурад сбросил руку Джуры со своего плеча.

— Ты опять прогуливаешь?

— Вах, Язмурад-джан! Ты же сам говорил, что настоящий охотник никогда не пропустит пролет туртушки.

— А почему ты ничего не сказал ребятам о карадрине? Не достал фонарей? Ты не хочешь защищать поля? Так и скажи! Зачем зря время тянуть? Не хочешь работать, так другим не мешай! — резко закончил Язмурад.

Он всегда был вспыльчив, а поведение Джуры вывело его из терпения.

— Не хочу! — срывающимся голосом крикнул Джура. Совсем не так следовало отвечать старшему брату, но он тоже был вспыльчивым.

Далеко от дома, под старым дуплистым карагачем, Джура присел на землю и задумался. Почему ему так не везет? Разве он не хотел вместе с Язмурадом уничтожать карадрину?!

На другой день Джура пораньше отправился в школу. Ему не терпелось увидеть Ромку, чтобы рассказать об охоте. Хотелось снова пережить каждый выстрел, каждый вылет птицы. Вспомнить все до мельчайших подробностей. Но, подходя к школе, он увидел, что Ромка о чем-то оживленно болтает с Мамедом.

— Гляди-ка, охотник пожаловал! — Мамед улыбнулся, показывая мелкие зубы. И прибавил: — Скажи ему, Ромка, что так настоящие товарищи не делают!

— Как это не делают? — угрожающе спросил Джура и крепко сжал кулаки.

— Постой, Джура! — Ромка бросился между ребятами.— Почему ты не сказал, что Язмурад звал нас на помощь — охранять поля от карадрины?

Джура взглянул на Мамеда и все понял. Так вот кто это подстроил! Мамед, конечно, и рассказал Язмураду о пропущенных уроках.

— Пойдем с нами ставить ловушки, Джура. Помирись с Мамедом. Ну чего вам ссориться? — уговаривал Ромка.

— Отстань! Пусть с тобой Мамед идет — он все умеет! — И Джура быстро зашагал прочь.

* * *

— Рохман, иди помогать! — позвала звонким голосом Эджегиз, высовываясь из окна.— Я собираюсь доить верблюдицу!

На дворе около большой кучи прошлогодних стеблей хлопчатника и колючки была привязана верблюдица, а в стороне от нее — серый верблюжонок с большими мягкими губами.

Стоило только Эджегиз загреметь ведрами, как верблюжонок начал рваться и тянуться к матери.

— Стой спокойно, дурачок! — засмеялась Эджегиз и ласково потрепала верблюжонка.— Не бойся, я не возьму все молоко! И ты получишь, сластена! Подержи его, Рохман, а то сорвется!

Но едва верблюжонок успокоился, как из-за кибитки вылетел на своем велосипеде Ташли и резко затормозил, подымая пыль. Ему казалось, что весь шик езды состоял в умении резко затормозить. Это называлось у Ташли «поставить коня на дыбы».

Верблюжонок дернулся, и волосяная веревка, как колючий ерш, врезалась в ладонь Ромки.

Ташли торжествующе помахал белым четырехугольничком телеграммы и наизусть прокричал ее содержание:

— «Летучие мыши посланы самолетом. Встречайте четверг».

Это сообщение, которое так удивило телеграфистку в Ашхабаде, было совершенно понятно ребятам. Так, значит, Володя получил телеграмму Язмурада и выполнил его просьбу. Отлично! На днях можно будет охотиться на карадрину. Ловушки уже готовы.

Всю неделю шестой класс был похож на настоящую портновскую мастерскую, где получили большой срочный заказ. Ребята сшивали из белого материала конусы для ловушек.

И вот настал наконец вечер первой атаки на бабочек.

Все собрались в школе. Не было лишь Джуры.

Возбужденные предстоящим ночным походом, ребята оживленно переговаривались и решали, стоить ли брать с собой девочек.

— Мы пойдем! — твердо заявила Эджегиз.— Девочки сшили больше ловушек, чем вы, достали пять фонарей. А шакалы нас не съедят!

Ребята разобрали свои ловушки и вышли за аул. Степь, безмолвная днем, теперь оживала. В темноте росли и множились таинственные звуки. К свисту большой рыжей песчанки, к уханью совы примешивались лай лисицы и завывание шакалов.

Ромке было страшно. Он боялся случайно наступить на змею и старался ступать ногой в след товарищей.

Вот и новое поле. Только Язмурад мог найти его в кромешной тьме.

— Оставайтесь здесь! — сказал Язмурад.— Мамед и ты, Рохман! А мы пойдем дальше.

— Хорошо! — ответил Мамед. Ему очень хотелось услышать, что Язмурад назначает его старшим. Но Язмурад ничего больше не добавил.

Ромка поднял стекло, чиркнул спичкой. Слабенький огонек переметнулся с нее на фитиль и ярко вспыхнул.

С этим маленьким огоньком было уже не так страшно. Ромка осторожно огляделся.

Мамед устроился на земле и уже что-то жевал.

Ромка воткнул палку, повесил на нее зажженную лампу. Потом аккуратно, как учил Язмурад, развернул большой белый полотняный конус, подшитый к проволочному кольцу, и укрепил его под фонарем. А под нижним узким отверстием конуса он поставил банку с водой.

— Кончил? — нетерпеливо спросил Мамед.

Ромка предложил остаться здесь до утра, чтобы посмотреть, как будут ловиться бабочки. Но Мамед ответил, что остаться не может, так как ничего не сказал матери, она будет беспокоиться.

«А вот Джура не побоялся бы остаться,— подумал Ромка.— Из-за чего мы так глупо поссорились!»

Все больше и больше вспыхивало вокруг огоньков. И вот они окружили все поле плотным кольцом.

— Ты как хочешь, а я не уйду! — твердо сказал Ромка и опустился на землю.

Песок податливо растекся под его телом. Он еще не успел остыть и грел, как печка, отдавая накопленное за жаркий день тепло.

Ромка повернулся на живот и принялся руками разгребать песок. Даже на глубине он сохранял тепло. Интересно, глубоко ли прогревается песок за день? Ямка под руками у Ромки становилась все глубже. Песок струйками тек между пальцами, осыпался.

Хрустнула ветка. Мальчик испуганно вскочил. А вдруг это барс? В Туркмении ведь водятся эти сильные и коварные хищники.

Ромка стал расталкивать задремавшего Мамеда.

— Не спите, караульщики? — раздался из темноты голос Язмурада.

— Не спим!

— Не боишься, Рохман?

— Нет! Что вы! — засмеялся Ромка и тут же приврал: — Я даже в лесу ночевал один!

Мамед заявил, что он тоже ничего не боится и решил остаться до утра.

— Предлагал Рохману идти домой,— сказал Мамед.— Так он не хочет. А я бы и один подежурил!

«Ну и врет!» — удивился Ромка.

Язмурад сказал, что девочки ушли домой, а все ребята решили остаться в поле. Хорошо, если бы Рохман или Мамед сбегали в аул за чуреками.

— Лучше бы Рохману сходить,— оживился Мамед, но тут же задумчиво добавил: — Не умеет его мать печь чуреки. Придется, видно, мне бежать!

— Сбегай, Мамед. Ночь большая, ребята проголодаются! — Язмурад подошел к ловушке и подвернул фитиль лампы.— Пускай так горит!

Оставшись один, Ромка лег на спину и принялся смотреть на небо. Здесь, в Туркмении, оно казалось совсем другим, чем под Воронежем. Он отыскал Большую Медведицу, пересчитал звезды в ее ковше. Крайняя звезда ручки приходилась точно над Ромкиным фонарем.

Смотреть на звезды скоро надоело. Мальчик стал прикидывать, сколько может занять дорога до аула. По расчетам выходило, что Эджегиз с девочками уже дома, а Мамед не прошел и половины дороги.

О стекло фонаря билась мошкара, комары, москиты. Они летели на огонек, ударялись о белое освещенное полотно и падали в воду. Но бабочки карадрины не появлялись.

Где-то далеко заухала сова. И опять все смолкло. Наступила зловещая тишина, полная неожиданностей.

Созвездие Большой Медведицы уже заметно передвинулось. Ковш опустился ближе к земле. «Где же Мамед? Почему он не возвращается? Честное слово, Джура бы так не поступил!»

Что-то острое вдруг царапнуло Ромку по руке.

— Ой! Змея! — испуганно закричал Ромка и бросился бежать.

На высоком бархане он остановился. Отдышался и испуганно принялся ощупывать руку. Ему казалось, что она даже распухла.

— Вы-вы-вы-ий! — вдруг трубно заорал ишак.

Словно по команде, этот крик подхватили все ишаки аула.

Аул был, оказывается, совсем рядом. И Ромка сразу успокоился. Ну и дурака он свалял! И руку совсем не больно!.. Он обернулся и посмотрел в сторону оставленной ловушки. Но в той стороне, откуда он прибежал, было темно. Фонарь погас!

Что же там случилось? Если Язмурад увидит, что фонарь не горит, он обязательно придет! Ромке стало мучительно стыдно за малодушие, за бегство. Надо было возвращаться, но ноги, всегда такие послушные, сейчас не двигались. «Трус,— сказал сам себе Ромка.— А еще хвастал: я не боюсь, я один в лесу ночевал...»

Нет, надо идти! Громко разговаривая сам с собой для храбрости, Ромка пошел прочь от аула, от его успокоительной близости.

Но где же фонарь? В темноте ведь и не найдешь его! Ромка вскарабкался на бархан и облегченно вздохнул: впереди мерцал огонек. Как он обрадовался этому узкому язычку пламени! Кажется, не было сейчас ничего родней, чем этот маленький огонек.

Фонарь висел на прежнем месте, но едва-едва горел.

— Сейчас поправлю! — громко проговорил Ромка.

Он ласково погладил фонарь ладонью и посильней вывернул фитиль. Круг света стал ярче. В этом светлом кружке лежала черепаха. Ромка нагнулся и схватил ее.

Черепаха втянула маленькую морщинистую головку, спрятала лапы с острыми коготками в панцирь.

— Так это ты меня напугала?! — Ромка протянул руку к свету: тонкая царапина — след острого когтя — шла через кисть.

— Черепаха, черепаха! — громко запел Ромка. Смешно было вспоминать собственный страх.— Не пришел Мамед и не надо! Мне и одному здесь неплохо!

* * *

«— Пусть возятся со своими бабочками! Честное слово, охотиться куда интересней!» — уверял себя Джура. Но даже по дороге на охоту он сделал крюк, чтобы пройти мимо поля с ловушками. Ребята сегодня еще, наверно, не проверяли их, а бабочки, может, и прилетели. Это был первый случай в жизни Джуры, когда он отделился от товарищей, не послушался старшего брата. Он чувствовал себя одиноким и никому не нужным.

Прошла уже неделя, как начали ставить ловушки, но карадрина не попадалась.

— Видно, мы прозевали первый вылет,— говорил учитель.— Но надо продолжать караулить.

И фонари аккуратно зажигались каждый вечер. А днем, после уроков, ребята ходили осматривать ловушки.

Джура увидел впереди себя на дороге большую группу ребят. Он без труда узнал среди них Ромку в его неизменной серой кепке и вельветовой курточке. В руке у него поблескивала бутылка с керосином, видимо, для заправки фонарей.

Встречаться сейчас с ребятами Джуре не хотелось: все идут работать, а он!.. И Джура быстро свернул в сторону.

Он шел теперь вдоль засеянного хлопком поля. Но разве он мог пройти мимо, не поинтересоваться молодыми всходами? Джура присел на корточки на краю поля. Серая дорожная пыль тяжело придавила маленькие жесткие листочки. Он тронул листок. Прочертил по нему пальцем дорожку. Тронул другой... Пыль облетела, и растеньице будто распрямилось. Жаль, давно нет дождя, листочки обмылись бы. Но что это?

Под одним листком Джура увидел крошечную гусеничку. Пусть их были бы тысячи, больших и маленьких, серых и зеленых,— он бы не ошибся. По веточке, то сокращая, то вытягивая свое тельце, двигалась зеленая гусеница карадрины. Вот она сползла на землю и спряталась под комом земли.

Недаром Джура был охотником. Он привык наблюдать привычки зверей и птиц. Он пополз по полю, старательно осматривая каждый молодой кустик, каждый ком земли. Вот еще гусеница! А вот еще и еще!

И вот странно! Все они не на растениях, а на земле.

«Почему они спустились? — удивленно думал Джура.— Ведь им есть надо! Гусеницы прожорливы!» В книжке о вредителях хлопчатника, с которой не расставался Язмурад, ни слова не было о том, что гусеницы спускаются на землю. «А не прячутся ли они от дневной жары, как рыжая песчанка, ежик, лиса, заяц?» — подумал мальчик. Он не торжествовал, когда сделал это открытие. Ему только страстно захотелось поделиться с кем-нибудь своими наблюдениями. С Ромкой, с Эджегиз, с другими ребятами...

Джура встал, отряхнул пыль с халата. Что же ему делать с этим полем? Надо немедленно принимать меры. Гусеница напала на хлопчатник!

Джура сбегал на ближайший виноградник и принес шест. Затем снял свой пионерский галстук, привязал его к шесту и воткнул шест в землю на краю поля.

Ветер подхватил галстук и принялся размахивать им из стороны в сторону, как красным сигналом тревоги.

«Теперь никто не пройдет мимо»,— решил Джура и побежал в аул, чтобы поскорей рассказать учителю, ребятам, колхозникам о появлении вредителя.

Скоро на поле закипела работа.

Сначала здесь появились вместе с учителем ребята. Они пришли обирать гусениц. Затем на дороге показался трактор. Это Непес ехал опылять хлопчатник. В больших круглых баках был порошок ДДТ.

Так в первом бою была одержана победа над карадриной.

ХАММАТ ПРОСИТ ПОМОЩИ

Домбаз, огромный, лохматый сторожевой пес, вскочил. Кисточки свалявшихся волос в его круглых обрезанных ушах шевельнулись и встали дыбом. Так беспокойно он вел себя, когда чуял поблизости волков. Домбаз вбежал на бугор и окинул настороженным взглядом огромную отару. Овцы неторопливо двигались по степи и на ходу щипали траву.

Короткий отрывистый лай Домбаза — и все пять собак, такие же рослые, широкогрудые овчарки, вскочили и бросились в разные стороны.

В несколько мгновений собаки сбили овец в плотную кучу.

Старший чабан Хаммат усмехнулся. Он знал, что Домбаз услышал далекий гул самолета. А когда самолет налетит, пес погонится за его тенью, за ним — все остальные собаки. Пробегут они далеко и вернутся усталые, запалившиеся. Вывалят языки и долго не смогут отдышаться. Хаммат поругает каждую собаку в отдельности, посмеется над их глупостью, а потом даст напиться. Впрочем, нет... Если сегодня они бросятся за тенью самолета, воды им не видать: в бочке осталось совсем мало хорошей питьевой воды. Надо экономить...

Случилась непредвиденная беда. Колодец, к которому из года в год гоняли овец, внезапно стал давать соленую воду.

Осенью Хаммат не волновался бы. Овцы спокойно пьют соленую воду. Для чабанов и собак привозили бы воду из другого далекого колодца на верблюдах. Но скоро окот. Отара увеличится, появятся маленькие ягнята. Где же взять для них столько пресной воды? Он представлял себе жалобное блеяние, большие тоскливые глаза ягнят, погибающих от жажды.

Помощник Хаммата, Сапарбай, медленно шагал в сторону от колодца, загребая кривыми ногами песок. За собой он тянул на веревке верблюдицу. Скрипело плохо смазанное курдючным салом деревянное колесо. Через него была переброшена веревка. Она шла в глубину колодца.

Верблюдице надо сделать восемьдесят шагов в сторону, прежде чем кожаное ведро — такие ведра не обивают мягких глиняных стен колодца — появится наверху.

Поить овец начали на рассвете. Но хотя время уже давно перевалило за полдень, не напоили еще и половину овец.

Сегодня их «день воды», день, когда пьет их отара. А завтра к колодцу придут со своими овцами другие чабаны.

Хаммат уже говорил с чабанами о надвинувшейся беде. Но они тоже не знают, что делать. Все ждут, что предпримет Хаммат. Он хоть моложе многих из них, но ему все доверяют.

Услышав далекий гул самолета, Сапарбай остановился, приставил козырьком руку и стал ждать. Он всегда был рад любому предлогу, чтобы увильнуть от работы.

Самолет пролетал регулярно. Он доставлял строителям канала свежие газеты, почту, медикаменты и продукты.

Если летчик пролетит недалеко от отары, он может сбросить свежую газету. К ней всегда бывает что-нибудь привязано. Один раз летчик сбросил хороший нож с блестящей точеной ручкой. Хаммат нашел этот подарок. Прошел год, а он не потерял надежду разыскать летчика и поблагодарить его за нож.

Гул самолета все громче и громче. Вот он с ревом пронесся почти над самой отарой. Испуганные овцы понеслись со всех ног в сторону. Собаки бросились догонять тень самолета.

«Новый летчик! — сокрушенно подумал Хаммат и покачал головой.— Не знает, что сейчас нельзя низко летать и пугать овец. Они тяжелые, ходят последние дни перед окотом. Долго ли до беды!»

Самолет пролетел, и опять в степи наступила та удивительная тишина, когда слышно, как осыпается песок, как шелестят узкие листья саксаула.

Сапарбай встал и дернул за веревку, привязанную к бараньей косточке, продетой через ноздрю верблюдицы.

Одна за другой вернулись собаки. Они тяжело поводили боками, вывалив из пасти красные языки. Домбаз, как и подобает вожаку, лег ближе всех к Хаммату.

— Вах, Домбаз! — Хаммат развел руками.— Голова не думала, ноги носили. А пить не будешь!

Домбаз виновато махал обрубленным хвостом, как будто извинялся.

— Понимаешь, а зачем бегал? Совсем у тебя плохая башка стала!

Разговор с собаками продолжался долго. Он на некоторое время отвлек Хаммата, затем мысли его снова вернулись к воде, к предстоящей большой и напряженной работе.

Обычно перед окотом приезжал кто-нибудь из членов правления колхоза или зоотехник. Прошлой весной у них долго гостил старый Оразгельды. «Хоть бы он снова приехал! — подумал Хаммат.— Старик умный, обязательно что-нибудь придумает!» Хорошо соседнему району. Они совсем забыли о колодцах! Им не надо по целым дням гонять верблюда, вытаскивая ведра с водой. А какая вода в канале! Пей чай, купайся, а если умеешь — плавай. Настанет ли такой час, когда вода прорежет и эти высокие барханы? Интересно, далеко ли продвинулся уже канал? Жалко, что газет давно не сбрасывали.

«А что, если передать летчику записку, рассказать о нашей беде? — подумал вдруг Хаммат.— Самолет пролетит здесь, когда будет возвращаться в город. Надо попробовать! Может быть, летчик поймет сигналы, сбросит веревку. К ней надо привязать письмо».

Хаммат был наготове, когда собаки снова услышали далекий рокот мотора. Они вскочили, готовые броситься на неведомого врага. Опять он налетает на отару, пугает овец!

Самолет появился в стороне. Освещенный солнцем, он четко выделялся на голубом небе.

— Эй, гей! — закричал Хаммат и, сорвав папаху, замахал ею в воздухе.— Эй, гей!

Самолет развернулся. Тень его сползла с барханов и понеслась прямо на чабанов. Собаки бросились на нее, готовые схватить, рвать в клочья. Они дрожали от ярости.

Самолет сделал два круга над отарой.

Хаммат увидел, как из кабинки высунулся летчик в больших очках и помахал ему рукой.

* * *

Чабаны уже перестали думать о пролетевшем самолете, когда над отарой повисла большая темная тень. Овцы испуганно шарахнулись. Тысячи ног мгновенно взбили пыль.

Казалось, налетел гигантский орел. Он кружил, готовый каждую минуту упасть и своими страшными когтями схватить овцу.

Но это был не орел. В вышине мирно, словно движок кинопередвижки, стрекотал мотор. У странной машины не было крыльев. Над ней вращались большие лопасти.

В корпусе неподвижно повисшей над песками машины внезапно раскрылась дверь. Из нее выглянул человек и сбросил веревочную лестницу. Лестница металась из стороны в сторону. Человек что-то крикнул.

Хаммат понял, что это прилетели за ним.

Сапарбай с ужасом смотрел на веревочную

Сложив в хорджун мешочек с рисом, чай, пиалу, лепешки — не мог же он отправиться в дорогу без продуктов: в пустыне привыкли к трудным путешествиям! — чабан вскинул мешок на плечо и ниже надвинул на глаза папаху.

— Смотри, Сапарбай, за овцами!

Хаммат шагнул к лестнице. Не успел он поставить ногу на деревянную перекладину, как лестница качнулась и отошла. Но он цепко держался за нее рукой. Поставил вторую ногу. Лестница закачалась сильней. Ее свободный конец пополз по песку, извиваясь, как змея.

Домбаз с таким удивлением поглядывал на хозяина, что забыл об обязанности лаять. Увидев, что хозяин отделяется от земли, он вихрем бросился на лестницу. Это была уже не тень врага, а нечто вещественное. Пес яростно схватил зубами толстую веревку, уперся изо всех сил лапами в песок, стараясь не дать врагу уйти. Справа и слева в веревку вцепились остальные собаки.

Лестница натянулась. Теперь она была словно привязана.

Хаммат воспользовался этим и стал быстро подыматься. Он боялся оглянуться вниз, туда, где остались разъяренные собаки, отара, Сапарбай...

Вот и последняя ступенька! Молодой летчик в темно-синей фуражке с золотым крабом протянул ему руку, помог влезть в вертолет.

— Салям! — Летчик, приветливо улыбаясь, похлопал Хаммата по плечу.

— Салям алейкум! — обрадовался чабан, почувствовав под ногами устойчивый пол. Он подумал, что летчик понимает по-туркменски, и быстро стал рассказывать о несчастье с колодцем.

Но летчик покачал головой.

— Не понимаю, дорогой товарищ!

Хаммат оглянулся. В кабине сидели русский мужчина и светловолосый мальчик с красным, обгоревшим носом.

— Салям алейкум!

Мужчина приветливо поздоровался, а мальчик быстро заговорил:

— Я видел, как ваша собака лестницу схватила. Она злая у вас?

— Якши, Домбаз! — Хаммат улыбнулся. Больше он ничего не мог поделать: его не понимали.

— Папа, надо сказать, что мы летим на канал!

Ромке очень хотелось рассказать незнакомому чабану о своем счастье. Отец летел на канал за запасными частями и взял его с собой. Ромку отпустили из школы с условием, что он все на строительстве осмотрит и расскажет о канале на пионерском сборе.

— Канал — это он знает! — уверенно сказал Василий Семенович, с интересом разглядывая высокого, сильного чабана.

— Канал, канал! — сказал летчик и показал рукой на пол.

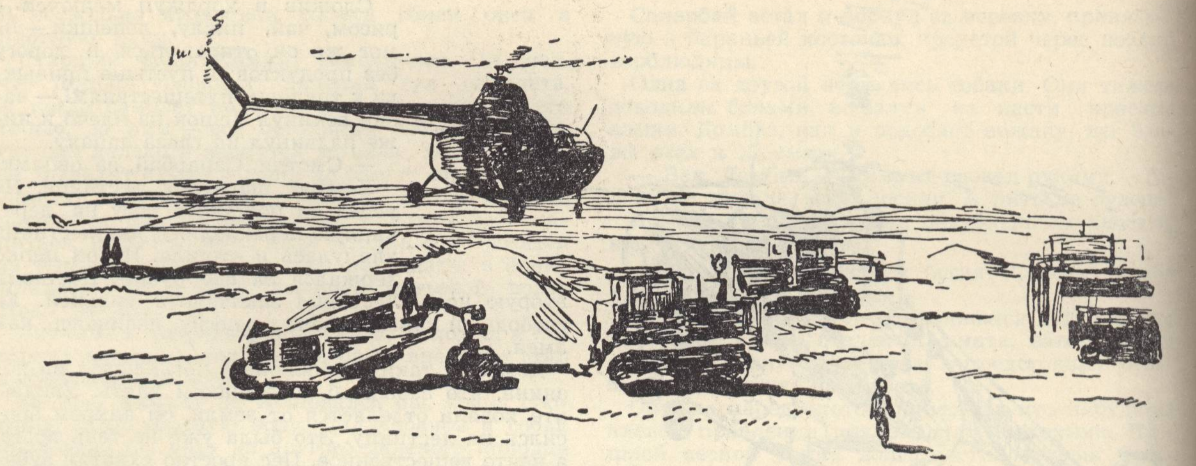
— Канал, якши!

Знакомое слово «канал» успокоило Хаммата. Он знал, что его поняли, что об отаре побеспокоятся, не дадут случиться беде. Вот прислали самолет! Чабан не спеша снял с плеча хорджун, поставил его у ног и осмотрел кабину. Она была просторной, с полукруглым потолком и чем-то

лестницу, боясь, что Хаммат улетит и оставит на него всю отару. Но куда страшней, если придется лезть по лестнице и лететь! Сапарбай даже закрыл глаза.

Летчик снова что-то крикнул на русском языке.

«Торопит!» — догадался Хаммат и быстро принялся собираться.

напоминала привычную кибитку. Хаммат постучал рукой по металлу и остался доволен: кибитка была крепкая.

Мотор заработал сильнее, и кабина затряслась. Хаммат схватился рукой за скамейку. Он старался не упасть, чтобы не опозориться перед незнакомыми людьми. Взглянув в окно, он увидел, что Сапарбай удивленно смотрит вверх. Вот он закинул голову еще выше, и у него слетела папаха.

Хаммат понял, что они поднимаются: Сапарбай, овцы, собаки становились все меньше и меньше. Кабину больше не трясло. Глуше ревел мотор.

Скоро чабан привык к ровному гулу. Он спокойно уселся, словно летел уже не первый раз.

— Полетели! — сказал Ромка.

Хаммат кивнул. Справа и слева, насколько хватал глаз, тянулись во все стороны барханы. Эти пески он хорошо знал. От колодца к колодцу все тропы исхожены. Смотреть на них у него не было ни малейшей охоты.

И вдруг среди выжженных песков, сухо блестевших на солнце, вспыхнула полоса зелени, яркая и сочная! А через мгновение среди высоких гряд песка, кустарников саксаула и черкеза блеснула полоска воды. Хаммат даже зажмурился.

На миг ему показалось, что это мираж, но потом, вглядевшись, он понял, что не ошибся. Это была вода.

Проведя языком по пересохшим, потрескавшимся губам, Хаммат почувствовал, как сильно хочет пить.

Из кабины вышел летчик. Он тронул Хаммата за плечо, но чабан не обернулся.

— Каналом любуется! — сказал Василий Семенович.

— Пусть смотрит,— согласился летчик.— Я как раз ему показать хотел!

Вертолет летел долго, а лента воды не обрывалась. Сверху она казалась узенькой, как пояс. Вдоль берегов канала тянулась зеленая, свежая трава.

— Якши, якши! — громко восклицал Хаммат и радостно прищелкивал языком. Чабан не узнавал Каракумов, где прошла почти вся его жизнь.

Потом земля стала быстро приближаться. Хаммат отпрянул от круглого окошка.

Тяжелый удар... Перегретый мотор несколько раз чихнул и замолк. Длинные лопасти, описав последний круг, устало упали. Издали они напоминали зонтик одуванчика.

Ромка первым спрыгнул на горячий песок.

Вертолет сел в поселке около ремонтной мастерской. Рядом с брезентовым навесом стояли тракторы. Без кабин, со снятыми моторами и радиаторами, они выглядели сиротливо. В больших деревянных ящиках лежали запасные части к тракторам.

— Если вам в контору,— сказал летчик, обращаясь к Василию Семеновичу,— то надо идти прямо. Третий домик. Над ним красный флаг висит. И вам в контору,— повернулся он к чабану,— к начальнику строительства.

— Контора, начальник! — повторил Хаммат. Он не торопясь пожал руки летчику, Василию Семеновичу и Ромке.

Но, пройдя немного вместе с ними, Хаммат вдруг свернул к каналу. Ему не терпелось посмотреть на воду, попробовать ее.

Скоро он вошел в высокую зеленую траву, которую видел с вертолета. Хаммат срывал травинки и долго мял в руках. Пустынная осока с трубчатыми стеблями, иляк, селин — все было свежее, мясистое. Удивительно! Обычно в это время трава уже сохнет на корню.

Чабан торопился к воде, заранее представляя, что он будет делать. Сначала умоется, пополощет рот, потом вскипятит чай. Он так соскучился по хорошей воде, что готов выпить подряд два, а то и три чайника.

На ровном песчаном бугорке его внимание привлекли следы насекомых. Сбегаясь с разных сторон, они вливались в широкую стежку, пропаханную множеством лапок и ножек. Это была прямая дорога к воде.

Может быть, городской житель ничего бы не заметил. Но Хаммат чувствовал, что воздух уже менее горяч, что он стал влажнее. Вода была где-то совсем рядом. И не в силах сдержаться, он стремительно взбежал на высокий бугор.

Внизу, в промытых песчаных берегах, широкой лентой катилась вода.

Хаммат оцепенел. Он давно готовился к встрече с водой. Но то, что он увидел, превзошло все его ожидания. С высоты канал казался узкой лентой. А здесь, на берегу, Хаммата поразили его размеры. Первый раз в своей жизни чабан видел столько воды.

Хаммат опустился на корточки. С наслаждением вымыл руки. Потом, зачерпнув полные пригоршни воды, стал пить.

НА КАНАЛЕ

— Канал! Канал! — кричал Ромка.

Едва успев распрощаться с летчиком и Хамматом, он бегом пустился вперед. Он просто не мог идти спокойно.

Счастье первого полета, осуществление давнишней мечты увидеть канал, радость близкой встречи с Айнабад — все это будоражило Ромку, неудержимо гнало вперед.

На гребне высокого бархана в стороне от дороги он остановился. И не потому, что устал и запыхался, а просто от огромного чувства счастья. Гряды барханов уходили во все стороны, как застывшие волны моря. Их пологие склоны были покрыты рябью. Пески взрябил ветер, дующий здесь все лето непрерывно с севера на юг до самой осени.

За барханами виднелись домики поселка. Издали они напоминали разбросанные детские кубики. Выгоревший белесый брезент сливался по цвету с песком.

— Ромка, куда ж ты убежал? — позвал его с дороги отец.— Надо торопиться. Летчики долго ждать не будут!

— Папа, а куда чабан пошел?

Отец ответил, что чабан, наверное, уже не первый раз прилетает на канал и все здесь знает.

Отец с сыном шагали к поселку молча. Каждый думал о своем. Ромка старался представить, как его встретят Айнабад, Борис Дурдыевич, Петенька, Зина. Василий Семенович гадал, удастся ли ему достать запасные части к тракторам.

Вокруг были все те же барханы с редкой травой, с чахлыми кустарниками акаций и черкеза, но в то же время все выглядело по-новому. Рядом с караванной тропой, где еще белели кости павшего верблюда, четко отпечатались следы трактора.

— Работяга прошел! — восхищенно сказал отец и похлопал Ромку по плечу.— Смотри, какая картина!

Поселок открылся вдруг за последним барханом сразу со всеми своими маленькими улочками — каждая из трех-четырех домиков! К ним шагали тоненькие столбы с электропроводами.

— Папа, смотри, Борис Дурдыевич! — обрадованно закричал Ромка и стремительно побежал вперед.

Навстречу им и впрямь шел Борис Дурдыевич, удивленно всплескивая руками.

— Какая встреча! Рома, Василий Семенович, какими судьбами? Прилетели на вертолете?

Борис Дурдыевич повел их к себе, познакомил с женой.

Ромка нетерпеливо поглядывал по сторонам. Борис Дурдыевич перехватил его взгляд и сказал, что он сам не знает, куда ушла Айнабад. Совсем недавно она была дома.

— Я прилетел просить запасные части к тракторам,— сказал Василий Семенович.— Песок у нас все съедает!

— Сначала попьем чайку, а потом можно говорить и о деле,— засмеялся Борис Дурдыевич.— Правда, Нурбиби? Тем более, что главного инженера искать не нужно, вот она здесь сидит.

А Хаммат тем временем шагал вдоль канала, направляясь к месту работы бульдозеров. Они работали в глубоком котловане, за перемычкой, которая надежно оберегала их от воды. Петенька с высоты своей кабины сразу заметил пожилого туркмена в большой черной папахе. Ковровый мешок на его плече красноречиво говорил, что человек прибыл издалека.

Бригадир был рад каждому новому человеку. Он хотел остановить свою машину и поговорить с туркменом, но решил сделать еще один заезд, чтобы показать бульдозер в работе.

Бульдозеры двинулись навстречу друг другу поперек будущего русла канала. В облаке поднятой пыли время от времени вспыхивали фары. Одни машины отваливали песок в правую сто-

рону, другие — в левую. Разворот — и направление менялось. Бульдозеры скользили вниз, к дну канала, срезали ножами грунт и выталкивали его наверх.

Петенька очень гордился своей специальностью. А было время, эта работа казалась ему неинтересной. «Подумаешь, срыл бугор, переместил кубики земли! — говорил он.— Плотнику или каменщику лучше. Поработают,— смотришь, дом стоит. И все мастера хвалят!» Но теперь Петенька был влюблен в свою машину. Бульдозер оказался единственным, кто мог совладать с мелким барханным песком. Этот песок вытекал и из ковшей экскаваторов и из тележек скреперов. В негласном соревновании многих машин и механизмов победителем вышел бульдозер. Впервые в практике строительства он самостоятельно копал канал!

Хаммату понравилось улыбающееся лицо молодого бульдозериста. В его свободной позе, в том, как сидел он в кабине в своей маленькой, лихо сдвинутой кепке, каким-то чудом державшейся на светлых волосах, чувствовался великолепный хозяин машины. Так по посадке всадника сразу видно, кто настоящий джигит.

Бульдозер нырнул в глубокую траншею и скрылся за высокой песчаной грядой.

Через минуту на его месте, точно повторяя все действия, появился другой бульдозер. Водитель, как и Петенька, приветливо помахал Хаммату рукой. Хаммат ответил на приветствие, но в разговор не вступал: он терпеливо дожидался понравившегося ему «джигита».

А тем временем машина бригадира все дальше и дальше уходила в забой. Она работала то на правом берегу, то на левом. Порой казалось, что бульдозер тонул в песке, но уже через минуту он, целый и невредимый, показывался на поверхности. Потом снова исчезал в забое.

Перед Хамматом прошли все машины, прежде чем наконец вновь появился долгожданный «джигит».

Хаммат поднял руку. Петенька остановил машину, легко выпрыгнул из кабинки и пошел к чабану вразвалку, как много поработавший и уставший человек.

— Салям алейкум! — приветливо сказал он и протянул твердую, жесткую руку.

Чабан крепко ее пожал и достал из хорджуна завернутый в платок чурек. Петенька не заставил себя дважды просить. Он отломил кусок и охотно принялся жевать. Хаммату и это понравилось: кто хорошо работает, тот и ест охотно. Он принялся рассказывать о колодце с соленой водой, о маленьких ягнятах.

Но Петенька только пожал плечами.

— Ни бельмеса!

— Ни бельмеса! — растерянно повторил Хаммат и тоскливо оглянулся.

Так и стояли они друг перед другом, не зная, как объясниться, и дружно отламывая куски от одной сухой лепешки.

— Ну, чего ты хочешь? — допытывался Петенька.— Чай надо, сахар?

Хаммат отрицательно качал головой.

— Надо Мустафу позвать! — решил Петенька.— Что-то случилось! Пусть переведет.

Но тут он услышал голос Айнабад.

— Эй, гей, Айнабад, сюда! — закричал он.

Хаммат сразу признал в Айнабад туркменку и радостно заговорил на родном языке.

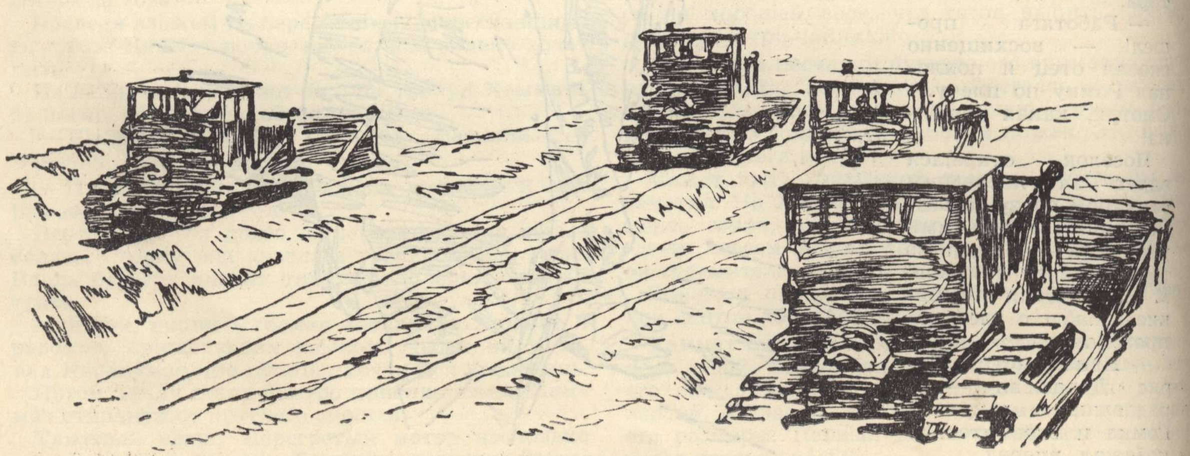
— Я чабан, Хаммат, ты ему скажи. Отару здесь по пескам гоняю. Должен быть скоро окот, а наш колодец стал давать соленую воду. Беда пришла большая. Ягнята будут падать. Воду надо! Хорошо все расскажи!

Айнабад переводила слово в слово. Сколько раз она видела в степи отары, но никогда не интересовалась тем, какую воду пьют овцы, какую любят траву. Удивительно было слышать просьбу о воде здесь, на канале. К воде здесь привыкли, перестали бояться пустыни. И вот совсем недалеко может, оказывается, погибнуть без воды отара. Ни газеты, которые читала Айнабад, ни рассказы матери не раскрывали перед ней значение канала с такой силой, как эта просьба чабана о помощи.

— Хаммат воду просит! — в тревоге сказала Айнабад.— Маленькие ягнята погибнут!

Чабан снова заговорил, нетерпеливо показывая рукой на запад.

— Их колодец там! — переводила девочка.— Два перехода конем отсюда. Он спрашивает, сможете ли вы провести туда воду? Ему надо обязательно знать. Около колодца собралось много отар.

Петенька задумчиво скреб колючий подбородок. Он не знал, что ответить чабану.

Скоро возле бригадира собрались все бульдозеристы. Хаммат по очереди со всеми здоровался, готовый снова и снова рассказывать все сначала. Особенно обрадовался он, когда появился бульдозерист Мустафа Алиев.

— Салам, туркмен! — сказал он и долго не отпускал руку Мустафы.— Ты знаешь, эти пески для нас золотые. Я пришел сюда, чтобы сказать, что они могут стать могилой для моих ягнят. Сделай все, чтобы быстро пришла к нам вода. Ты многое можешь. Я видел твою машину. Она сильнее ста верблюдов!

— Как ты сюда шел? На коне? На верблюде? — спросил Мустафа.

Хаммат отрицательно покачал головой и рассказал, что ему довелось прилететь на самолете, не имеющем крыльев.

— Это наш вертолет! — улыбнулся Мустафа.— Ребята, колхозный чабан воду просит!

— Карту треба! — заметил молодой украинец Федор Савчук.— Хиба мы знаем, скильки километров до колодца?

— Помочь надо! — сказал Григорий Мартынович Горяев, отец Шурика, самый пожилой человек в отряде.— Надо — по две смены будем работать! В беде человека не бросишь, а здесь дело государственное. Не за свое он старается — за колхозное добро.

— Надо к Нурбиби идти,— сказал Петенька.— Без нее мы ничего не решим. Она скажет, пройдет ли туда трасса канала... Ты ему скажи, Айнабад: мы смену закончим и пойдем к главному инженеру. Пусть он в контору приходит.

Хаммат потребовал, чтобы Айнабад немедленно вела его к главному инженеру. Но девочка сказала, что сейчас инженера трудно найти, инженер по всему строительству ходит.

— Откуда ты знаешь?

— Так это моя мама!

Хаммат удивленно посмотрел на нее: неужели главный инженер — женщина?!

Пока они искали главного инженера, Хаммат старался все как можно лучше рассмотреть. Ведь ему сегодня же надо возвращаться. Будь у него другой помощник, он бы так не волновался за отару. Но Сапарбая нельзя оставлять одного.

Вскоре они пришли на другой участок канала. Здесь уже была вода и работали совсем другие машины.

— Земснаряды приходят в канал после бульдозеров,— рассказывала Айнабад. — Они расширяют берега и делают канал глубже. Рабочие жалуются, что на песке трудно работать: он быстро проедает трубы.

— А трубы железные?

— Железные!

Хаммат подошел к одной из труб, по которым гнали на берег пульпу. Во многих местах на ней были наварены круглые заплатки. Хаммат постучал ногой по трубе. Он хотел убедиться в крепости металла. Он не мог понять, почему легкий сыпучий песок, который он всегда называл золотым, приносил строителям так много зла. А ведь вот и новый знакомый, бригадир бульдозеристов Петр Егорович, говорил, что песок быстро стирает ножи машин, выводит из строя моторы. Казалось, сама природа Каракумов была против этих смелых людей, вторгшихся в пустыню... А как им будет здесь трудно, когда наступит настоящая жара, подует горячий афганец!

— Кто там работает?

— На земснаряде? Багеры, матросы.

— Нет. Ты мне другое скажи: какие люди? Русские, туркмены?

— А, поняла... Есть туркмены, есть русские, узбеки, казахи, украинцы, латыши.— Айнабад на секунду задумалась. Наморщила лоб и стала вспоминать, кого она забыла еще назвать.— Есть эстонцы, грузины, армяне... даже одного корейца знаю. А недавно приезжали китайские студенты.

— Наши люди хорошо переносят жару, а приезжим здесь трудно работать,— сказал Хаммат и проникся к незнакомым людям большим уважением за их мужество и отвагу.— Это хорошо, что вся страна строит канал!

На берегу Айнабад и Хаммат увидели Шурика Горяева. Он был в своей ученической фуражке с желтым кантом, сползшей на самые уши. На воде перед ним прыгал красный поплавок.

— Клюет?! — крикнула Айнабад.

Шурик, не оборачиваясь, погрозил кулаком. Как всякий заядлый рыболов, он считал, что шум мешает клеву.

Вдруг поплавок вздрогнул, чуть качнулся и медленно пошел против течения. Потом еще раз подпрыгнул и скрылся под водой.

Шурик изо всех сил дернул палку. Леска натянулась и тонко зазвенела. На миг поплавок показался из воды и снова исчез.

Айнабад не успела понять, что произошло, как

Шурик очутился в воде. Он барахтался и изо всех сил колотил руками и ногами. Но в то же время не выпускал удилища из рук.

— Тонет! — испуганно крикнул Шурик, когда его знаменитая фуражка стала удаляться от берега.

Одним прыжком Хаммат оказался около мальчика, схватил его за пояс и вытащил на берег.

— Удочка! — простонал Шурик. Еще немного, и он бы снова бросился в воду.

Крупная сильная рыба тащила за собой удилище на середину канала.

Хаммат изловчился и поймал фуражку.

— Удочку! Ловите удочку! Там последний крючок!

— Почему он кричит? — встревоженно спросил Хаммат.

— Он рыбу ловит. Наверно, поймал большого сома.

— Смотрите! Видите, как водит рыба? Я побегу на земснаряд. У них есть лодка.

— Джигит! Якши! Добычу не надо упускать! Большой охотник будет!

Долго ходили еще по каналу Айнабад с Хамматом. И кто бы ни встречался им на пути: рабочий, шофер на автомашине, тракторист, с ночной смены, матрос или багер с земснаряда,— чабан со всеми здоровался за руку и рассказывал о своей беде.

— Вот наша кибитка! — наконец весело сказала Айнабад.— Посмотрите, Хаммат, нас ждут.

— Здравствуйте, Хаммат, где вы все ходите? — спросила Нурбиби.— Давайте знакомиться: главный инженер. Я уже все знаю. Тут человек десять приходило наших рабочих, все просят помочь вашим отарам. Все Хаммата знают, только я знакомлюсь последняя. Айнабад, а ты никого не встретила из своих знакомых?

— Шурика мы видели. Он рыбу ловил и упал в канал. Хаммат его вытащил. Петеньку видели, Мустафу Алиева.

— Ай, ай, Айнабад! Как ты все быстро забываешь! — загадочно сказал Борис Дурдыевич.— А Ромку ты бы не хотела видеть?

— Папа! — Айнабад почувствовала, что у нее пропал голос.— Не шути. Откуда он тут возьмется?

— С неба упал... Вместе с Хамматом и Василием Семеновичем!.. Прилетел на вертолете и сразу пошел тебя искать... А Василий Семенович ушел к механику.

Айнабад выбежала из домика.

Нурбиби принесла чайник, пиалы, хлеб.

— Кушайте, пейте чай...

Хаммата не надо было приглашать дважды. Он завладел чайником. Неторопливо налил в пиалу кипяток. Немного подождал, а потом одним броском руки выплеснул кипяток из пиалы в чайник. Так он проделывал несколько раз, пока зеленый чай не заварился. Каждая чаинка развернулась в маленький листок, отдала свой пахучий аромат. Он пригубил пиалу и закрыл глаза. Да, сладкая вода была в канале!

Нурбиби достала большую свернутую карту, исчерченную цветными карандашами, разрисованную цифрами и какими-то непонятными значками.

Хаммат не упускал ни одного движения Нурбиби. Вот она достала из готовальни циркуль и стала уверенно перекидывать его по карте. Он понял, что от блестящих ножек инструмента, который, как добрый конь, идет «юрьгой», зависит многое.

— Твой колодец? — ткнула острой иголкой Нурбиби.

Чабан внимательно разглядывал карту.

— Если по земле идти, я с закрытыми глазами проведу,— сказал он.— А здесь не знаю!

— Колодец Келеджар?

— Келеджар, Келеджар! — обрадованно сказал Хаммат, удивленно глядя на карту. Неужели там все написано про их пески?

— Здесь показано, что вода в колодце пресная! — сказала Нурбиби.— Борис, дай-ка счетную линейку.

В дверь постучали. Вошел Петенька. Он забыл нагнуться в маленьком коридорчике и зацарапал кепкой по брезенту потолка.

— Нурбиби Оразгельдыевна, я к вам! Мы решили чабанам помочь. Хотим по две смены работать.

— Хаммат, можно сейчас перегонять овец? — по-туркменски спросила Нурбиби.

Чабан покачал головой:

— Плохо будет!

— К самому колодцу канал не пойдет.— Нурбиби заглянула в карту и нервно постучала пальцами по столу.— Ну и дела! Что же придумать? И до другого колодца им не дойти... Постойте, а что если поставить по дороге цистерны? Пожалуй, это выход!.. Ставим цистерны.

Петенька сразу схватился за это предложение. Как всегда во время разговора, он пустил в ход руки. Ладони то взлетали, то падали. Они помогали бригадиру объяснить, как он организует доставку в пустыню цистерн с водой. Но вдруг его руки неожиданно застыли.

— А как будет с соляркой? — спросил Петенька.— Машины нас не обеспечат соляркой. В две смены работать будем, кладите двадцать тонн. Да еще Макарий сегодня на ремонт стал.

— Да, солярка зарежет! — согласилась Нурбиби.— Надо по воде пробовать ее доставлять. Катер и баржу нам привезли. Петр Егорович, видно, вам, как волгодонцу, придется у нас открывать навигацию, Хаммат,— она снова перешла на родной язык,— мы будем вдвое быстрей канал копать. А вы тоже нам навстречу отары потихоньку гоните. На дороге мы цистерны с водой поставим. К нам на канал придете. Вот смотри, как пойдешь.— Нурбиби быстро принялась чертить маршрут для перегона.

«Бумага, а в ней все известно про Каракумы,— удивлялся Хаммат.— Женщина, а как много знает, прямо караван-баши! Вот обрадуются чабаны, когда узнают, что я договорился с начальством! Молодец, Хаммат!».

В комнату влетела раскрасневшаяся Айнабад. За руку она держала Ромку.

— Мама, это Ромка! Ты посмотри на него!

(Продолжение в следующем номере.)

ВКУСНА КАША В ПОХОДЕ!...

Фотография Е. Оцуп.

Лось... Своей неслышной поступью ходит лесной великан в чаще. Не хрустнет ветка под его осторожным копытом. И — вот диво! — по болоту, там, где провалится человек, пройдет лось, огромный, тяжелый, безошибочно выбирая, куда ступить.

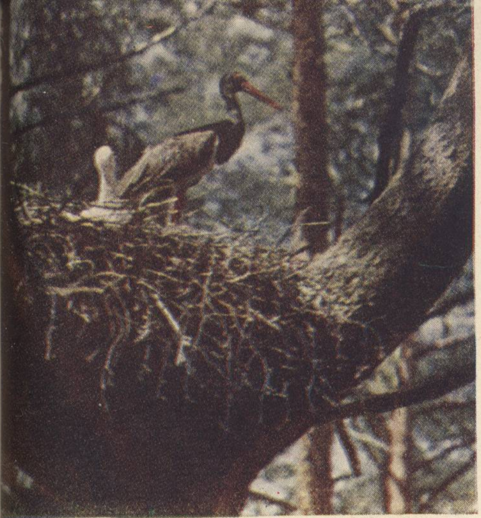
И здесь, как в любом лесу, на солнечных полянах золотыми огоньками вспыхивают лютики, привлекая крылатых гостей.

В Беловежской пуще

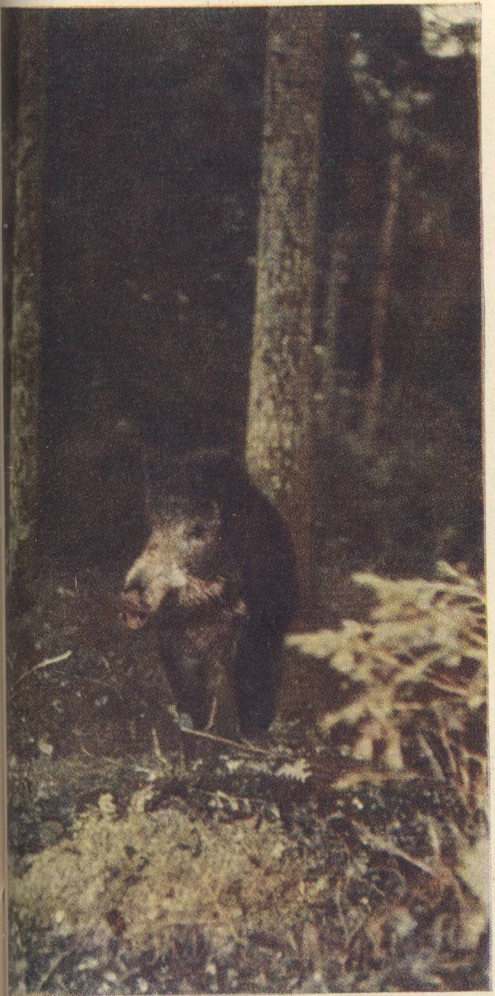

Грациозный европейский олень, «королевская дичь», на протяжении многих веков безжалостно истреблялся. Но сейчас он во многих странах объявлен заповедным зверем. В Беловежской пуще олени живут, не зная страха. Год от года их становится больше.

Черный аист, редкая птица, построил гнездо в развилке большой сосны.

Дикий кабан выходит из таинственного лесного сумрака. Осторожный зверь! Но раненный, в обороне, он страшен своей яростной силой.

Фотографии В. Гиппенрейтера.

Старый мудрый зубр, родоначальник всего заповедного стада. На снимке ниже — беспечная молодежь, его праправнуки.

Расцветают на болотах нежные цветы вахты трехлистной.

Здесь вы видите разные маски. Их нарисовал художник О. Зотов. 1 — Простая черная маска. 2 — Папуасская маска (Новая Гвинея). 3 — Древнегреческая комическая маска. 4, 5 — Маски Итальянской комедии дель-арте: Дзанни и Пульчинелла. 6 — Маска — грим современного китайского театра (артист Чень Чжень-чжу в роли царя обезьян Сунь У-куна). 7, 8, 9 — А вот такие маски вы могли бы ввести в спектакли своего школьного театра: Буратино, Чиполлино, Доктор Айболит.

Е. СПЕРАНСКИЙ

Рисунки О. Зотова.

ЧТО ТАКОЕ „ТЕАТР МАСОК" И ЧТО ТАКОЕ „ИМПРОВИЗАЦИЯ"?

Для тех, кто увлекается драматическим искусством и занимается в школьных и клубных драмкружках, полезно разобраться в этом вопросе. И может быть, разобравшись в нем, некоторые ребята захотят «взять на вооружение» эти очень интересные приемы актерской игры: игры в маске и без заранее выученного текста. Но дело это нелегкое. И чтобы стало понятней, о чем идет речь, мы начнем с самого простого: с простой черной маски...

ПРОСТАЯ ЧЕРНАЯ МАСКА

Вам, конечно, знаком этот лоскуток черной материи с прорезями для глаз, закрывающий верхнюю половину лица. У него есть одно волшебное свойство: надев его на свое лицо, какой-нибудь Петя Птичкин, ученик 5-го класса «Б», временно... исчезает. Да, он превращается как бы в невидимку, в человека без лица, без имени, без фамилии. И какая-нибудь Маша Гуськова, надев черную маску, тоже сразу же становится «неизвестной личностью». И вот встречаются две черные маски на школьном костюмированном вечере.

— Кто ты, маска?

— Сначала скажи, кто ты, и тогда я скажу, кто я.

— Ты меня интригуешь, маска!

— А ты — меня!

— Кто ты, маска?

— Ну что ж, прощай, Незнакомка.

— До свидания, Неизвестный!

И они расстаются, так и не узнав друг друга.

Простая черная маска... Участница карнавалов, международных фестивалей, школьных вечеров, она связана с праздником, с музыкой, танцами, серпантином. Люди давно уже догадались о ее волшебном свойстве. Надев маску, можно встретиться со своим недругом и выведать у него важную тайну. В маске можно сказать своему другу то, что иной раз не скажешь с открытым лицом. В ней всегда есть что-то таинственное, загадочное. «Молчит — таинственна, заговорит — так мило...», — говорится о ней в «Маскараде» у Лермонтова.

В старом, дореволюционном цирке ЧЕРНАЯ МАСКА, бывало, выходила на арену и укладывала на лопатки одного за другим всех борцов.

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!!!
БОРЕТСЯ ЧЕРНАЯ МАСКА! В СЛУЧАЕ СВОЕГО ПОРАЖЕНИЯ ЧЕРНАЯ МАСКА ОТКРОЕТ ЛИЦО И ОБЪЯВИТ СВОЕ ИМЯ!

Хозяин-то цирка знал, кто скрывается под черной маской. Иногда это был самый никудышный борец, страдающий ожирением сердца и одышкой. И вся борьба была сплошным жульничеством. Но публика валом валила на загадочную Черную маску.

Но не всегда простая черная маска была связана с балами, маскарадами и классической борьбой на арене цирка. Она участвовала и в более опасных затеях: разного рода аантюристы, бандиты, наемные убийцы скрывались под ней. Черная маска участвовала в дворцовых интригах, политических заговорах, совершала дворцовые перевороты, останавливала поезда и грабила банки.

И ее волшебное свойство оборачивалось трагически: лилась кровь, сверкали кинжалы, гремели выстрелы...

Вот видите, что в свое время значил этот лоскуток материи, закрывающий верхнюю половину лица. Но самое-то интересное, что не о нем у нас с вами пойдет разговор. Ведь мы повели разговор о «Театре масок». Так вот, в отличие от простой черной маски существует другого типа маска. Назовем ее ТЕАТРАЛЬНОЙ. И она обладает еще более сильным волшебным свойством, чем простая черная маска...

ТЕАТРАЛЬНАЯ МАСКА

Сережа рылся в шкафу среди старых вещей: ему нужно было найти велосипедный насос. Но вместо этого он наткнулся на странный предмет, сделанный из папье-маше,— НОС. Да, это был большой, длинный нос. На носу сидели круглые очки без стекол, а под носом топорщились черные усы. Сережа сунул свой нос в чужой нос и прикрыл дверцу шкафа. Дверца была зеркальная, и Сережа увидел в зеркале маленького пожилого гражданина с большим длинным носом, в очках и с усами.

— Здравствуйте,— сказал ему Сережа, и, конечно, Нос в это же самое время тоже сказал «здравствуйте», потому что это и был сам Сережа. Но только Сереже показалось, что Нос говорил и голосом-то другим, непохожим на Сережин. Сережа вошел в столовую, где вся семья сидела за вечерним чаем.

— Здравствуйте,— сказал Сережа, войдя в столовую.

— Кто этот дядя?! — воскликнула Люся.

— Наш управдом! — воскликнула мама.

— Нет, это кто-то еще! — воскликнул папа.

Сережа снял маску.

— Да это Сережа! — воскликнула мама.

— Действительно он! — воскликнул папа.

И все засмеялись. А Люся вскочила из-за стола и закричала:

— Дайте мне!

Выхватила у Сережи маску и надела на себя.

— Здравствуйте,— сказала Люся, и все покатились со смеху: маленький пожилой человечек с усами и говорит таким тонким, девчоночьим голосом.

— Дайте мне,— сказала мама и надела на себя маску.— Здравствуйте,— сказала мама, но никто не засмеялся.

Было только странно, что из-под черных усов слышится мамин голос. Странно и немного страшно. А Люся даже закричала:

— Ой, мама, не надо!

— Дайте мне,— сказал папа и надел на себя маску.— Здравствуйте,— сказал он басом, и опять всем стало очень смешно.

Чем же отличается театральная маска от простой черной маски?

А вот чем: черная маска ничего не изображает, она только превращает человека в невидимку. А театральная маска всегда изображает что-то, она превращает человека в другое существо.

Человек надел маску Деда Мороза. И вот он уже не учитель Николай Иванович Костюков, а сказочный волшебник,— дунет на вас — и вы, того гляди, превратитесь в сосульку... Надел маску Лисы — и превратился в хитрого зверя из басни дедушки Крылова. Надел маску Буратино — и превратился в сказочный образ деревянного человечка из сказки А. Толстого... И это, конечно, куда более сильное и интересное волшебное свойство, чем способность простой черной маски делать из человека невидимку. И люди уже давно догадались об этом свойстве театральной маски и пользовались им с давних времен.

Актер римского театра на котурнах.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МАСКИ В ДРЕВНОСТИ

Вы, конечно, бывали в цирке. Так вот, представьте себе помещение цирка, но только во много раз большее и притом без крыши. И скамейки не деревянные, а высеченные из камня. Это и будет амфитеатр, то есть место, где происходили театральные представления древних греков и римлян. Такие амфитеатры вмещали иногда до 40 тысяч зрителей. А знаменитый римский амфитеатр Колизей, развалины которого вы и сейчас можете увидеть в Риме, был рассчитан на 50 тысяч зрителей. Вот и попробуйте играть в таком театре, где зрители задних рядов не увидят ваше лицо и даже не услышат ваш голос...

Для того чтобы быть лучше видимыми, актеры тех времен вставали на котурны — особого рода подставки — и надевали маски. Это были большие, тяжелые маски, сделанные из дерева, нечто вроде водолазных скафандров. И изображали они разные человеческие чувства: гнев, горе, радость, отчаяние. Такая

Маски древнегреческой комедии.

маска, ярко раскрашенная, была видна на очень далекое расстояние. А чтобы актера было слышно, рот маски делался в виде маленького рупора-резонатора. Знаменитые трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида игрались в ТРАГИЧЕСКИХ масках. Комедии

Аристофана и Плавта, не менее знаменитые, игрались в масках КОМИЧЕСКИХ.

Иногда по ходу спектакля актеры меняли маску. В одной сцене актер играл в маске ОТЧАЯНИЯ, а потом уходил и в другой сцене приходил в маске ГНЕВА или в маске ГЛУБОКОГО РАЗДУМЬЯ.

Но нам с вами уже не могут понадобиться такого рода маски, изображающие застывшие человеческие чувства. Не нужны нам и резонаторы и котурны, хотя актеры кукольного театра до сих пор пользуются котурнами, чтобы подравнять свой рост к кукольной ширме. Не нужно нам все это потому, что мы не собираемся возрождать театр Древней Греции и Рима и играть для сорока или пятидесяти тысяч зрителей. Нас интересуют не маски ужаса или громоподобного смеха, а маски-характеры, маски-образы. И поэтому мы будем избегать масок, изображающих слишком резко и ярко какое-нибудь чувство, например улыбающихся и плачущих масок; наоборот, мы будем стараться придать нашим маскам нейтральное выражение, чтобы в них можно было играть разные состояния человеческой души. И тогда зрителям будет казаться, что наши маски то улыбаются, то плачут, то хмурятся, то удивляются,— лишь бы правдивые глаза актера сверкали из-под маски...

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МАСКИ КЛОУНОВ И АКТЕРОВ

Найти свою собственную маску считается большой удачей у цирковых клоунов и актеров. Удачно найденная маска иногда переворачивает всю жизнь актера, делает его мировой знаменитостью, приносит ему славу.

Но найти свою маску — это не так просто, как кажется. Прежде всего надо, чтобы все внутренние и внешние качества актера совпали с тем образом, который изображает маска. А самое трудное — это догадаться о самом образе, сыграть такого человека, такой характер, который напоминал бы многих людей сразу, воплощал бы в себе не один характер, а собрал бы отдельные характерные черты многих, то есть, другими словами, чтобы образ маски был образом собирательным или типическим и притом обязательно современным. Только тогда эта маска найдет отклик у большого количества зрителей, станет близкой, любимой маской, над которой народ будет смеяться или плакать. Но такая удача случается редко, может быть, раз в сто или двести лет.

Чарли Чаплин

Так случилось с известным актером Чарли Чаплином. Он нашел свою маску, и она стала переходить из фильма в фильм: черные усики, слегка приподнятые как бы в удивлении брови, на голове — котелок, в руках — тросточка... И огромные, не по росту ботинки. Иногда менялись отдельные подробности костюма: скажем, на голове вместо котелка появлялась соломенная шляпа,— но сама маска оставалась всегда одной и той же. Правда, если уж говорить точно, то это была не маска, а собственное лицо Чаплина с приклеенными усиками. Но ведь живое человеческое лицо тоже может порой делаться маской, если оно становится застывшим или малоподвижным, если на нем играет всегда одна и та же улыбка или гримаса.

Еще один такой пример лица-маски. Знаменитый в свое время киноактер Бэстер Китон никогда не улыбался... Что бы он ни переживал, в каких бы смешных положениях ни оказывался, он всегда сохранял серьезный вид, а зрители «ревели» от восторга, помирали со смеху. Его «страшно» серьезное лицо стало его маской. Но вот что интересно: маска Бэстера Китона забыта, а маска Чаплина живет до сих пор, несмотря на то, что Чаплин уже много лет тому назад расстался с ней. И это потому, что Чаплин нашел для своей маски типический образ, близкий каждому зрителю, образ маленького смешного человечка, никогда не унывающего, несмотря на то, что жизнь бьет его на каждом шагу. А Бэстер Китон играл просто отдельный характер никогда не улыбающегося человека. Образ Чаплина был шире, типичнее.

Но я все это рассказываю совсем не для того, чтобы вы сейчас же бросились искать свою маску. Нет, пусть уж лучше этим трудным делом занимаются профессиональные актеры! Конечно, то, что случается однажды в сто или двести лет, может случиться и с кем-нибудь из вас. Но пока вы учитесь в школе, а театральным искусством занимаетесь потому, что любите театр, а вовсе не потому, что хотите стать мировыми знаменитостями. Даже мечтать об этом — довольно неумное занятие, потому что слава обычно приходит к тем людям, которые о ней совсем не думают. И наоборот, тот, кто о ней думает, чаще всего становится неудачником. Нет, у нас с вами более скромные намерения. И поэтому мы говорим не о такой маске, для которой нужно еще выдумать характер, образ, мы говорим о маске, которая изображает уже существующий, известный зрителям характер, взятый из жизни или из литературы. Но, кроме масок, мы еще хотели с вами разобраться в том, что такое импровизация... Поэтому нам обязательно нужно познакомиться с итальянским «Театром масок», в котором было и то и другое: и маски и импровизация.

ИТАЛЬЯНСКАЯ «КОМЕДИА ДЕЛЬ АРТЕ», ИЛИ «КОМЕДИЯ МАСОК»

Итальянская «Комедия масок», или, как ее еще называют, «Комедиа дель арте», зародилась в далеком прошлом. Но настоящий ее расцвет произошел в XVII веке. Тогда в труппах «Комедиа дель арте» стали появляться знаменитые актеры — любимцы народа,— и спектакли масок вытеснили все другие театральные представления.

Что же это были за маски? Ведь мы уже с вами знаем, что театральная маска всегда изображает кого-то. Вот вам несколько масок «Комедиа дель арте»:

1. ПАНТАЛОНЕ — венецианский купец. Жадный, глупый старик, всегда попадает в смешное положение. Его грабят, дурачат, а он по глупости своей идет на любой розыгрыш. Его маска — совиный нос, торчащие усы, небольшая бородка, на поясе — кошелек с деньгами.

2. ДОКТОР — сатира на ученого юриста, судью. Болтун и крючкотвор. В черной полумаске, черной мантии, широкополой шляпе.

Маски «Комедиа дель арте».

3. КАПИТАН — карикатура на военного авантюриста, хвастун и трус. Костюм испанский: короткий плащ, шаровары, шляпа с пером. Говорит с испанским акцентом.

Уже по этим трем маскам можно понять, что́ собой представляла итальянская «Комедиа дель арте». Это было собрание масок, изображавших различных представителей итальянского общества того времени. Причем все они выставлялись в смешном виде, то есть были сатирическими масками. Простой народ хотел смеяться в театре над теми, кто в жизни причинял ему немало горя: купец богател за его счет, ученый юрист доводил его до тюрьмы, а «капитан» грабил и насильничал. (В те времена Италия была оккупирована испанцами, поэтому «капитан» и носил испанский костюм и говорил с испанским акцентом.) Среди масок «Комедиа дель арте» были две маски слуг, или, как их тогда называли, ДЗАННИ: это были комические маски, изображавшие лозкого мастера на все руки, лакея и простоватого деревенского парня. Это были уже настоящие клоуны, потешавшие зрителей в интермедиях. Дзанни назывались по-разному: Бригелла, Арлекин, Буратино, Пульчинелла. Им подыгрывали служанки: Смеральдина, Коломбина.

Эти образы-маски стали известны всему миру. Их имена звучали со сцены театров, про них писали стихи поэты, их рисовали художники. Да ведь и вы знаете некоторых из них. Помните Буратино? И помните, что он видит на сцене кукольного театра? Тех же Пьеро, Коломбину, Арлекина.

Кроме масок, «Комедиа дель арте» отличалась еще одним очень интересным свойством: ее актеры не учили ролей, а говорили на спектаклях свои собственные слова, те, которые приходили им в голову в момент действия. Они импровизировали.

ЧТО ТАКОЕ ИМПРОВИЗАЦИЯ

Один из пассажиров пошутил по поводу тесноты в трамвае. И остальные пассажиры, уставшие после работы и раздраженные теснотой, весело рассмеялись. Теперь представьте, что к шутнику обратился другой чудак-пассажир и сказал: «Вы очень смешное что-то сейчас говорили, пожалуйста, повторите еще раз, я хочу это записать в свою записную книжку». И шутник-пассажир, желая угодить чудаку-пассажиру и всем остальным, повторяет свою шутку во второй раз, слово в слово. Но странное дело: никто уже не смеется. Шутник смущенно замолкает...

В чем же дело?.. Да в том, что первый раз шутник произнес свою шутку именно «в первый раз», не задумываясь, очень искренне и непосредственно; он импровизировал. А во второй раз это была уже не импровизация, а нарочно сказанная фраза. Вот в этой искренности, в этом «первом разе» вся прелесть импровизации и есть. Актер всю свою роль говорит «в первый раз», своими словами, которые рождаются у него в момент действия. Завтра он будет играть ту же роль, по тому же сценарию и будет делать то же, что он делал сегодня, но говорить он будет уже не так, как сегодня, другие слова будут рождаться у него в момент действия, такие, какие ему захочется говорить именно в этот момент, потому что он не связан текстом, написанным автором.

Моменты импровизации встречаются в жизни на каждом шагу: речь, произнесенная экспромтом, без подготовки, на обсуждении какого-нибудь доклада, игры, шутки вокруг пионерского костра... Даже когда ученик у школьной доски объясняет своими словами выученный урок или решает теорему,— это своего рода импровизация...

Итак, итальянские актеры «Комедиа дель арте» импровизировали. У них не было ролей, вернее, текста роли. Авторы писали для них не пьесы, разбитые на диалоги и монологи, а сценарии, где только намечали, что́ должен делать и говорить актер по ходу спектакля. А уж сам актер должен был произносить слова, которые ему подсказывали его фантазия и воображение.

Некоторые из вас могут обрадоваться. Вот хорошо-то! Значит, не надо учить текст, репетировать, а прямо выходи и шпарь свою роль своими словами?!

Вот и неправда!..

О ТРУДНОМ ИСКУССТВЕ ИМПРОВИЗАЦИИ

Да, это заманчивое, увлекательное, но трудное искусство. Оно требует от актера напряжения всех его способностей, памяти, фантазии, воображения. Оно требует точного знания сценария, то есть того, что ты должен говорить и делать на сцене. «Ex nihil — nihil est» — была такая пословица у древних римлян: «Из ничего ничего не бывает». Так вот, если вы «без ничего» захотите начать импровизировать, у вас ничего и не получится. Вы можете легко это проверить. Возьмите любой рассказ А. П. Чехова, скажем, «Хамелеон» или «Хирургия», или рассказ какого-нибудь современного автора и попробуйте разыграть его в виде сценки, в лицах, своими словами, то есть импровизируя. И вы увидите, как это трудно. Вы будете стоять, раскрыв рот, и ждать, когда вам подскажут... А что подсказывать-то? Ведь у вашей роли нет слов, автор не написал отдельных реплик для каждого персонажа, как это делается в пьесах... Значит, нужно добиваться, чтобы слова сами рождались у вас в голове и легко сходили с языка.

Дзанни на ходулях.

Значит, нужно очень хорошо знать тот образ, который вы играете: его характер, походку, манеру разговаривать, что он делает в этой сцене, чего он хочет и в каком состоянии он находится. И потом, нужно хорошо знать вашего партнера, уметь общаться с ним, слушать его и отвечать ему. А когда вы все это будете знать, нужно много раз примериться к вашей сценке, попробовать сыграть ее и так и эдак, то есть, короче говоря, нужно работать, репетировать...

«Вот так раз! — скажете вы.— А как же быть с шутником в трамвае? Ведь он-то не работал, не репетировал, когда пошутил насчет тесноты в вагоне». Да, но ведь это было в жизни, а не на сцене. Шутник в трамвае никого не играл, он говорил от себя, а не от лица своей роли. На сцене все гораздо сложнее, чем в жизни. И надо вам сказать, что актеры-импровизаторы итальянской «Комедии масок» работали как звери, готовясь выйти на сцену: они репетировали, изобретали разные трюки, придумывали смешные реплики. Конечно, им сблегчало дело то, что они играли в масках, а маски представляли собой известные театральные образы, которые переходили из спектакля в спектакль. И все же они работали ничуть не меньше, чем актеры, играющие текст автора. Но каждый труд в конце концов вознаграждается и приносит радость. И вы, конечно, тоже почувствуете радость, когда однажды на одной из репетиций вдруг поймете, что вы можете легко и смело говорить своими словами от лица своей роли.

Это и будет значить, что вы овладели искусством импровизации.

ЧТО И КАК ИГРАТЬ МАСКАМИ, ИМПРОВИЗИРУЯ!

Ну вот мы познакомились с двумя интересными приемами актерской игры: с «Театром масок» и искусством импровизации. И мы уже знаем, что эти два приема актерской игры однажды соединились в блестящем искусстве «Комедиа дель арте». Теперь нам остается подумать, как «взять на вооружение» это искусство, использовать его, скажем, в самодеятельном драмкружке при школе или во Дворце пионеров. Ведь неплохо было бы, если бы на ваших школьных вечерах наряду с песнями, танцами, чтением стихов, драматическими сценками и спектаклями замелькали веселые маски актеров-импровизаторов. Некоторые могут засомневаться: живое человеческое лицо лучше неподвижной маски, а хороший автор лучше «своих слов», отсебятины импровизаторов. Так стоит ли возрождать эти устаревшие приемы «Комедиа дель арте»?

Но, во-первых, они никогда не устаревали. Пока люди не разучились шутить, смеяться, фантазировать, будет жить и импровизация. А во-вторых, говоря о масках и импровизации, мы вовсе не хотим упразднить живое лицо актера и хорошую пьесу хорошего автора. Наоборот, мы хотим, чтобы они, эти разные приемы актерской игры: маски, импровизация и живое человеческое лицо, произносящее текст автора,— все это существовало рядом друг с другом, обогащало друг друга. Потому что у каждого из этих театральных приемов есть свое дело. В пьесе, написанной автором, есть интересный сюжет, тщательно разработанные пси-

Вот две маски: Лисичка-модница и Волк-хулиган. Вмешиваясь в пьесу со своими веселыми злободневными интермедиями, они выводят на сцену события отрядной жизни. Они могут вести и программу концерта, как это делают Тарапунька и Штепсель.

хологические характеристики действующих лиц. Конечно, такую пьесу бессмысленно играть приемом масок и импровизации. Но оживить политическую карикатуру, инсценировать басню, ввести в драматический спектакль веселые интермедии, живо и остро откликнуться на любое событие сегодняшнего дня или на вашу школьную тему — это дело масок-импровизаторов, и никто лучше их не сделает этого. Но как это делать?.. Ведь у нас с вами нет еще авторов, пишущих специальные сценарии для актеров-импровизаторов.

Значит, самим придется придумывать темы и сочинять сценарии для своих выступлений.

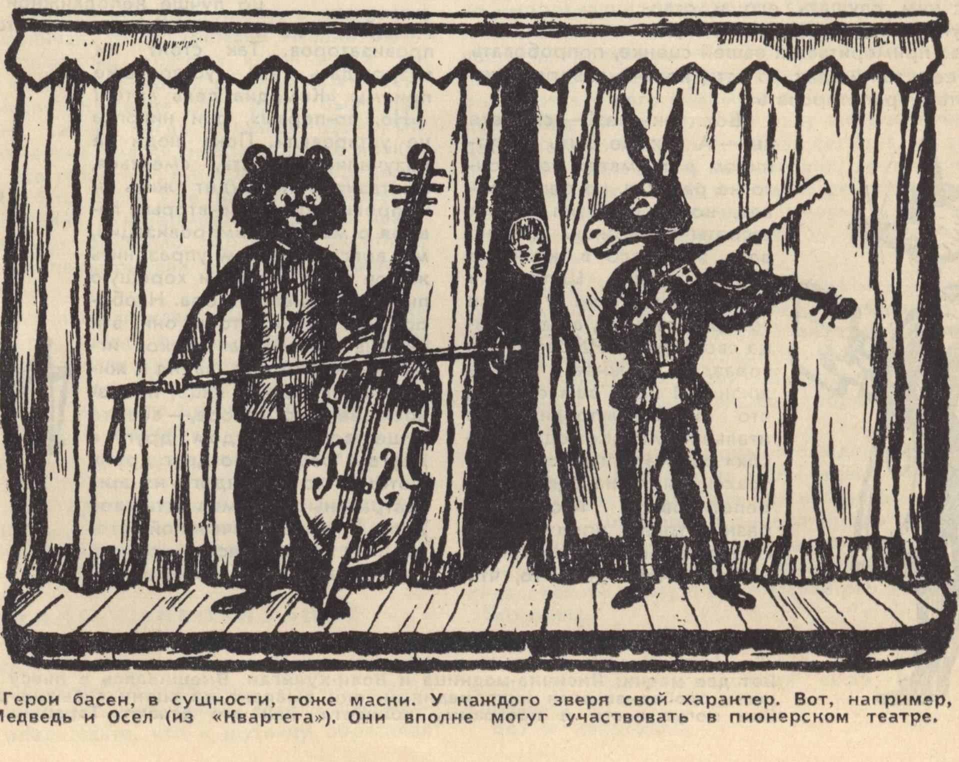
Это может взять на себя один из членов вашего драмкружка, у которого есть к этому способности и желание. Либо можно это делать сообща, коллективно, что, конечно, намного веселее.

Вспомним, что мы говорили о театральной маске. Она всегда изображает уже сложившийся характер, образ, известный и зрителям и самим актерам. В такой маске легче импровизировать, потому что актеру уже известна ее биография, или, если хотите, ее внешность, ее повадки. И, сочиняя сценарии, мы должны об этом помнить. И прежде всего должны отобрать ряд известных и нам и зрителям сценических образов, своих старых знакомых. Они и помогут нам сочинить тот или другой сценарий. Таких старых знакомых мы можем найти довольно легко и в жизни и в литературе. Из сегодняшнего номера газеты к нам может явиться всем известный образ зарвавшегося любителя «холодной войны», иностранного генерала с атомной бомбой в руке. Но на рисунке, скажем, художников Кукрыниксы это застывшая в одной позе карикатура. А наша маска может ходить и разговаривать. Но, разумеется, этого нахала нельзя оставить на сцене одного, с его действиями и разговорами.. И тут с плаката на тему «мирный труд» может появиться маска рабочего человека. Подумайте об этой встрече. Она может быть очень острой и действенной. Короткий сценарий, несколько фраз генерала, несколько фраз рабочего — и вот вам политический скетч, ожившая карикатура.

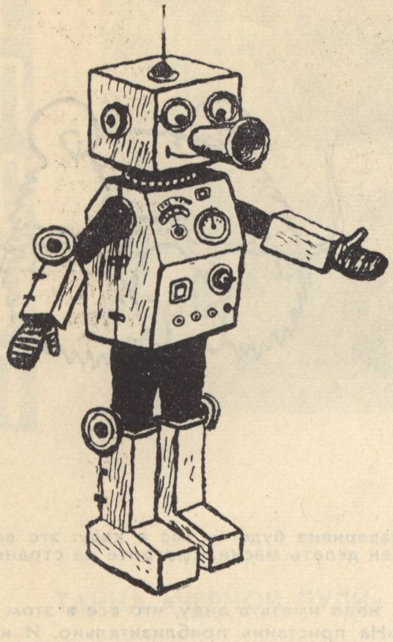

Знакомые лица, не правда ли? Советуем вам разыграть басню Крылова «Кукушка и Петух». Да и другие.

Образы ленивого ученика, неряхи, хулигана, подхалима так и просятся в маски. Они придут к вам

Герои басен, в сущности, тоже маски. У каждого зверя свой характер. Вот, например, Медведь и Осел (из «Квартета»). Они вполне могут участвовать в пионерском театре.

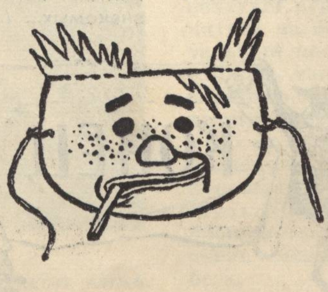
Это робот. Очень годится для маски! Можете назвать его Румом в честь робота, построенного пионерами. Пусть Рум, неспособный на хитрости, прямолинейный, в интермедиях вечно попадает впросак. Костюм робота пригодится и «внутри» какой-нибудь пьесы.

из жизни в образах людей или даже в образах животных из басен Крылова и современных баснописцев. Ведь каждый басенный образ — лиса, медведь, волк, заяц — скрывает в себе какой-нибудь порок или недостаток человеческого характера...

Подумайте и о таком сценарии, где бы действовали герои басен, но играли бы они на темы, близкие вашей школе. Образ веселого деревянного человечка Буратино тоже хорошо известен по сказке А. Толстого, по кино и телевидению. И его товарищи: Пьеро, Мальвина, пес Артемон и сам папа Карло — тоже известны. И вот на вашем школьном вечере может появиться маска Буратино в роли ведущего, в роли конферансье. Он украсит вашу разнообразную программу и свяжет отдельные ее номера или вместе со своими товарищами-масками заполнит паузы во время перемены декораций, если идет спектакль.

А смешной, рассеянный ученый Паганель из романа Жюля Верна «Дети капитана Гранта»? Разве он не просится в маску? Пусть он появится на вашей сцене. Сымпровизируйте комичное интервью. Пусть ребята представят себя корреспондентами школьной стенгазеты! (они могут быть и без масок) и зададут рассеянному ученому ряд вопросов относительно лунных спутников, космических ракет и невидимой стороны Луны...

Вот видите, сколько старых знакомых уже окружает вас и просится: сыграйте нас в масках! Придумайте дельце повеселей!

А это маска хулигана.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ!

Начинать надо с чего-нибудь очень простого и легкого. И прежде всего со сценария. Мы уже с вами знаем, что для актеров «Комедиа дель арте» писались не пьесы, а сценарии, в которых автор только намечал, что должен делать и говорить актер. Актер же по этой схеме должен был импровизировать. Для того, чтобы вы лучше поняли, как это делалось, я приведу вам небольшую сценку из сценария, написанного для двух комических масок: Труффальдино и Бригеллы.

СЦЕНА НА ПРИСТАНИ

Труффальдино и Бригелла объясняют (зрителям), что они пришли на пристань по поручению морского ведомства смотреть, не приближается ли галера.

У Труффальдино — длинная подзорная труба, которую он направляет в сторону, противоположную морю, то есть в зрительный зал. Шутит по поводу того, что он видит, особенно в ложах. Приходит к заключению, что галеры он не видит.

Бригелла издевается над его ошибкой, берет подзорную трубу, смотрит в море, различает вдали галеру.

Труффальдино берет трубу, смотрит, заявляет, что это лысуха (птица из породы водоплавающих).

Бригелла утверждает, что это галера.

Труффальдино,— что это гусь.

Бригелла,— что это галера.

Труффальдино,— что это осел, затем, что это слон, и т. д.

По мере приближения галеры Труффальдино видит предмет все более крупным и называет разные неподходящие вещи.

Часовой звонит в колокол и кричит с башни: «Галера!»

Труффальдино убеждается, и они убегают с Бригеллой во дворец с известием, что галера входит в гавань.

Вот как выглядит сценарий, написанный для актеров-импровизаторов; в нем нет прямых реплик (кроме реплики Часового: «Галера!»).

Все дается описательно, в приблизительной схеме. Конечно, лучше было бы сразу же придумать и написать свой собственный сценарий в виде коротенькой сценки, подобной этой. Но если у вас на первых шагах не хватит пороху, чтобы выдумать что-нибудь свое, давайте попробуем, не сможем ли мы воспользоваться уже готовой сценой на пристани. Но в таком виде, как она игралась двести лет назад, она, конечно, не годится; надо сделать ее современной, приблизить к нашему зрителю. Для этого надо помечтать, пофантазировать.

Представим себе, что в нашей школе торжественный праздничный вечер. Уже прошла торжественная часть, и теперь ожидается выступление артистов, настоящих, профессиональных артистов, но они, как это часто бывает, запаздывают. А зрители волнуются.

И вот на сцене появляются две смешные маски, Бригелла и Труффальдино, и начинают импровизировать сцену на пристани, но уже в другом варианте.

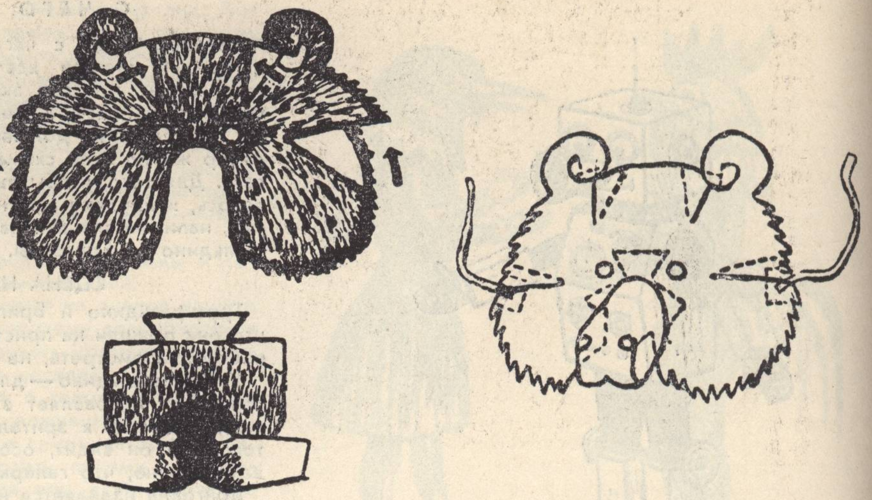
СЦЕНА НА ПРИСТАНИ

Труффальдино и Бригелла здороваются со зрителями: «Бона сера, синьоры! Добрый вечер!..»

Бригелла объясняет, а Труффальдино поддакивает, что они комиче-

ские маски из итальянской «Комедии масок». Называют свои имена. Объясняют, что пришли по поручению комиссии по организации этого вечера посмотреть, не появится ли в море галера с артистами. Труффальдино спрашивает, что такое галера. Бригелла издевается над его необразованностью и объясняет, что галера — старинное гребное судно. «Поэтому-то артисты так долго едут»,— замечает Труффальдино.

Труффальдино направляет подзорную трубу в зрительный зал. Бригелла спрашивает, что он видит на горизонте. Труффальдино шутит по поводу того, что он видит: 1) ученика (такого-то класса, имя, фамилия), который чем-нибудь провинился; 2) ученицу (такого-то класса, имя, фамилия), которая плохо себя вела на уроке; 3) и еще одного ученика — зазнайку или с каким-нибудь другим недостатком в характере. Приходит к заключению, что галеры он не видит.

Вот выкройка маски Медведя. Маска наверняка будет у вас в ходу: это ведь герой многих сказок. Подробнее о том, как делать маски, смотрите на странице 73.

Бригелла смеется над Труффальдино, берет подзорную трубу, смотрит «в море» и кричит, что видит галеру.

Труффальдино отбирает у него трубу, смотрит и говорит, что это:

1. Какое-нибудь мероприятие, которого очень ждет вся школа, но которого почему-то до сих пор нет...
2. Оборудование для физического кабинета, для гимнастического зала и т. д.

Бригелла отбирает у него трубу и говорит, что это галера. Труффальдино отбирает у него трубу и говорит... И так далее несколько раз, пока не появляется на сцене распорядитель вечера или дежурный и не объявляет, что артисты прибыли и нужно немедленно освободить сцену. Труффальдино и Бригелла заявляют, что пока им не начнут аплодировать, они не уйдут со сцены. Препираются с дежурным и даже угрожают ему подзорной трубой. Дежурный умоляет зрителей поаплодировать маскам. После этого зрители уже наверняка зааплодируют. Нашим маскам только этого и нужно; они грациозно раскланиваются и убегают со сцены.

Вот так приблизительно мог бы выглядеть этот сценарий двух комических масок из «Комедиа дель арте», если бы над ним немножко пофантазировали актеры-импровизаторы.

Конечно, надо иметь в виду, что все в этом новом сценарии «На пристани» приблизительно. И каждый школьный драмкружок найдет свои собственные примеры того, что Труффальдино видит в подзорную трубу на горизонте, это должны быть темы, очень близкие вашим товарищам и известные не только вашему классу, а всей школе. Тогда успех этой маленькой сценки обеспечен.

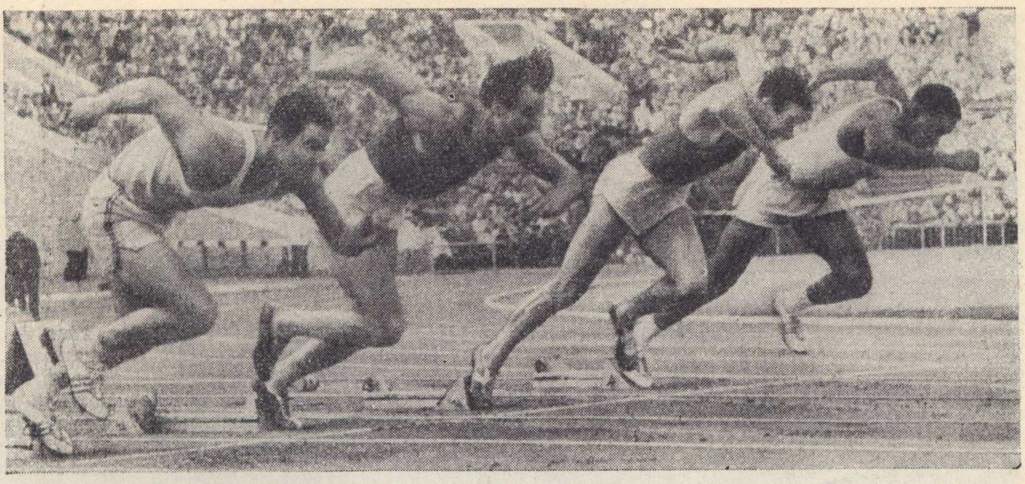
Вместо масок Труффальдино и Бригеллы, не известных зрителю, можно подставить другие маски, скажем, маску Буратино и папы Карло из сказки А. Толстого «Приключения Буратино» или, что еще лучше, современные маски, изображающие образы и характеры, в которых зрители узнавали бы самих себя. Но таких масок еще нет, их надо изобрести, придумать, а это, как мы с вами видели,— дело трудное. Поэтому-то для начала и надо брать уже готовые образы и характеры для ваших масок. Если у вас получится хотя бы эта маленькая сценка, она может повторяться как пролог к любому школьному вечеру, только слегка изменяясь и приспосабливаясь к обстоятельствам.

Но если маски отважатся выйти в этом прологе и смогут легко импровизировать, разговаривать со зрителями, то уж, наверно, им захочется выйти и после антракта или после какого-нибудь номера... И так, постепенно, шаг за шагом, они могут сделаться своеобразными конферансье всего вашего концерта школьной самодеятельности.

И вполне возможно, что на следующем вечере зрители встретят их уже как своих старых добрых знакомых...

СПОРТ

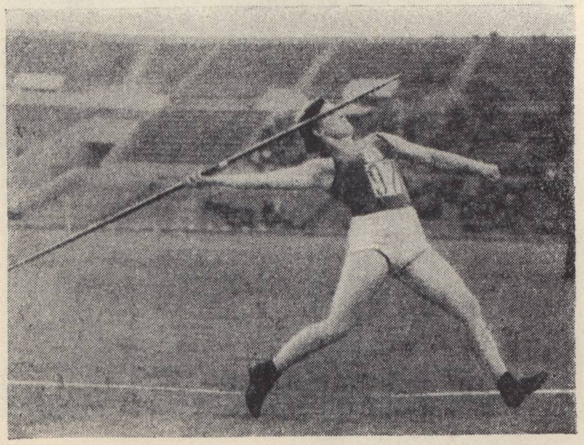

СПРИНТ

ТАЙНА «ЧЁРНОЙ ПУЛИ»

«Черной пулей» прозвали люди знаменитого негритянского спортсмена Джесси Оуэнса, завоевавшего в Берлине на Олимпийских играх 1936 года четыре золотых медали: в беге на 100 и на 200 метров, в эстафете 4×100 метров и в прыжках в длину с разбега. 8 метров 13 сантиметров — таков рекорд прыжка в длину с разбега, поставленный Джесси Оуэнсом. И знаете, что самое интересное? Его рекорд держится рекордное время. Это мировой рекорд жизни рекорда. Рекорд-«старичок»! За четверть века ни одному спортсмену на свете еще не удалось прыгнуть дальше Оуэнса.

В чем же секрет Оуэнса? Может быть, он прыгал как-нибудь особенно, своим собственным способом? Может, у него была своя, никому другому не известная техника прыжка? Нет, и во времена Черной пули и позднее было немало спортсменов, не хуже его владевших техникой прыжка. А секрет заключается в том, что он был одновременно выдающимся прыгуном (190 сантиметров в высоту с разбега!) и бегуном (100 метров за 10,2 секунды!). Бегун Оуэнс помогал прыгуну Оуэнсу взять такой разбег, какой никому не удавался. Оказывается, вот как важен спринт для других видов спорта!

Чем стремительнее разбег, тем дальше летит копье.

В самом деле, возьмем наших прыгунов Игоря Тер-Ованесяна и Олега Федосеева. Прыгучесть у них не хуже, а у Тер-Ованесяна даже лучше, чем у Оуэнса. И в технике прыжка оба не уступят Черной пуле. А вот в спринте они пока слабее. Значит, им, прыгунам, надо совершенствоваться в беге! Если Игорь Тер-Ованесян сумеет приблизиться к скорости Черной пули в беге на 100 метров или хотя бы на отрезке в 40 метров, рекорд может переселиться из-за океана к нам, в Советский Союз.

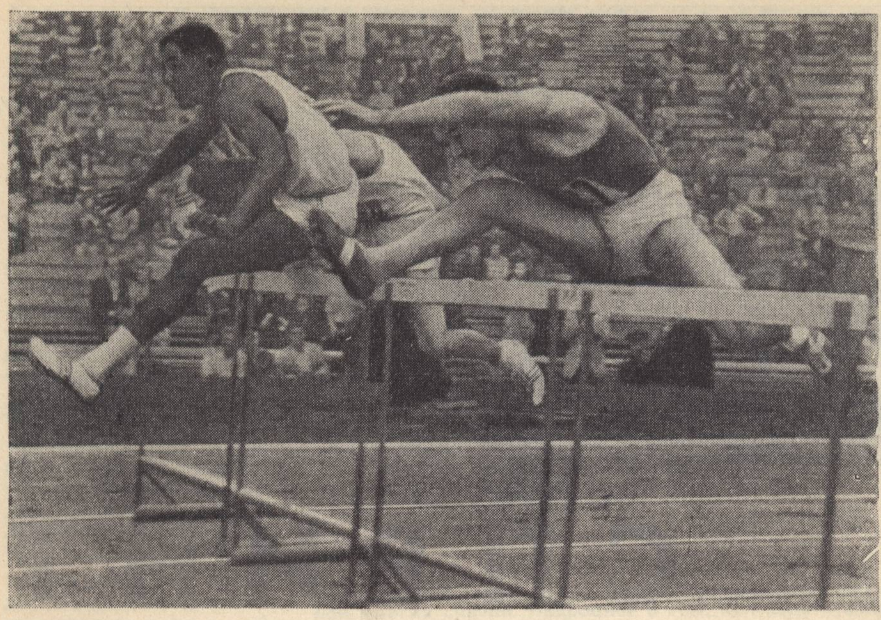
СПРИНТЕР НАЧИНАЕТСЯ В ДЕТСТВЕ

Установлено, что быстрота и другие спринтерские качества лучше всего развиваются у человека, когда ему 13—15 лет. Ребятам бегать так же естественно и необходимо, как птицам летать.

Почти все ребята увлекаются спортивными играми, и это вполне понятно, потому что в каждой игре развиваются не только мускулы, но и характер. Особенно полезна лапта. За очень короткий промежуток времени (пока мяч от удара в воздухе) играющий должен мгновенно переключиться на бег, сделать резкий, ровный, стремительный по своему темпу бросок.

Лапта, таким образом, вырабатывает основные спринтерские качества: резкость, мгновенную реакцию, скоростную выносливость.

Но не следует забывать вот чего: хотя скорость и умение бегать нужны в любой спортивной игре, хорошая техника бега вырабатывается не в играх. Наоборот, в игре часто возникают и закрепляются неправильные навыки, которые очень мешают овладеть техникой скоростного бега.

Посмотрите, как легки, как свободны движения американского спортсмена негра Рафера Джонсона.

Как же быть? Может, не играть? Нет, играть надо обязательно, игры способствуют развитию силы, ловкости, находчивости, смелости. Но надо специально тренироваться в беге, учиться правильно и хорошо бегать.

А пионерский возраст — самый подходящий для этого. Не опоздайте, ребята!

КАК ВЫ БЕГАЕТЕ?

Что такое бег? Может быть, это быстрый, очень быстрый шаг? Нет. Проследите за своим бегом. Вот вы оттолкнулись, оторвались от земли. Обе ноги у вас в воздухе. Приземляетесь вы уже на другую ногу. Опять толчок — и снова короткий полет.

Значит, для скорости бега очень важны три вещи: сила толчка, частота движений и умение бежать свободно, без напряжения. Чтобы толчок был сильным, он должен быть коротким и резким.

Счет времени в спринтерском беге идет не на часы, не на минуты, а на секунды и доли секунды. Но эти мгновения требуют исполинского напряжения сил. Способность быстро и резко мобилизовать мускулы, работать с предельным напряжением и вырабатывается спринтом.

Но ни один человек не выдержит постоянного напряжения мускулов, поэтому искусство бега заключается еще и в том, чтобы во время бега дать мускулам отдых, полностью расслабить их. Полет — это и есть момент отдыха мускулов, момент их полного расслабления.

Во время бега очень важно научиться напрягать только те мускулы, которые вам нужны. Если у вас во время бега напряжены все мышцы, их работа становится похожей на работу лебедя, рака и щуки из басни Крылова.

Вам может показаться: «Какое имеет значение, напряжены ли у меня мышцы затылка, когда я бегу? Ведь работают-то ноги! А шея им мешать никак не может!» Оказывается, может. Если вы на бегу сжали пальцы в кулак или напрягли мускулы плеча или затылка, на это зря тратится сила сердца, легких, мозга. А она нужна для другого — для работы именно тех мускулов, которые участвуют в беге.

Помню, как еще школьником при сдаче норм БГТО я бежал стометровку. Мне было тогда около пятнадцати.

Я весь напрягся, и мне казалось, судя по моим усилиям, что я лечу, как метеор, а результат получился слабеньким: 13,2 секунды.

Позднее я стал мечтать о десятиборье. А там все десять видов легкой атлетики требуют от спортсмена спринтерских навыков. Чтобы улучшить результаты в беге на короткие дистанции, я начал настойчиво развивать все группы мышц, работающих во время бега, особенно ног. Но улучшение получалось небольшое. «Скованность» не давала бежать быстро. «Что же делать? — думал я.— Неужели нет выхода?» Нет, выход был.

Резкость движения, мгновенная реакция, характерные для спринта, нужны и теннисисту.

Без хорошего разбега, без сильного толчка двухметровую высоту не преодолеешь.

У Олега Федосеева замечательная прыгучесть. Вот бы ему быстроту Черной пули!

Надо было учиться бегать так, как пианист учится играть. Начинающего музыканта долго заставляют играть медленно, пока не окрепнут кисти и пальцы, пока в мышцах и сухожилиях не выработается нужная сила, подвижность, а главное, правильность движений.

Чтобы научиться бегать быстро, я стал бегать медленно, следя за тем, чтобы ни одна лишняя мышца не напрягалась во время бега.

Если бы вы знали, ребята, как это трудно — сдерживать себя даже во время тренировки! Особенно, когда рядом бежит твой товарищ и обгоняет тебя и ты смотришь ему в спину и не имеешь права его догнать и опередить, хотя знаешь, что это тебе по силам. Постепенно техника бега у меня улучшилась, и сразу же стали расти достижения в беге: 100 метров за 10,9 секунды. Улучшились достижения и в других видах десятиборья.

ОДИННАДЦАТЬ СЕКУНД

Не только у нас, но и в других странах знают рекордсмена мира в десятиборье Василия Кузнецова. Ему удивляются, о нем говорят: «Великий Кузнецов». Но учитель, как бы ни любил своего ученика, как бы ни радовался его успехам, всегда помнит о его недостатках, о его слабостях. Мне известны все недостатки Василия Кузнецова, потому что шаг за шагом у меня на глазах вырастал этот талантливый спортсмен.

Борьба за спортивное мастерство — это прежде всего борьба с самим собой. И самую трудную борьбу с собой Василий вел на беговой дорожке, овладевая техникой скоростного бега.

Василий был от природы очень быстрым и подвижным юношей и, естественно, оказался одним из самых сильных игроков футбольной команды своего родного городка Покрова, Владимирской области. Был даже капитаном команды.

В футбол он играл хорошо, но бегал неправильно, и эти неправильности год от года основательно закрепились; они-то и тормозили его бег. Кузнецов довольно быстро показал на стометровке одиннадцать секунд. «Хорошее время для начала»,— скажете вы. Для кого-нибудь хорошее, а для Кузнецова плохое. Одиннадцать секунд — это было мало, страшно мало для его отличных физических данных.

Семь лет длится борьба! Оказалось, гораздо проще заново научить Кузнецова прыжкам с шестом, барьерному бегу, а в гладком беге он с трудом отвоевывает у самого себя каждую секунду. В результате долгой работы были сброшены четыре десятых секунды, но это все равно для него мало! Сейчас, несмотря на то, что Кузнецов неоднократно устанавливал мировые рекорды и выигрывал первенства, он продолжает работать над техникой спринта.

Но десятиборье — это легкая атлетика. Тут понятно, что без спринта не обойтись. А вот скажите: нужен ли спринт вратарю, боксеру, штангисту?

В. Волков, заслуженный тренер СССР

Похититель собак

(ИЗ ДЕНИСКИНЫХ РАССКАЗОВ)

Виктор ДРАГУНСКИЙ Рисунки В. Горяева.

Еще вот какая была история. Когда я жил у дяди Володи на даче, недалеко от нас жил Борис Климентьевич, худой такой дядька, веселый, с палкой в руке и высокий, как забор.

У него была собачка под названием Чапка. Очень хорошая собачушка, черная, мохнатая, морда кирпичом, хвостик торчком. И я с ней очень подружился.

Вот один раз Борис Климентьевич задумал идти купаться, а Чапку не захотел с собой брать. Потому что она уже один раз ходила с ним на пляж, и из этого вышла скандальная история. В тот раз Чапка полезла в воду, а в воде плавала одна нервная тетенька. Она плавала на автомобильной камере, чтоб не утонуть. И она сразу закричала на Чапку:

— Пошла вон! Вот еще не хватало собачью заразу напускать! — И стала брызгать на Чапку.— Вон пошла, вон!

Чапке это не понравилось, и она прямо на плаву хотела эту тетку цапнуть, но до нее не достала, а камеру все-таки ухватила своими остренькими зубками. Один только разик куснула — и камера зашипела и выдохлась. А нервная тетка стала думать, что она тонет. И она завизжала:

— Тону, спасите!

Весь пляж страшно перепугался. И Борис Климентьевич кинулся ее спасать. Там, где эта тетка барахталась, ему река была по колено, а тетке — по плечи. Он ее спас, а Чапку постегал прутиком. Для виду, конечно. И с тех пор он перестал ее брать на реку.

И вот теперь он попросил меня погулять во дворе с Чапкой, чтобы она не увязалась за ним. И я вошел во двор, и мы стали с Чапкой носиться и кувыркаться, прыгать и колбаситься, подскакивать, вертеться и лаять, визжать, и смеяться, и валяться. А Борис Климентьевич спокойно ушел. И мы с Чапкой вдоволь набаловались, а в это время мимо забора шел Ванька Дыхов с удочкой.

Он говорит:

— Дениска, рыбу ловить!

Я говорю:

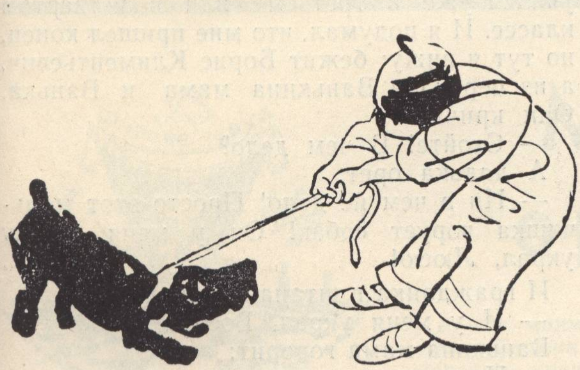
— Не могу, я Чапку стерегу!

Он говорит:

— Запри ее в комнате. Захвати свой бредень и догоняй.

И пошел дальше. А я взял Чапку за ошейник и тихонечко поволок по траве. Она легла, лапки кверху, и поехала, как на салазках. Я открыл дверь, втащил ее в коридор, дверь прикрыл и пошел за бреднем. Когда я опять вышел на дорогу, Ваньки уже не было. Он скрылся за углом. Я полетел его догонять и вдруг возле продовольственной палатки вижу: на самой середине дороги сидит моя Чапка, язык высунула и смотрит на меня как ни в чем не бывало... Вот так да! Это значит, я дверь плохо прикрыл или она еще как-то исхитрилась и, наверное, пробежала дворами, а теперь сидит, встречает. Умна! Но ведь мне надо спешить! Там Ванька уже, наверное, рыбу таскает, а я тут с ней возись. Главное, я бы взял ее с собой, но Борис Климентьевич может вернуться, и если он ее не застанет дома, он разволнуется, бросится искать, и потом меня будут ругать... Нет, так дело не пойдет! Придется ее обратно волочь. Я

схватил ее за ошейник и потащил домой. На этот раз Чапка упиралась в землю всеми четырьмя лапами. Она волоклась за мной на своем животе, как лягушка. Я ее еле доволок до дверей. Открыл узенькую щелку, впихнул и дверь захлопнул крепко-накрепко. Она там зарычала и залаяла, но я не стал ее утешать. Я обошел весь дом, позакрывал все окна и калитку тоже. И хотя я очень устал от возни с Чапкой, я все-таки припустился бежать к реке. Я довольно быстро бежал, и когда я уже поравнялся с трансформаторной будкой, из-за нее выскочила... опять Чапка! Я даже оторопел. Я просто не верил своим глазам. Я подумал, что она мне снится. Но тут Чапка стала делать вид, что вот она меня сейчас укусит за

то, что я ее оставил дома. Рычит и лает на меня! Чертова собака! Ну, погоди же, я тебе покажу! И я стал хватать ее за ошейник, но она не давалась, она увертывалась, хрипела, отступала, отскакивала и все время лаяла. Тогда я стал ее приманивать:

— Чапочка, Чапочка, тю-тю-тю, лохмушенька, на-на-на!

Но она продолжала издеваться и не давала себя поймать. Главное, мне мешал мой бредень — у меня была не та ловкость. И мы долго скакали так вокруг будки. И вдруг я вспомнил, что недавно видел в телевизоре картину «Тропою джунглей». Там показано, как в Китае охотники ловят обезьян сетями. Я сразу сообразил, взял свой бредень, как сачок, и — хлоп! — накрыл Чапку, как обезьяну. Она прямо взвыла от злости, но я быстро закутал ее как следует, перекинул бредень через плечо и, как настоящий охотник, потащил ее домой через весь поселок. Чапка висела у меня за спиной в сетке, как в гамаке, и только изредка подвывала. Но я уже не обращал на нее никакого внимания, а просто взял ее, и вытряхнул в окошко, и припер его снаружи палкой. Она сразу там залаяла и зарычала на разные голоса, а я уже в третий раз побежал за Ванькой. Это я так рассказываю быстро, а на самом деле времени прошло очень много. И вот у самой реки я встретил Ваньку. Он шел веселый, а в руке у него была травинка, а на травинке нанизаны две уклейки, большие, с чайную ложку каждая. Я говорю:

— Ого! А у тебя, я вижу, здорово клевало!

Ванька говорит:

— Да, просто не успевал вытаскивать. Давай отнесем эту рыбу моей маме на уху, а после обеда снова пойдем. Может, и ты что-нибудь поймаешь.

И так за разговором мы незаметно дошли до дома Бориса Климентьевича. А около его дома стояла небольшая толпа. Там был дядька в полосатых штанах, с животом, как подушка, и еще там была гражданка, тоже в штанах и с голой спиной. Был еще мальчишка в очках и еще кто-то. Они все размахивали руками и что-то кричали. А потом мальчишка в очках увидел меня да как закричит:

— Вот он, вот он сам, собственной персоной!

Тут все обернулись на нас, и дядька-подушка завопил:

— Который?! С рыбой или маленький?!

Мальчишка с очками кричит:

— Маленький! Хватайте его! Это он!

И они все кинулись ко мне. Я немножко испугался и быстро отбежал от них, бросил бредень и влез на забор. Это был высокий забор, меня нипочем снизу не достать. Гражданка с голой спиной подбежала к забору и стала кричать нечеловеческим голосом:

— Отдай сейчас же Бобку! Куда ты его девал, негодник?

А дядька уткнулся животом в забор, кулаками стучит:

— А где моя Люська? Ты куда ее увел? Признавайся!

Я говорю:

— Отойдите от забора. Я никакого

Бобку не знаю и Люську тоже. Я даже с ними не знаком! Ванька, скажи им!

Ванька говорит:

— Что вы напали на ребенка! Я вот сейчас как сбегаю за мамой, тогда узнаете!

Я кричу:

— Ты беги поскорее, Ванька, а то они меня растерзают!

Ванька кричит:

— Держись, не слезай с забора!

И побежал.

А дядька говорит:

— Это соучастник, не иначе. Их тут целая шайка! Эй, ты, на заборе, отвечай сейчас же, где Люся?

Я говорю:

— Следите сами за своей доченькой!

А он:

— Ах, ты еще острить?! Слезай сию минуту, и пойдем в прокуратуру.

Я говорю:

— Ни за что не слезу!

Тогда мальчишка в очках говорит:

— Сейчас я его достану!

И давай карабкаться на забор. Но не умеет. Потому что не знает, где гвоздь, где что, чтобы уцепиться. А у меня этот забор сто раз лазенный. Да еще я этого мальчишку пяткой отпихиваю. И он, слава богу, срывается.

— Стой, Павля,— говорит дядька-подушка,— давай я тебя подсажу!

И этот Павля стал карабкаться на этого дядьку. И я опять испугался, потому что Павля был здоровый парень, наверное, учился уже в третьем или в четвертом классе. И я подумал, что мне пришел конец, но тут я вижу: бежит Борис Климентьевич, а из переулка Ванькина мама и Ванька. Они кричат:

— Стойте! В чем дело?

А дядька орет:

— Ни в чем не дело! Просто этот мальчишка ворует собак! Он у меня собаку украл, Люсю!

И гражданка в штанах добавляет:

— И у меня украл, Бобку!

Ванькина мама говорит:

— Ни за что не поверю, хоть режьте!

А мальчишка в очках вмешивается:

— Я сам видел. Он нес нашу собаку в сетке за плечами! Я сидел на чердаке и видел!

Я говорю:

— Не стыдно врать? Я Чапку нес. Она из дому удрала!

Борис Климентьевич говорит:

— Это довольно положительный мальчик. С чего бы ему вдруг вступить на стезю преступлений и начать воровать собак? Пойдемте в дом, разберемся! Иди, Денис, сюда!

Он подошел к забору, и я прямо перешел к нему на плечи. Потому что он был очень высокий, я уже говорил.

Тут все пошли во двор. Дядька фыркал, гражданка в штанах ломала пальцы, очкастый Павля шел за ними, а я катился на Борисе Климентьевиче. Мы взошли на крыльцо. Борис Климентьевич открыл дверь — и вдруг оттуда выскочили три собаки! Три Чапки!!! Совершенно одинаковые! Я подумал, что это у меня в глазах троится.

Дядька кричит:

— Люсечка!

И одна Чапка кинулась и вскочила ему прямо на живот!

А гражданка в брюках и Павля вопят:

— Бобик! Бобка!

И рвут второго Чапку пополам, она за передние ноги тянет к себе, а он за задние — к себе! И только третья собака стоит возле нас и вертиком хвостит. То есть хвостиком вертит.

Борис Климентьевич говорит:

— Вот ты с какой стороны раскрылся! Я этого не ожидал. Ты зачем напихал полный дом чужих собак?

Я сказал:

— Я думал, они Чапки! Ведь как похожи! Одно лицо. Прямо вылитые собачьи близнецы.

И я все рассказал по порядку. Тут все стали хохотать, а когда успокоились, Борис Климентьевич сказал:

— Конечно, не удивительно, что ты обознался. Скочтерьеры очень похожи друг на друга, настолько, что трудно бывает различить. Вот и сегодня, по совести говоря, не мы, люди, узнали своих собак, а собаки узнали нас. Так что ты, Дениска, ни в чем не виноват. Но все равно знай, что с этих пор я буду называть тебя «Похититель собак»!

И правда, он так меня называет...

Мои новые оруженосцы

Давно уже не встречался я с вами, друзья, давно ничего вам не рассказывал. А рассказать есть о чем. И будет рассказ мой радостным, потому что подружились со мной многие ребята, из разных городов и сел.

Шлют ребята мне свои письма, задачи мои решают, сами шахматные задачи составлять научились. И оруженосцев у меня намного больше теперь.

Принял я к себе в оруженосцы Виктора Ольмана из Таллина, Сашу Колдобского со станции Внуково, Мишу Горбачевского из города Усть-Кута, Таню Игнатьеву, ученицу шестого класса 311-й ленинградской школы, Славу Калиша из города Мытищи.

Слава — испытанный шахматный боец. Он в прошлом году за решение задач получил премию газеты «Пионерская правда».

А еще моими оруженосцами стали Сережа Бодров из Приморского края, Саша Чудиновских из Кирова, Витя Гребенников из Орехово-Зуева, Лева Толмачев из Ленинграда.

Есть у меня оруженосец и за Полярным кругом. Это Саша Архипов из Верхоянского района, Якутской республики.

А теперь, ребята, попробуйте решить задачи, составленные моими оруженосцами.

Вот какую позицию прислал мне Саша Чудиновских.

Укажите наименьшее количество ходов, которое потребуется белым, чтобы дать мат черному королю. Игру в этой позиции начинают белые.

А теперь посмотрите задачу, которую составил Саша Колдобский.

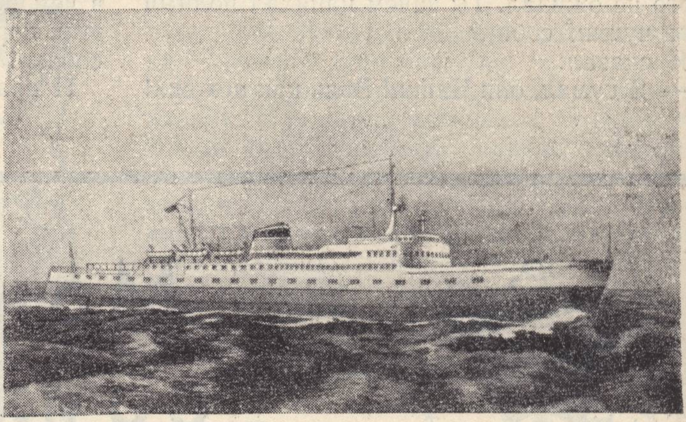

Здесь тоже ход белых. Найдите, как они дают мат в три хода.

Жду ваших писем, дорогие мои шахматисты.

Обо всём и отовсюду

Морской поезд

Тяжело груженный товарный состав подошел к причалу на берегу Каспийского моря, у которого пришвартовано большое красивое судно, как две капли воды похожее на то, которое вы видите на фотографии.

Наверное, сейчас будут «переваливать» груз из вагонов на судно.

Но вместо грузчиков по путям снуют два локомотива с прицепленными к ним вагонами. Они подводят вагоны к судну и по рельсам, проложенным на нижней его палубе, заталкивают вагоны внутрь.

Капитан судна и его помощник, сидя у специальной телевизионной установки, внимательно следят за погрузкой.

Когда локомотивы заканчивают погрузку, судно отчаливает и идет по морю с большой скоростью: оно делает 16 узлов — около 30 километров в час.

Такого судна-парома еще нет, но оно уже строится на заводе «Красное Сормово». Паром будет перевозить не только товарные поезда, но и пассажиров. На верхней палубе для них будут устроены каюты и салоны с удобными откидными, как у самолетов, креслами.

У нас есть паромы на реках и в морских заливах, это будет первый паром для плавания в открытом море.

Каспий — бурное море. Конструкторы позаботились о том, чтобы пассажиры не страдали от качки. На пароме будет специальное устройство, обуздывающее морские волны.

Между Баку и Красноводском будет ходить несколько таких паромов. Впоследствии паромы соединят Красноводск с Махачкалой.

Я. Островский

Пословица устарела

Искать иголку в стоге сена так же бесполезно, как искать песчинку в куче песка. Однако ученые легко находят эту песчинку.

Вот на столе насыпана кучка песка. Лаборант бросает в нее несколько песчинок, перемешивает песок и гасит свет в комнате. Через минуту в песке замерцало несколько ярких точек. Их подцепили пинцетом. Вот и все. Песчинки найдены.

Правда, это были не совсем простые песчинки. Они окрашены невидимыми при дневном свете люминесцентными красками, которые светятся в ультрафиолетовых лучах. Такие «меченые» песчинки помогают строителям портов, маяков, молов.

В морях и реках вода несет по дну песок, в одном месте она намывает песчаные отмели, в другом — подмывает берега, разрушает их. И вот, прежде чем строить что-либо на берегу, надо знать, не занесет ли его песком, не обрушится ли он в воду. Об этом-то и рассказывают окрашенные песчинки.

Ученые высыпают немного окрашенного песка в воду, а потом в разных местах берут со дна

пробы. Меченые песчинки путешествуют вместе с песком. Они вспыхивают в лучах ультрафиолетовой лампы и рассказывают, куда и насколько быстро перемещается по дну песок. После таких исследований можно точно сказать, где лучше строить порты, маяки, молы.

Как видите, и песчинку можно найти на дне морском, надо только знать, как взяться за дело.

И. Нехамкин

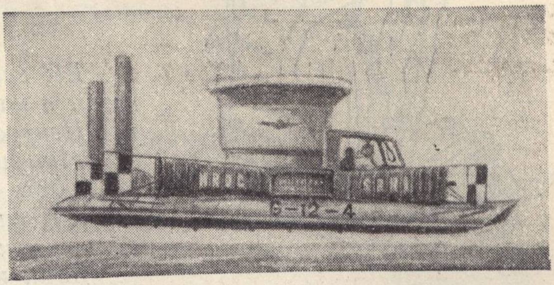
Летающий автомобиль

Что это за удивительная машина, похожая на старинный речной пароход с широкими трубами, изображена на рисунке? Нет, это не пароход, а... Впрочем, у него еще нет общепринятого названия. Конструкторы дали ему имя «парящее судно». Но с таким же успехом можно сказать, что это «летающий автомобиль». Летать он может и над водой и над землей, поднявшись вверх на 20 — 30 сантиметров.

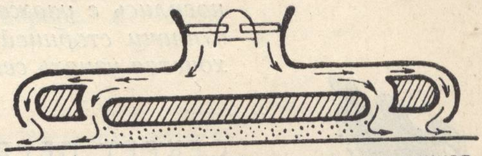
Обычный автомобиль движется по земле на колесах, шины которых наполнены воздухом. Если вдруг шины на всех четырех колесах лопнут, недалеко уйдет машина. Главное-то не в шинах, а в воздухе, который накачан в них.

Конструкторы новой машины совсем убрали шины, а заодно и колеса. Под днищем осталась только плотная воздушная подушка. Но как удержать этот накачанный под днище воздух? Приходится его все время подкачивать. Это делает мощный вентилятор-компрессор, который вращается в широкой трубе. Движется «летающий автомобиль» опять-таки с помощью воздуха — за счет реактивной силы воздушной струи, направленной в сторону, противоположную движению. Он может идти вперед, назад, висеть на месте. А для поворота пользуются воздушными рулями — как у самолета.

Скорость «летающего автомобиля» — 50 километров в час. Он уже совершил довольно сложное путешествие из Англии во Францию через пролив Ла-Манш.

Английская фирма, создавшая этот аппарат, собирается построить в будущем «летающий автомобиль» с реактивными двигателями, который будет двигаться со скоростью 130 километров в час и перевозить 200 тонн груза.

Здесь показано, как образуется «воздушная подушка». Воздух, обозначенный точками, сжат и не позволяет аппарату садиться на землю. А тот, который подкачивается компрессором, образует плотное кольцо и не выпускает воздух из-под днища.

Р. Федоров

Белые тигры

Видели ли вы когда-нибудь белых тигров? Их почти никто не видел. Белых тигров нет ни в одном зоопарке мира. Они водятся лишь в одном уголке Индии, неподалеку от города Реве (юго-восточнее Дели). Только здесь среди обычных тигров время от времени появляются белые.

По наблюдениям, за последние пятьдесят лет в этих местах было всего восемь белых тигров. Их почти всех перебили, остались от них одни чучела. В 1951 году охотники добыли обыкновенную тигрицу с четырьмя девятимесячными тиграми. Среди них один был белый. Через несколько лет у этого белого тигра и обыкновенной тигрицы родились белые тигрята с пепельно-серыми поперечными полосами, с красными глазами, как у всех альбиносов.

Местные индийские власти намерены увеличить численность таких редких в природе белых тигров.

Б. Ржевский

* * *

В Ленинграде создан проект нового батискафа — аппарата для исследования океанских глубин. Он сможет погружаться до одиннадцати с половиной километров. Много нового откроет ученым путешествие в глубь моря на батискафе.

* * *

Цезиевые, или атомные, часы ходят с ошибкой не более одной секунды за тысячу лет.

* * *

Самая низкая температура на земном шаре — минус 87,4 градуса — зарегистрирована 26 июля 1958 года советскими учеными на станции «Восток» в Антарктиде.

Шесть секретов королевы полей

Г. БЕРЕЗОВСКИЙ
Рисунки Е. Мигунова.

Вы все знаете кукурузу и то, какое значение она имеет в нашем народном хозяйстве. Эта уроженка жаркой Центральной Америки чувствует себя у нас, как дома.

Многие из вас сами выращивали ее. И в этом году вы будете помогать растить кукурузу. Вот мы и решили обратиться к «королеве полей» и узнать, что ей нравится, что мешает жить и когда ей особенно нужна помощь.

Язык кукурузы непонятен тому, кто ее мало знает. Мы пошли к людям, которые давно уже знакомы с «королевой полей», которые с нею на «ты». Это ученые, работающие в Институте генетики Академии наук СССР. Они-то и были «переводчиками» в нашей беседе. Вот что рассказала нам кукуруза:

— Я люблю культурное обращение, люблю, чтобы ко мне относились с уважением и вниманием. Позаботьтесь обо мне, и я отплачу сторицей даже в засушливый, неблагоприятный год. Вам хочется узнать секреты богатых урожаев, я охотно раскрою их вам.

СЕКРЕТ ПЕРВЫЙ

Мне не страшны весенние заморозки, даже двухградусный мороз.

Но не сейте мои семена в холодную землю, подождите, пока она прогреется до семи, а еще лучше до десяти градусов по Цельсию. Сейте в глубоко вспаханную, хорошо удобренную и обязательно влажную почву, на глубину восемь — десять сантиметров. Не поскупитесь и на дно лунки положите четыреста — пятьсот граммов органо-минеральной смеси. Присыпьте смесь землей и бросьте в нее пять-шесть протравленных зерен.

За проросшими зернами охотятся грачи. Но если вы заделаете семена достаточно глубоко, грачи их не выклюют.

СЕКРЕТ ВТОРОЙ

На моей родине короткий день. Поэтому в первую половину лета, когда в средней полосе длинный день, я расту медленно. А мои злейшие враги — сорняки трогаются в рост, едва пригреет весеннее солнышко. Они растут быстрее, затеняют меня, выпивают влагу из почвы, выделения их корней отравляют мои всходы.

У меня есть добрые друзья — культиваторы. Они спасают меня от злобных сорняков. Но чтобы не повредить молодые, нежные всходы, тракторист не подпускает лапы культиватора к самому гнезду, и сорняки

в гнезде и вокруг него остаются. Вот тут-то вы, ребята, должны мне помочь: уничтожьте сорняки, взрыхлите землю и слегка привалите ее к моему стеблю. Тогда у меня вырастут дополнительные корни, и, когда я поднимусь во весь свой могучий рост, ветер не сможет меня повалить.

СЕКРЕТ ТРЕТИЙ

Когда у меня появится пятый лист, проведите прорывку, оставьте в гнезде только два растения, не больше. Пять-шесть молодых растений в одной лунке вначале дружно, стеной стоят против сорняков, но когда они все подрастут, посев будет слишком загущенным, поэтому очень важно сделать прорывку вовремя.

СЕКРЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Кроме сорняков, у меня есть и другие враги: шведская муха и головня. Если увидите у меня увядающие, скрученные верхние листья, знайте: это шведская муха их повредила. Муха боится ДДТ. «Попудрите» им растения и землю вокруг. Если дождь смоет «пудру», попудрите еще раз. Только не забудьте: опыление надо проводить в марлевой маске, смочив ее водой возле рта.

Иногда на моих листьях и стеблях, на султанах и початках появляются серебристо-белые вздутия. Не дожидайтесь, пока эти вздутия потемнеют: тогда в них созреют споры грибка головни. Если споры вылетят, они заразят все поля. Безжалостно обламывайте, обрывайте все пораженное грибком. Сжигайте головню, закапывайте глубоко в землю — не меньше чем на полметра. Помните: борьба с головней — это спасение и будущих урожаев.

СЕКРЕТ ПЯТЫЙ

Надеюсь, вы не забудете подкармливать меня. Агроном расскажет вам, как это делать. Только не кормите меня во время цветения азотом: избыток его вредит мне.

СЕКРЕТ ШЕСТОЙ

Когда султан украсит мою голову, мне уже не страшны сорняки. Но теперь я боюсь другого: как бы воздушная засуха не погубила мою пыльцу. В сухом воздухе много пыльцы погибает.

Вы все, наверно, видели длинные нити на моих початках? Это пестики с липкими рыльцами. Так вот, у каждого початка эти нити появляются неодновременно. Для опыления всех пестиков может не хватить здоровой пыльцы. Тогда на початках будет мало зерен.

Против засухи есть замечательное лекарство, которое к тому же увеличивает урожай на три — пять центнеров с гектара.

Позаботьтесь заранее, чтобы у вас было вдоволь этого лекарства.

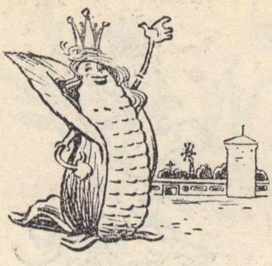
Во время цветения рано утром (от семи до девяти часов) выйдите в поле с ведрами, отряхните в них пыльцу с султанов. Потом просейте ее через сито, ссыпьте в бутылки и завяжите их горлышки марлей.

А на следующее утро, пока солнце не поднялось высоко и нет горячего, сухого ветра, снова обойдите все поле, стряхивая сквозь марлю пыльцу из бутылок на рыльца. Через день-два повторите опыление.

А как быть, если не хватит пыльцы, чтобы доопылить запоздалые пестики?

Хорошие хозяева заботятся об этом еще весной. Дней десять спустя после основного сева они высевают мои семена на небольшой

делянке. Здесь цветение начнется позднее. Когда понадобится, они соберут на этой делянке свежую пыльцу и доопылят початки на основном поле.

Если вы поступите так же, я ручаюсь: осенью вы останетесь довольны урожаем.

Сумейте только сберечь собранный урожай. Пользуйтесь каждым солнечным днем, чтобы просушить початки, разложив их во дворе на подстилке. Хорошо просушенные, они не загниют, не заплесневеют. Все зерна и даже те, что были убраны в молочно-восковой спелости, весной дадут хорошие всходы.

В конце нашего разговора кукуруза сказала:

— Я буду рада, если ребята заинтересуются моей жизнью, поближе познакомятся со мной.

И она подсказала нам, какие опыты вам, ребята, следует провести на ваших пришкольных участках.

КОГДА УРОЖАЙ БОЛЬШЕ?

Посейте два сорта кукурузы. Перед цветением выберите несколько растений того и другого сорта и до того, как полетит пыльца, оберните их снизу ватой, а сверху наденьте на них пергаментный колпак и завяжите его внизу. Теперь на рыльце не попадет пыльца.

Соберите пыльцу обоих сортов отдельно и опылите одни изолированные початки пыльцой своего же растения, другие — пыльцой другого растения того же сорта, третьи — пыльцой чужого сорта. Только не забудьте после этого снова надеть на початки «изоляторы».

Интересно, какие растения дадут больший урожай?

* * *

Посейте на одной делянке в каждую лунку три зерна раннеспелой кукурузы и одно зерно позднеспелой и не проводите потом прорывку. Для сравнения посейте отдельно, на разных делянках, раннюю и позднюю кукурузу.

В течение лета понаблюдайте, как живет ранняя и поздняя кукуруза в общей квартире — в одном гнезде.

Для опыта лучше всего взять семена кукурузы Белоярое пшено и Безенчукская 41.

Раннеспелыми сортами кукурузы занимаются Омская и Безенчукская селекционные станции.

Если вы достанете немного таких семян и посеете их, то на следующую весну у вас уже будет достаточно семян для большой делянки.

Такие опыты проводятся на опытных полях Института генетики Академии наук СССР. Осенью напишите нам о результатах ваших опытов.

КОРНИ НА ВЕТВЯХ

На опытном участке возле Павильона юных натуралистов и техников на Выставке достижений народного хозяйства в Москве растет необычная яблоня. Нижние ее ветви пригнуты к земле, пришпилены деревянными рогульками, а верхушки веток подвязаны к колышкам.

Вот какие корни выросли за лето.

Так опытники Сомовской железнодорожной школы Воронежской области размножают отводками лучшие сорта своих яблонь.

Как же они это делают?

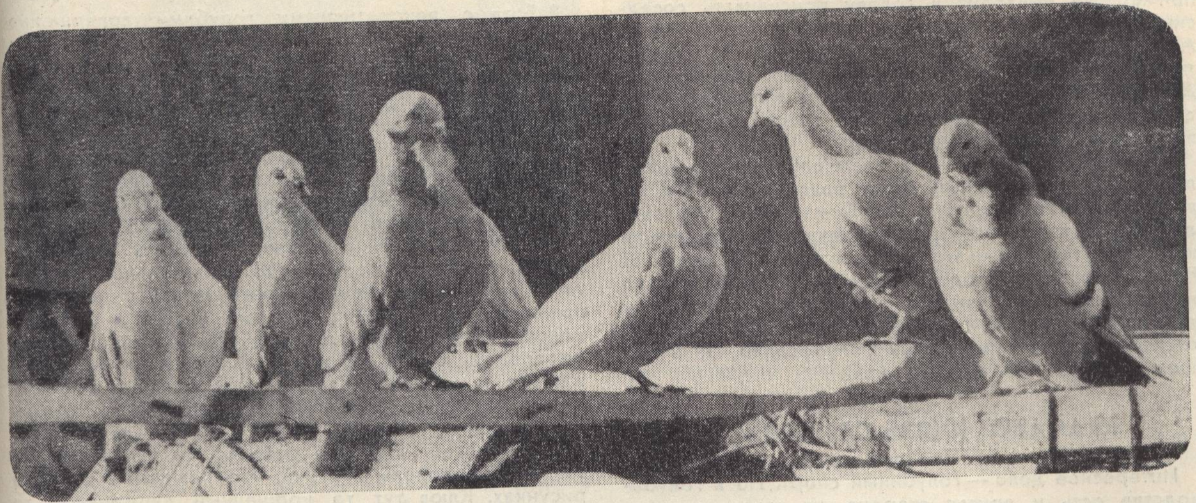
Рано весной, до распускания почек, они выбирают яблони с длинными, низко расположенными ветвями. Хорошо удобряют и рыхлят почву приствольного круга. Пригибают ветви к земле и с нижней стороны, там, где они соприкасаются с почвой, неподалеку от почек, делают острым ножом два-три надреза, чтобы усилить приток соков. Ветви пришпиливают к земле. К осени в местах надрезов на ветках образуются корни. Теперь молодую яблоньку можно пересадить на новое место жительства.

Л. Дроздов

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ГОЛУБЯХ?

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Н. ВАСИЛЬЕВ, Ф. ПОЛКАНОВ

ГОЛУБЯТНИКИ И ГОЛУБЕВОДЫ

Голубятник... Не правда ли, когда слышишь это слово, невольно представляется этакий залихватский мальчишка, со свистом и криками бегающий по крышам? А как достается от таких ребят бедным птицам! Голубей хватают руками, засовывают за пазуху, выдирают у них перья из крыльев, чтобы не улетели... Сколько крыш продырявлено, сколько заборов поломано ребятами-голубятниками! «Вот до чего дошел! А все голуби!» — говорят часто про таких ребят. Но голуби здесь ни при чем! Любить голубей совсем не зазорно. Только, если уж любишь их, надо к своему увлечению относиться серьезно.

Кроме голубятников, есть еще голубеводы. Это совсем другие люди. В школах, на станциях юных натуралистов, в Домах пионеров да и просто во дворе у отдельных ребят можно увидеть образцовые голубятни, холеных, чистых, сытых птиц. Нет здесь ни криков, ни беготни по крышам. Ребята поняли, что в увлечении голубями главное вовсе не это.

Много интересного есть в голубеводстве, и кое-что мы сейчас вам расскажем.

БЫСТРЕЕ КУРЬЕРСКОГО ПОЕЗДА

Так уж повелось с незапамятных времен, что голубь стал эмблемой мира, любви и согласия. Вот о чем говорит древнее предание. Однажды бог войны Марс собрался в поход. Но, протянув руку к шлему, он увидел, что в нем свила гнездо голубка. И тогда Марс оставил свои воинственные намерения.

Голуби — давние друзья человека. Еще в V веке до нашей эры древние греки, съезжаясь на знаменитые олимпийские игры, брали с собой голубей. А потом быстрокрылые голуби разносили по всей Элладе вести о победах и поражениях.

Постоянная голубиная связь была в легионах римского императора Диоклетиана и в армиях Наполеона Бонапарта. В 1871 году, когда Париж плотным кольцом был окружен прусскими войсками и ни один гонец не мог пробраться в город, голуби верно служили французам. Они доставили в осажденный Париж около семидесяти важнейших документов. Некоторые птицы принесли по три-четыре депеши.

В России первым голубиную почту организовал князь Голицын. Было это в 1854 году. Голуби летали между Москвой и вотчиной князя деревней Симой (расстояние около шестидесяти километров). Летали они не быстро: от Москвы до Симы часа за два-три.

В наши дни, в век радио, телеграфа, телефона, телевидения, значение голубей-связистов, разумеется, утратилось. Почтовое голубеводство стало чисто спортивным.

Соревнования почтовых голубей проводятся часто, почти каждый год. Однако рекорд, поставленный почтовым голубем московского селекционера Домашнего еще в 1929 году, до сих пор никем не побит. Его голубь пролетел пятьсот тридцать семь километров со средней скоростью восемьдесят шесть километров в час — быстрее курьерского поезда.

У почтовых голубей есть замечательное свойство: они привыкают к месту, в котором живут, быстро и точно ориентируются. Если продержать голубя в чужом краю взаперти даже год или два, он, как только окажется на свободе, прилетит в родную голубятню.

В гражданскую войну барон Врангель, удирая из Крыма, забрал с собой всех почтовых голубей Севастопольской голубиной станции. Голуби были проданы в Германию. Оттуда поодиночке и в разное время многие из них вернулись в Севастополь, пролетев по прямой 2 300—2 500 километров!

ВОР ИЛИ НЕ ВОР!

А теперь представьте себе голубя, который издалека летит домой, устал, проголодался и, увидев других голубей, опускается, чтобы передохнуть и

схватить несколько зерен. Можно ли «воспользоваться» этим моментом? Конечно, нет. Между тем именно в это время нередко захлопывается сетка тайника, и голубь оказывается пойманным.

Многие ребята ловят чужих голубей и почему-то не считают это зазорным. Между тем ловля чужих птиц — самое настоящее воровство. Ведь никому, например, не приходит в голову присваивать соседских кур, если они перелетают случайно через забор. А попробуйте поговорить с мальчишкой, поймавшим чужого голубя, и вы услышите в ответ: «Все ловят!» Действительно, многие голубятники придерживаются этой старой и очень плохой традиции, видят в этом даже своеобразный спорт.

Юннаты-голубеводы ни в коем случае не должны ловить птиц: голубиный спорт вовсе не в этом. А вот устроить пионерскую голубиную почту, организовать соревнования лучших летунов, выставки и конкурсы голубей — это действительно интересно! Кстати, можно с гордостью сказать, что в Москве вы уже почти не увидите хлопушек, тайников и других ловушек на голубятнях, разве что у самых отсталых, самых никчемных голубеводов. А в вашем городе или поселке как?

КРАСАВЕЦ КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Интересное дело — голубиный спорт. Но в голубеводстве есть и другая сторона, не менее увлекательная, не менее интересная. Вот послушайте.

Голубя звали Князем Серебряным. Головка у него была «щучья», сухая, с «правильным» глазом. О такой головке голубеводы давно мечтали. Но еще удивительнее «платье» Князя Серебряного: весь он был белым, а щиток на крыльях — светло-голубой, «оловянистый», с четким «набором». На ногах голубь был низким, и на каждой из ног красовалось по «тарелке» — по огромному вееру из белых перьев. Жил этот красавец не так уж давно — в двадцатых годах нашего века, в Москве, на Самотеке. Чтобы посмотреть на «знаменитость», любители приезжали не только со всех концов Москвы, но и из Тулы, Ржева, Воронежа.

У Князя Серебряного было много «знатных» потомков. Посмотрите фотографию его сыновей. Не правда ли, хороши? Но взгляните еще раз на ноги птицы. Как, по-вашему, может голубь хорошо летать с огромными «космами»-веерами на лапах? Конечно, нет. Князь Серебряный и подобные ему другие декоративные голуби — плохие летуны. Чем же тогда они ценны? Чтобы понять это, отвлечемся на минуту от голубей и поговорим совсем о другом, на первый взгляд к делу не относящемся,—поговорим о розах. Хорош на вид обыкновенный шиповник, но махровая роза лучше. А вьющаяся роза! А штамбовая! Бесчисленны сорта роз. Их назначение—радовать человеческий глаз своей красотой. Князь Серебряный и подобные ему голуби очень красивы. Они тоже созданы, чтобы радовать человека.

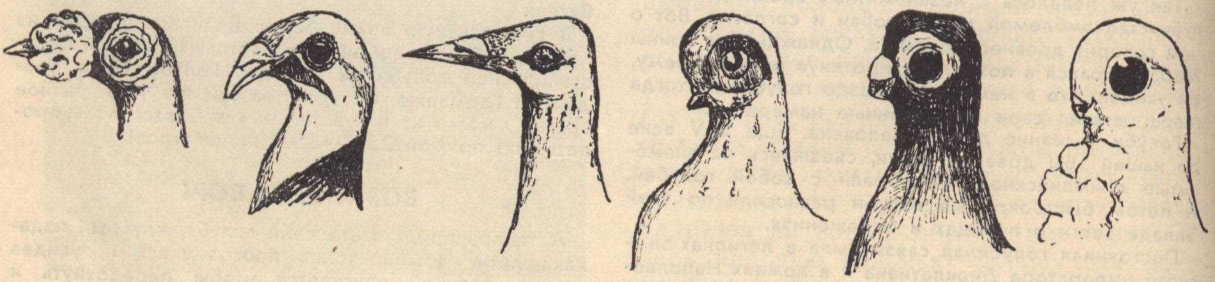
ПО ПРИХОТИ ЧЕЛОВЕКА

Работа с декоративными голубями совершенно особая. Если в голубеводстве спортивном самое главное — тренировка, то тут на первом месте стоит селекция, то есть создание хороших условий жизни и отбор лучших из лучших голубей в потомстве. Селекция — сложное дело.

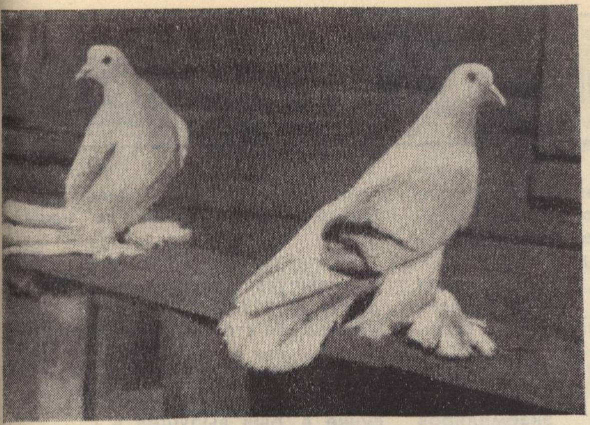
Когда смотришь на современных декоративных голубей, на причудливые их окраски и формы, трудно себе представить, что предком их был обыкновенный скалистый голубь, похожий на нашего городского сизаря. Тысячелетиями трудились люди, создавая голубиные породы. Об удивительных результатах этого труда можно судить хотя бы по такому примеру. Те из ребят, которые учатся в седьмом классе, знают, что взглянув на клюв птицы, можно определить образ ее жизни. Клюв хищника остер, изогнут и мощен, у зерноядной птицы — широкий и толстый клюв, а у птиц, питающихся насекомыми, клювики тонкие, узкие. Голубь — зерноядная птица и питается только различными семенами. Но взгляните на головы голубей, изображенные здесь на рисунках. Клюв тут то крошечный, «ячменный», то острый, «сорочий», то толстый, короткий, а у голубя нюрнбергского багдета клюв причудлив, точно клюв фламинго. О чем это говорит? Не так уж, выходит, безошибочно можно судить о птицах по клюву! Домашний голубь в этом отношении исключение. Все дело в том, что клюв породистых голубей — творение человеческих рук. Люди изменили его согласно своей прихоти, своим вкусам. Многолетняя, кропотливая работа затрачена на это. Закройте на минуту журнал и всмотритесь в изображения декоративных голубей на четвертой странице обложки. Не правда ли, удивительные птицы?!

ИСТОРИЯ «ЧИСТЫХ ГОННЫХ»

А теперь вернемся к Князю Серебряному и попробуем проследить историю породы, к которой он относится. Кстати, все написанное ниже не так-то легко было восстановить. Одному из авторов этой статьи, Н. А. Васильеву, пришлось повозиться немало, прежде чем события выстроились в стройную цепь. Началось все со случайной заметки в «Вечерней Москве», напечатанной 13 февраля 1946 года. «Голубятная улица» — так называлась заметка. В ней приводилось донесение из полицейского архива Вольно-экономическому обществу, датированное

Карьер. Багдет. Сорочий. Альмонд. Русский турман. Чайка.

Сыновья Князя Серебряного.

1809 годом. Из донесения явствовало, что еще с конца XVI века в городе Ярославле появился новый «промысел»: разведение голубей, так называемых чистых гонных. «Некоторые из жителей содержат «чистых гонных» голубей, между коими охотниками почитаются лучшими в России...» Из этого же донесения мы узнаем, что увлечение голубями было в Ярославле массовым. А поскольку богатство и знатность мало чем в этом деле могли помочь (тут нужно было иметь голову на плечах), богачи зачастую приходили на поклон к беднякам: не уступишь ли, мол, своего голубя?

Заметка в газете была маленькой, и далее, чтобы разобраться в истории чистых, пришлось рыться в архивах, листать страницы старых журналов. И вот что удалось выяснить. Лучшие голуби в XVIII веке были у ярославского знатока чистых Козина, простого и бедного человека. Именно от него получил своих голубей известный военачальник того времени граф Орлов-Чесменский. С именем Орлова в истории русского животноводства связано многое. Так, на заводах этого графа был создан знаменитый орловский рысак. Владея огромными угодьями земли и тысячами крепостных, Орлов-Чесменский умел находить из простого люда талантливых самородков-селекционеров, которые и были фактическими создателями новых пород. Работа по голубеводству велась одновременно с работой по созданию рысака. Об этом говорят не только даты, но и клички: Барс, Заиграй — так звали выдающихся голубей того времени, так звали и рысаков.

В имениях Орлова-Чесменского селекция чистых голубей не была закончена. Оттуда увлечение перекинулось в Москву, в Коломну, в Петербург. В течение трех столетий сотни голубеводов трудились над созданием породы. Голубь Князь Серебряный относится к особой ветви чистых, к так называемым оловянистым космачам,— название старинное, поэтому и звучит в наши дни странно. Хозяин Князя Серебряного, школьный учитель рисования Аркадий Миронович Злоказов, был выдающимся голубеводом нашего времени. Немало лет прошло, прежде чем появился у него замечательный голубь Князь Серебряный.

ОСТАНКИНСКИЙ БЕЛЫЙ, ИЛИ ГОЛУБЬ МИРА

Чистые голуби — это только одна из русских пород. Есть немало других, и среди них серые турманы — гордость русского голубеводства. Вы, наверное, о них много слышали.

Проследив историю чистых, мы узнали, что порода эта создавалась целых три века. Чуть меньше времени было затрачено на создание серого турмана.

Не так обстоит дело в наши дни. Человек, вооруженный знаниями, может сейчас вывести новую породу довольно быстро. Всего несколько лет потребовалось Вячеславу Федоровичу Ларионову, профессору-биологу, чтобы создать новую породу — останкинских белых голубей, которых часто зовут голубями мира.

* * *

В короткой беседе мы не могли рассказать вам о голубях все, что нужно о них знать хорошему голубеводу. Но если вас заинтересовало это дело и у вас возникло много новых вопросов, обратитесь к книгам. Вот некоторые из них:

В. Ларионов. Разводите голубей. Изд. «Молодая гвардия», 1956 год.

Г. Никольский. Голуби. Лениздат, 1958 год.

Голуби. **Коллектив авторов.** Под редакцией М. Н. Богданова и В. Ф. Ларионова. Изд. Министерства сельского хозяйства, 1958 год.

Вот какое письмо пришло из Англии в 133-ю московскую школу.

Дорогие друзья!

Меня зовут Роберт Макхейл, мне 14 лет, и я живу в Дорноке, в двадцати милях от Дамфрисса. Мое любимое занятие — гонять голубей. Когда голубю исполнится семь дней, ему надевают на правую лапку металлическое кольцо с номером. Когда же они достигают четырехмесячного возраста, их относят на расстояние около двух миль и там отпускают. Это их пробный полет. А настоящие, большие соревнования гораздо сложнее. До того, как голубя относят на место старта, ему надевают на левую лапку новое кольцо, из резины, тоже с номером, который неизвестен владельцу голубя. Затем голубя сажают в корзину вместе с другими голубями. Их отвозят на расстояние 175—200 миль и отпускают, после чего они, по инстинкту отыскивая дорогу, летят домой. Когда голуби прилетают домой, они садятся на чердак; хозяин снимает резиновое кольцо и кладет в часы, которые засекают время. Часы запечатывают накануне, чтобы не было никакого обмана. Потом часы открывают, и жюри устанавливает, чей голубь прилетел первым.

Ваш друг Роберт Макхейл.

НЕОБЫЧНЫЕ МОНЕТЫ

Прочитав слово «монеты», мы ясно представляем себе небольшие плоские металлические кружочки, которыми пользуемся, покупая что-либо в магазине, уплачивая за билет в трамвае, разговаривая по телефону-автомату.

А можете вы представить себе монету побольше страницы нашего журнала или такую тяжелую, что взрослому человеку нелегко поднять ее с места?

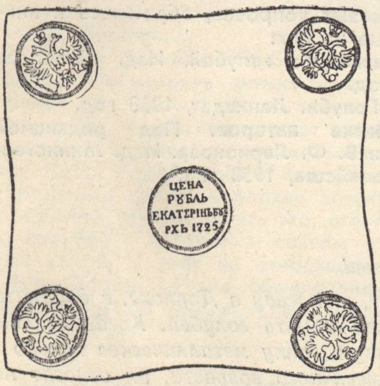
А ведь такие монеты существуют! Более того, среди них есть настолько необычные, что, глядя на них, даже трудно поверить, что эти странные, причудливой формы предметы могут быть монетами.

Рассказ об этих монетах начнем с «тяжеловесов». На рисунке 1 вы видите во много раз уменьшенный квадратный медный рубль. На самом деле он был примерно в полторы страницы журнала и весил больше 1,5 килограмма.

Зачем же понадобилось выпускать в обращение такие огромные, неудобные монеты?

В последние годы правления Петра I было закуплено множество различных товаров за границей и в казне сильно сократились запасы серебра.

Тогда решили экономить серебро и по примеру Швеции выпустить вместо серебряных полноценные медные монеты. Но медь во много раз дешевле серебра, значит, и медная монета должна

1

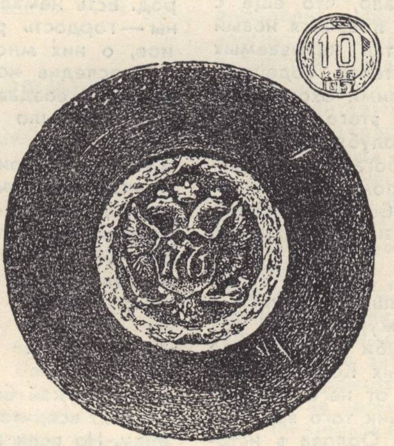
быть во столько раз тяжелее серебряной, во сколько раз серебро дороже меди.

Вот и были изготовлены на Екатеринбургском монетном дворе плиты достоинством в рубль, полтину, полуполтину, гривну, пять копеек и одну копейку.

Эти квадратные плиты были выпущены уже после смерти Петра I, при Екатерине I в 1725 и 1726 годах.

Выпуск этих монет вскоре пришлось, однако, прекратить, потому что громоздкие и тяжелые монеты были очень неудобны в обращении. Правда, 45 лет спустя при Екатерине II была сделана вторая попытка выпустить большие монеты.

На этот раз на Сестрорецком монетном дворе изготовили несколько пробных экземпляров круглого рубля весом в 1 килограмм и толщиной 2,5 сантиметра (рис. 2).

2

Но из этого тоже ничего не вышло. Прессы на монетном дворе не были приспособлены к таким «тяжеловесам», штемпеля часто ломались.

Но и этот рубль выглядел совсем небольшим рядом со шведской плитой-монетой в 10 далеров. Она весила 19,7 килограмма.

Начинающим коллекционерам небесполезно знать, что подлинные квадратные монеты чеканки 1725—1726 годов чрезвычайно редки.

3

На рисунке 3 показан предмет, очень похожий на раскрытую бритву или нож. Он так и называется — «тао», что означает «нож». Это древнекитайская монета.

Бронзовые монеты такой формы длиной от 13 до 18 сантиметров были в обращении в двух провинциях Китая — Шаньдуне и Чжили с VII по III век до нашей эры.

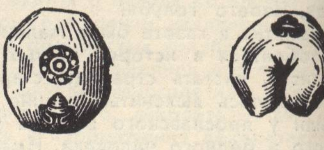
Почти на всех китайских монетах, выпускавшихся уже в наши дни — в 1936—1948 годах,— был изображен странный предмет. Это так же, как и «тао», древняя китайская бронзовая монета «пу». «Пу», показанный на рисунке 4, был выпущен в 14—23 годах нашей эры.

4

Нечто похожее на личинку насекомого мы видим на рисунке 5. Это сиамский «тикаль». Он представляет собой толстый короткий серебряный прутик с согнутыми и приплюснутыми концами.

Более 500 лет (с 1350 по 1860 год) выпускались «тикали» в Сиаме. Лишь в 1904 году они полностью вышли из употребления, хотя обычные, круглые монеты появились в этой стране еще в 1861 году.

5

Говоря о сиамских монетах, как не упомянуть о знаменитых «пи»!

6

Вот они, эти забавные фарфоровые рыбки, жучки и бабочки (рис. 6). Впервые они появились в XVIII веке и служили мелкой разменной монетой.

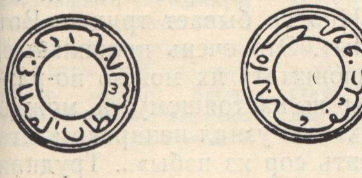
Фарфоровые монеты выпускались и в Германии в 1921—1922 годах, когда в результате империалистической войны в стране не хватало металла. На рисунке 7 — монета г. Фрейбурга. На лицевой ее стороне изображен городской герб, дата выпуска «1921» и метка Мейсенского (Саксонского) фарфорового завода — два скрещенных меча. На оборотной стороне круговая надпись «Фрейбургская монета» и номинал «1 марка».

7

В бывшем марионеточном «государстве» — Маньчжоу-го — выпускались мелкие монеты из фибры.

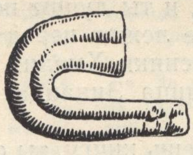
Олово в качестве основного металла употреблялось в древнем мире, а также и в средние века для изготовления печатей, пломб и других монетовидных знаков, но не для монет. Оловянные монеты иногда выпускались в Европе во время осады городов в XVII и XVIII веках. В Азии на Малайском полуострове и острове Банг-

8

ка делались монеты из олова в XVIII и XIX столетиях. На рисунке 8 воспроизведена малайская оловянная «пити» кольцеобразной формы, выпущенная в 1880 году. Такой же формы бронзовая монета «пайса» и сейчас находится в обращении в Индии и Пакистане.

На рисунке 9 вы видите «лари» с острова Цейлона. Эта согнутая вдвое толстая серебряная проволока, право, совсем не походит на монету, однако именно такие монеты были в обращении в XVI и XVIII веках в странах, прилегавших к Аравийскому морю, Пер-

9

сидскому и Бенгальскому заливам. На сгибе проволоки с обеих сторон на «лари» ставились штемпеля монетных дворов и имена правителей.

Мы рассказали лишь о небольшой части оригинальных монет. Среди старинных и современных монет можно встретить немало квадратных, овальных, восьмиугольных монет, монет с волнистым краем и других причудливых форм.

Привычка к правильной форме монетных кружков из металла часто приводит начинающего коллекционера к ошибкам. Найдя монету, не похожую на современную, он делает поспешный вывод о том, что «это не монета», и зачастую интересный экземпляр не попадает в коллекцию.

Д. Мошнягин

— А вот эти марки совсем редкие!

КТО

НАС СДЕЛАЕТ

Вы, наверно, уже прочли рассказ заслуженного артиста РСФСР Е. В. Сперанского о театре масок? А вот советы всем, кто хочет нас сделать для пионерского театра.

Я — маска усатого и очкастого дяди. Очки с усами и бровями вырежьте из одного куска картона или плотной бумаги. Сделайте три отверстия: для глаз и для носа. Если вы хотите, чтобы у меня нос был подлиннее, можно приклеить или пришить любой длины бумажный фунтик. А можете просунуть в отверстие свой собственный нос.

Я — маска хулигана. Волосы отгибайте вперед, чубчиком. Отверстия сделайте для глаз, для папиросы — бумажной трубочки — и для носа. Нос просуньте в отверстие свой. Рот нарисуйте.

А я — маска-костюм робота, механического человека. Меня сделать совсем нетрудно: из картонных коробок и кусочков фанеры. Рядом со смотровыми отверстиями для ваших глаз укрепите мои глаза — лампочки от карманного фонаря — и соедините их с батарейкой, спрятанной в моем корпусе. На животе приладьте разные кнопки, выключатели, циферблаты и стрелки. Нос сделайте в виде рупора, тогда ваш голос будет похожим на мой: громким и необычным. Я могу вести программу концерта, отвечать на разные вопросы и следить за порядком.

Я — мишка-медведь. Маска большая, широкая, сантиметров 35—40 по ширине. Нос мне мастерят отдельно и затем приклеивают. На скулах и около ушей делают надрезы ножницами. Затем те места, которые на рисунке оставлены белыми, покрываются клеем, один край накладывается на другой, и тогда моя морда стягивается и становится рельефной.

Всех нас надо ярко раскрасить или оклеить цветной бумагой. Для комических масок с вытаращенными глазами используйте мячики настольного тенниса. Мячик разделяется по шву острым ножом, и в обеих половинках просверливаются круглые отверстия — зрачки. Затем глаза пришивают к маске, предварительно проколов шилом несколько дырочек по краю.

Хорошая длинная борода получается из полотенца с бахромой, прикрепленного к маске. Можно сделать бороду из мочалки.

Прежде чем делать кого-нибудь из нас начисто, полезно сделать совсем маленькую масочку — модель, тогда у вас будет меньше испорченных материалов.

Желаем вам успеха!

С театральным приветом

МАСКИ.

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ

«В твоем возрасте человек часто находится на развилке дорог. Он выбирает не только будущую профессию, не только определяет свое призвание — *к чему* стремиться, но и еще одно — *каким* путем идти... Есть путь честный. Есть путь недостойный»,— так говорит старая учительница Ксения Николаевна в книге *«Передача ведется из класса»*. Обрати внимание на эти слова, и ты лучше поймешь книгу, потому что это книга о двух путях, которые лежат перед каждым человеком, маленьким или большим. Пятиклассники Хмелик и Тишин, девятиклассники Саблин и Шустиков, учительница Зинаида Васильевна — каждый должен выбирать свой путь.

Когда ты прочтешь книгу, ты сам увидишь, кто из героев ведет честную жизнь, а кто недостойную. Автор книги, *М. Бременер,* поможет тебе разобраться в этом.

Но, знаешь, в жизни все гораздо сложнее. В жизни нет никакого «автора», который помогал бы тебе, подсказывал: «Учти: этот человек неправ, ты не иди за ним...» А если тебе и подсказывают взрослые, ты не всегда слушаешься их, не всегда понимаешь их. Тебе самому хочется разбираться во всем, на все искать свой ответ... Иногда бывает трудно. Вот ты слышишь: «Береги честь школы». Это очень правильные, хорошие слова. Но, оказывается, понимать их можно по-разному. Можно беречь честь школы по-настоящему, а можно стараться лишь об одном: чтоб никто не узнал ненароком, что делается в школе, чтоб не «выносить сор из избы»... Трудная проблема! Валерию Саблину, герою книги, о которой мы говорили, нелегко решить ее. Он не сразу разбирается, как ему поступать. То, что он видит в жизни, «не сходится» с общепринятым, всем известным «ответом». Ну что ж, и пусть. И пусть не сошлось с ответом! Главное, уметь постоять за свои убеждения, выбрать правильный путь и твердо идти по нему.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

«КАКОЙ-ТО ТЫ СЕГОДНЯ СТРАННЫЙ...»

Недавно встречаю одного своего знакомого. Идет, улыбается во весь рот, читает какие-то стихи:

— Льется дождь
На голову мне,
Эх, хорошо
Моей голове!

— Ты что,— говорю ему,— про какой дождь, когда зима? — А сам сдерживаюсь, чтоб не показать на лоб. Обидится еще.

А он:

— Льется солнца луч
На голову мне,
Эх, хорошо
Моей голове!

— Ты что, поэтом заделался? — спрашиваю его, хоть знаю, что он отроду стихов не писал.

А он мне подмигивает, хохочет и говорит:

— Какой-то ты сегодня странный...

— Это я странный? — говорю.— Это ты, дорогой, не в себе.

А он спокойненько так держит меня за пуговицу и тараторит:

— «Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я ее криво пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме: ведь пуговицу я сам пришил!..»

— Да ты что! — вне себя кричу я.— Какая пуговица? Какая мама?!

А он еще спокойней, будто это я сумасшедший.

— Достань,— говорит,— книжечку **Виктора Голявкина,** называется **«Тетрадки под дождем»,** Сам будешь..— и заливается.

И я, знаете, достал. И теперь хожу, всем рассказываю, как я под партой сидел, как я ему «перевердер», а он мне «дырбыртыр», я ему «выртырвыр», а он мне... И, конечно, читаю стихи.

Знакомые встречают, улыбаются:

— Какой-то ты сегодня странный...

А я еще веселей хохочу.

И ты, дорогой читатель, достань и прочти книжку Виктора Голявкина, а потом напиши нам, что о ней думаешь, как она тебе понравилась.

Вл. Глоцер

СОКРОВИЩА КАРАИ ПУКУ

На обложке: тропическая зелень, охотник и ягуар, берешь эту книжку, знаешь, что тебя опять ждут влажные джунгли и их коварные обитатели, хорошо знакомые по многим книгам серии «Путешествия. Приключения. Фантастика». О том же, казалось бы, говорит и название книги: «Приключения охотника в Гран-Чако». Но вот книга прочитана, и ты убеждаешься, что главное в ней не экзотика тропических лесов, не приключения охотника, хотя их и немало, главное — человек, который совершил большой научный подвиг.

Герой книги — ученый, приехавший в Южную Америку издалека. В его уста автор вложил многие свои наблюдения, знания, мысли. Караи Пуку — Высокий охотник, как называли его индейцы,—сделал для местных жителей много хорошего: он лечил больных, разоблачал махинации колдунов, защищал от нападок белых. И не удивительно, что индейцы, особенно молодежь, почитали Высокого охотника больше, чем своих старейшин.

Но многие не могли понять, почему измотанный тропической лихорадкой Караи Пуку готов идти много миль через джунгли, лишь бы записать обыкновенные сказки или посмотреть какой-нибудь праздник. Они считают его чудаком и удивляются, когда Караи Пуку говорит: «В моих записках действительно целое богатство. В них мои наблюдения... некоторые из них не купишь ни за какие деньги... Что такое индейская скрипка? Ничего. Кусок дерева. Но в Европе есть люди, которые за этот кусок готовы отдать все. А в моих ящиках много различных предметов, которые я получил от индейцев».

«...За эти сокровища я не получу никаких денег, потому что я искал их не ради денег, не ради того, чтобы разбогатеть»,— говорит Караи Пуку.

Автор книги, известный чешский писатель и путешественник **Альберт Войтех Фрич**, предпринял семь научных экспедиций в Южную Америку. Он исследовал тропические леса Бразилии, Парагвая, Аргентины, изучил жизнь индейских племен, дотоле неизвестных науке.

Альберт Фрич собрал богатейшую этнографическую коллекцию. Его сокровища стали достоянием всего чешского народа.

«Приключения охотника в Гран-Чако» — это рассказ ученого об одном из путешествий, о жизни на берегах реки Парагвай.

Л. Вихоцкий

Живописец, конструктор, ученый

Пятьсот лет назад художников учили иначе, чем теперь. Их обучали не только искусству рисовать карандашом и писать красками на холсте, на доске, на стене. В те далекие времена художник был еще и скульптором, резчиком, архитектором и ювелиром. Учение продолжалось долго.

Около пятисот лет назад в мастерскую флорентийского мастера Андреа Вероккио привели долговязого подростка Леонардо из местечка Винчи. Мать его была неграмотная крестьянка, отец — нотариус. Вероккио поглядел рисунки мальчика и остался доволен: юного художника отличали наблюдательность и пытливость. Он изображал летающих насекомых и двигающихся животных с точностью естествоиспытателя. Рисовал воинов в шлемах, старух в лохмотьях не только выразительно, но и смело, придавая фигурам новые повороты. В каждом штрихе юноши дышала сила, свежесть, талант.

Десять лет пробыл Леонардо в мастерской Вероккио, изучая не только живопись и скульптуру, но и многие науки.

Наряду с художником в юноше рос выдающийся инженер-конструктор. Леонардо изучал крыло птицы, чтобы построить летательный аппарат. Он создал первый парашют и военную движущуюся бронированную машину, прообраз нынешнего танка. Он сконструировал (пятьсот лет назад!) модель будущего вертолета.

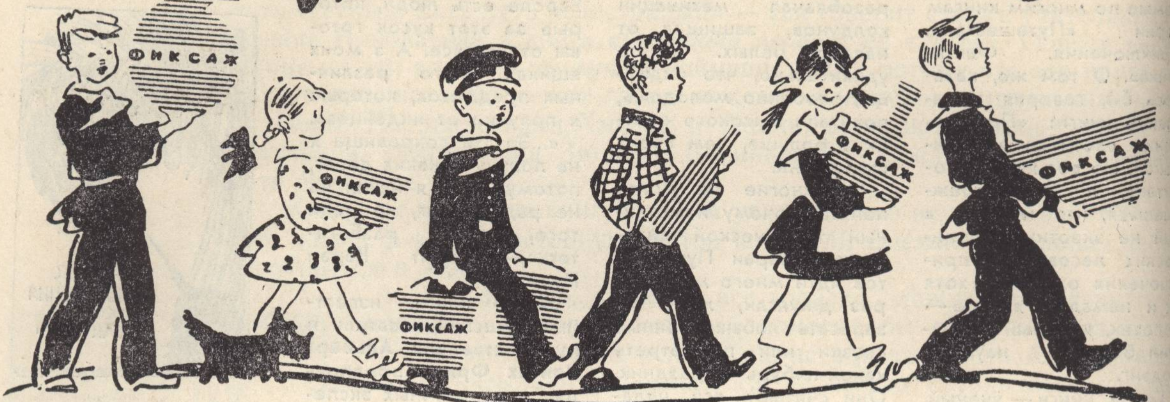
Ни любовь к технике, ни страсть к науке не мешали Леонардо совершенствовать мастерство живописца. Легенда рассказывает: когда юному Леонардо впервые позволено было написать фигуру ангела в картине его учителя Вероккио, старый мастер прослезился и отказался будто бы писать картины. «Я уже больше не живописец! — воскликнул Вероккио.— Если мальчишки могут т а к писать!»

Леонардо да Винчи создал изумительные картины: «Джиоконду», «Мадонну Литта», «Иоанна Крестителя» и многие другие. Что поражает зрителя в его полотнах? «Святых» писали и до него художники с не меньшим талантом. Но Леонардо изобразил людей земных, мыслящих и волевых. Их взгляд не поднят к небу, он устремлен к земле. Тонкая и умная усмешка сквозит во взгляде, как бы беседующем со зрителем. Неукротимая сила мысли, отпечаток сильной воли лежат на каждом лице. В «Джиоконде», как отметили современники, впервые изображена умная, мыслящая женщина. Люди Леонардо — это подлинные герои итальянского Возрождения, полные обаяния и жизнерадостности. Фридрих Энгельс написал об итальянском Возрождении: «...эпоха нуждалась в титанах и породила титанов».

Таким титаном был Леонардо да Винчи. Прочти книгу Я. Д И Т Я К И Н А «Л Е О Н А Р Д О Д А В И Н Ч И». Ведь и сейчас еще многие думают, будто интерес к химии или физике никак не совместим с любовью к искусству. Будто наука и живопись — очень далекие друг от друга области. А это не так. И жизнь Леонардо да Винчи — очень яркий пример того, что люди могут и должны быть разносторонними и многогранными.

Р. Канделаки

Пионерское серебро

Ю. СТОЛЯРОВ

Рисунки Г. Макавеевой.

Каждый из вас, ребята, вероятно, слышал о серебре, многие его видели. Но серебро — это не только серебряные ложки и не только украшения. О нем полезно знать и другое. Серебро относится к благородным металлам. Этот белый, мягкий, пластичный металл на воздухе не окисляется и хорошо полируется. Отполированная серебряная пластинка лучше всех других металлов отражает свет, поэтому издавна серебрят зеркала. Серебро прекрасно проводит электричество, и его применяют в самых различных областях науки и техники.

А в медицине серебро служит еще и обеззараживающим средством: оно убивает микробов.

Служители церкви знали об этом еще в глубокой древности. В течение многих веков обманывали они темных людей, продавая им «святую» воду, которая могла долго стоять в закрытом сосуде и не портиться.

Это «чудо» легко объясняется: «святую» воду церковники держали в серебряных сосудах. Молекулы серебра попадали в воду и убивали все гнилостные бактерии, обеззараживали ее.

Серебро есть и в организме человека и животных и в растениях. В пище, которую человек съедает за день, содержится около восьми сотых миллиграмма серебра.

Серебро незаменимо в фото- и кинопромышленности, оно входит в состав эмульсий, которыми покрывают фото- и кинопленки. При обработке пленки часть серебра в виде серноватистокислой соли натрия и серебра переходит в фиксажный раствор — закрепитель. В одном литре такого раствора содержится от двух до тринадцати граммов чистого серебра.

В нашей стране миллионы людей занимаются фотографией. Представляете, сколько литров отработанных фиксажных растворов выливают они вон? Подсчитано, что каждый год безвозвратно теряется в растворах свыше тридцати тысяч килограммов этого ценнейшего металла. Столько серебра не дает в течение года ни один рудник в мире! А ведь природные запасы серебра невелики, месторождения его довольно редки. В земной коре серебра всего лишь одна стотысячная доля процента. Чаще всего оно встречается в свинцово-цинковых и медных рудах. Это знали жители Малой Азии еще за три тысячи лет до нашей эры. Выплавляя из руды свинец, они получали и слитки серебра.

И вот ежегодно погибает тридцать тонн этого очень нужного для нашего народного хозяйства металла! И только из-за того, что у нас еще не налажен сбор отработанного фиксажного раствора.

В прошлом году сбором серебра занялись школьники 429-й, 440-й и 646-й московских школ. В пионерских дружинах были созданы небольшие группы, за каждой из них закреплено несколько жилых домов. Ребята выяснили, в каких квартирах живут фотолюбители, познакомились с ними и стали собирать ненужные фиксажные растворы. Эти растворы они сдавали Заводу вторичных драгоценных металлов, где из фиксажа получают чистейшее серебро. За каких-нибудь два месяца

эти ребята сдали заводу полторы тонны фиксажа. Легко подсчитать, что из него выделили уже не граммы, а килограммы серебра. Собирают серебро и пионеры Ярославля, Горького, Ташкента.

Конечно, высылать по почте жидкий фиксаж неудобно. Московский завод вторичных драгоценных металлов высылает школам аппараты, при помощи которых можно осаждать серебро в виде темно-серого порошка. А высушенный порошок уже несложно переслать по почте. При помощи очень простого аппарата — гальванического элемента — можно получать чистое серебро путем электролиза.

Начинайте и вы, ребята, «добычу» серебра. Собирайте фиксаж у фотолюбителей, в фотоателье. Завод заплатит вашей школе 170 рублей за каждый килограмм собранного серебра.

О том, как извлечь серебро из отработанного фиксажного раствора, вы можете прочитать в журнале «Юный техник» в № 11 за 1958 год, в №№ 6 и 10 за 1959 год и в № 1 за 1960 год.

Порошок посылайте по такому адресу: Москва, улица Ибрагимова, дом № 6-а, Завод вторичных драгоценных металлов.

НЕ ДОЖДАЛИСЬ

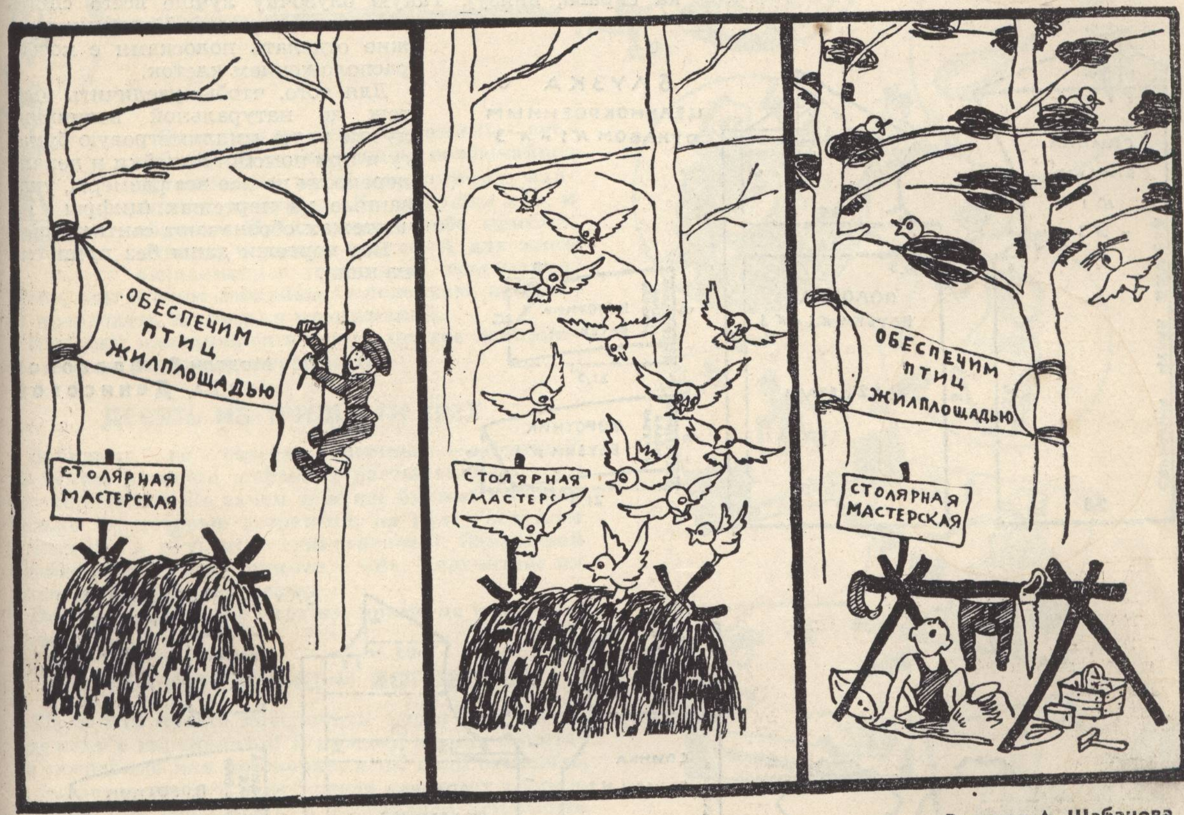

Рисунок А. Шабанова.

Из итальянского журнала «Пионер»

— Почему у тебя завязан узелок на платке?

— Да мама завязала, чтобы я не забыла письмо опустить.

— Опустила?

— Нет, мама забыла дать его мне.

* * *

— Сколько стоит билет в кино?

— 200 лир, мальчик.

— Как жаль! У меня только 100. Но, может быть, вы позволите мне войти? Я буду смотреть только одним глазом.

* * *

— Ах, разбойник! Зачем ты воруешь яблоки?

— Что вы, синьор! Это яблоко упало, а я влез сюда, чтобы привязать его на место...

Ну как, храбрые портняжки, удалось вам сшить себе сарафан, юбку или хотя бы фартучек? Помните, мы давали выкройки этих вещей в № 12 за прошлый год?

Сейчас дело идет к лету, и мы хотим предложить вам сшить себе блузочку. Вот три модели. Они все очень простого покроя, а выглядят нарядно и славно. Сшить себе такие блузки может каждая девочка.

На три блузочки 38-го размера мы даем два чертежа. Это потому, что две из них — блузочки с маленькими цельнокроенными рукавами (рисунки 1 и 3) — шьются по одной выкройке. У них только разные воротники и разная отделка.

Первую блузку можно сшить из хлопчатобумажной тафты или любой другой однотонной ткани, на которой легко сделать два ряда мережки.

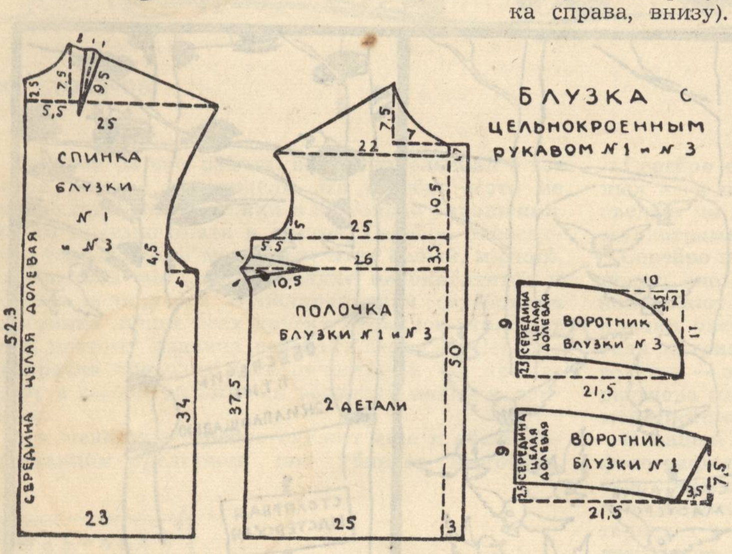
У другой блузки, которая шьется по этой же выкройке, весь перед горошками, вышитыми гладью в цвет ткани, край круглого воротничка отделан мелкими вышитыми фестонами (те же горошки, только вплотную один к другому). Такую блузочку хорошо сшить из хлопчатобумажного пике.

Блузка на рисунке 2 — с втачными рукавами (выкройка справа, внизу). Такую блузочку лучше всего сшить из клетчатой ткани. Кармашки можно отделать полосками с косым расположением клеток.

Для того, чтобы увеличить чертеж до натуральной величины, лучше взять миллиметровую бумагу и при помощи линейки и лекала перенести на нее все размеры, указанные на чертежах (цифры на чертежах обозначают сантиметры).

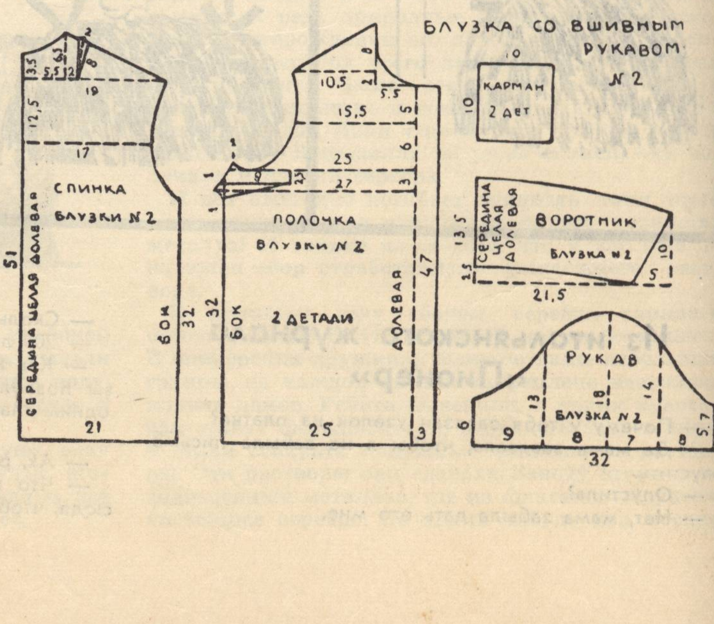
Все чертежи даны без припуска на швы.

Модели Э. Власовой и Ю. Денисовой.

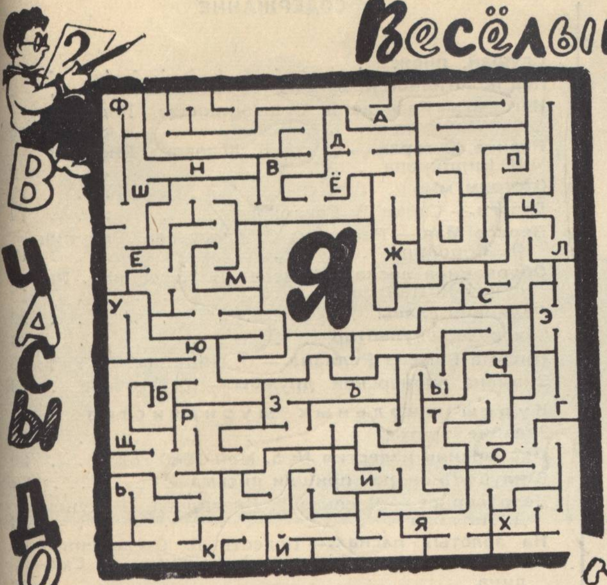

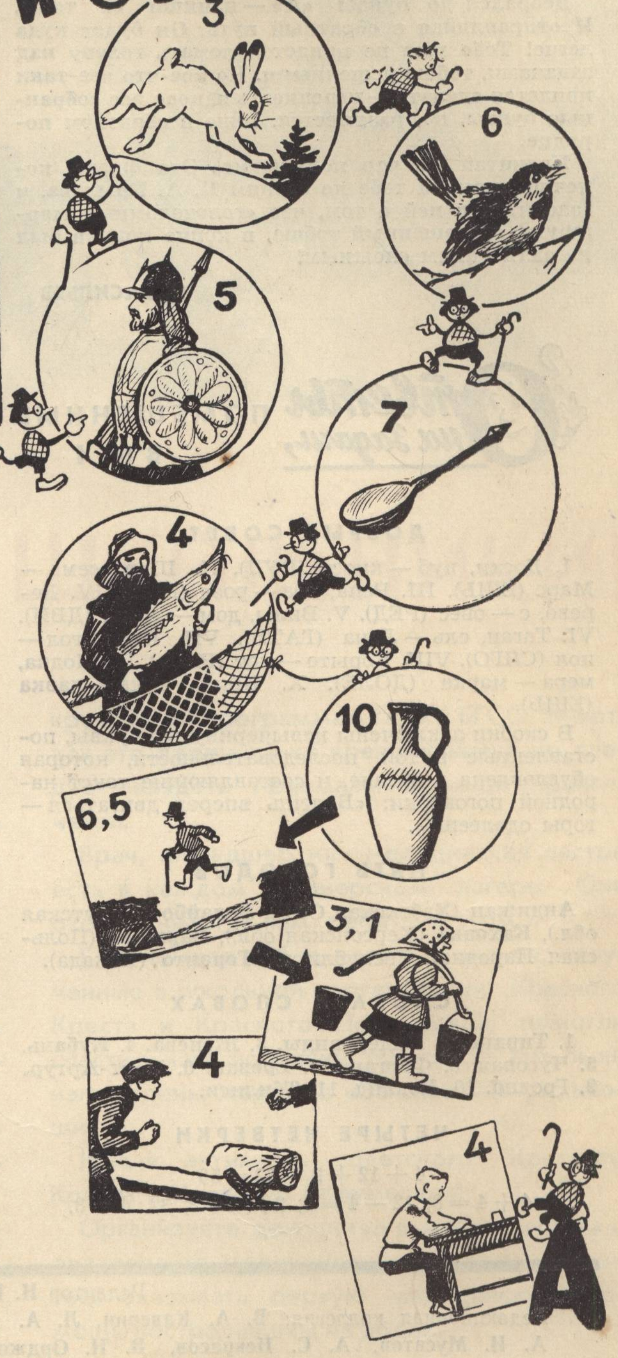

А это спинки наших блузочек.

Весёлый кросс от Я до А и обратно

Посмотри на этих неутомимых скороходов. Они совершают необычайное путешествие по головоломному маршруту: от буквы «Я» до буквы «А», и обратно. Предлагаем и тебе принять участие в нашем кроссе. А для этого ознакомься с условиями состязания. Тебе, как и этим забавным человечкам, придется преодолеть несколько препятствий.

Итак, ты находишься в самом центре лабиринта, откуда начинается твой путь.

ДЕСЯТЬ ИЗ ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Лабиринт не совсем обычный — азбучный. 33 буквы русского алфавита рассыпаны по всем его коридорам. Но зачем тебе все буквы? Собирай только те, которые встретишь на пути, ведущем к выходу, а путь этот единственный. Записывай буквы по порядку, начиная с «Я». Подсчитай: их должно быть ровно десять.

Вот ты и выбрался наружу, прямо на маршрутную дорожку.

БАРЬЕР ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Не так-то просто проскочить через эти шесть кружков с картинками! В каждом из них спрятана пословица или поговорка, и их надо отыскать. А делается это вот как. Замени картинку словом, которое она обозначает, и постарайся вспомнить пословицу, где это слово было бы на месте. Число в кружке подскажет тебе, сколько всего слов в загаданном тексте. От всех пословиц возьми только по одной букве, той, с которой каждая начинается. Присоедини эти шесть букв в ряд к ранее записанным. И иди дальше.

ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ!

Присмотрись к рисункам, через которые проходит теперь маршрут. Не правда ли, выглядят они довольно-таки странно, в каждом чего-то не хватает! Назови недорисованные художником предметы и подумай, что могут означать цифры, которыми рисунки помечены? Не подскажут ли

тебе эти цифры, какие надо буквы приписать к шестнадцати уже написанным?

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ!

Добрался до буквы «А» — напиши ее тоже. И отправляйся в обратный путь. Он будет куда легче! Тебе уже не придется ломать голову над задачами, тобою решенными. Но кое-что все-таки придется сделать — переписать заново все собранные буквы, но, разумеется, тоже в обратном порядке.

Прочитай то, что получилось. Эта фраза, конечно, знакома тебе по басням И. А. Крылова, и говорится в ней о том, что «головоломный маршрут», совершенный тобою, в конце концов был не ахти каким сложным!

Н. ВАСИЛЬЕВ

Ответы на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

ДОБРЫЙ СОВЕТ

I. Доски, куб — киоск (БУД). II. Шар, семь — Марс (ЕШЬ). III. Репа, воз — роза (ВПЕ). IV. Дерево, с — овес (РЕД). V. Вилы, дом — ломы (ДВИ). VI. Таган, ель — Лена (ГАТЬ). VII. Пояс, гол — пол (СЯГО). VIII. Корыто — кот (РЫО). IX. Лодка, мера — марка (ДОЛЕ). X. Шаль, века — лавка (ЕШЬ).

В скобки заключены невычеркнутые буквы, поставленные в той последовательности, которая обусловлена в задаче, и составляющие текст народной поговорки: «Будешь вперед двигаться — горы одолеешь».

ПЯТЬ ГОРОДОВ

Андижан (Узбекская ССР), **Бодайбо** (Иркутская обл.), **Каховка** (Херсонская обл.), **Варшава** (Польская Народная Республика), **Торонто** (Канада).

СЛОВА В СЛОВАХ

1. **Тирана.** 2. Нидерланды. 3. Женева. 4. **Кубань.** 5. **Чусовая.** 6. Фергана. 7. **Ереван.** 8. Порт-Артур. 9. Гродно. 10. **Коканд.** 11. Тбилиси.

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРКИ

$$4 + 12 + 2 + 32 = 50$$

$$4 + 4 = 8;\ 12 - 4 = 8;\ 2 \times 4 = 8;\ 32 : 4 = 8.$$

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 05611. Подписано к печати 25/IV 1960 г. Тираж 570 000 экз. Изд. № 618. Заказ 897
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Наступает веселая пора летних каникул. Скоро ребята разъедутся в пионерские лагеря, отряды юных туристов отправятся путешествовать по родному краю пешком, на велосипедах, а многие — если, конечно, они умеют плавать — на лодках и плотах. Ребят, не умеющих плавать, в такой поход не возьмут.

Каждый человек должен уметь плавать. Лучше всего учиться этому в детстве. Чем раньше вы начнете плавать, тем лучших результатов добьетесь.

Плавание делает человека здоровым. Ребята-пловцы быстрее растут, у них правильная осанка.

Начинайте учиться плавать, не откладывая. Каждое лето сотни тысяч ребят становятся хорошими пловцами.

Пускай лучшие пловцы научат плавать всех ребят вашего отряда.

Но надо не только учиться плавать, каждый должен уметь и оказывать помощь пострадавшим на воде.

Ребята, которые занимались в школе в кружках по программам ГСО и БГСО, знают, как это делать. А во время каникул им следует овладеть приемами помощи практически.

Врач, фельдшер или медицинская сестра есть в каждом пионерском лагере. Они охотно помогут вам, ребята, в этом.

Есть немало ребят, которым знания, полученные в школьной организации Красного Креста и Красного Полумесяца, помогли спасти жизнь человеку. Многие из них были награждены медалью «За спасение утопающих».

Юные активисты советского Красного Креста и Красного Полумесяца!

Организуйте дежурства в местах купания, овладевайте медицинскими знаниями, учитесь оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим на водах.

Исполнительный Комитет Союза обществ
Красного Креста и Красного
Полумесяца СССР

4 апреля 1960 года.

Цена 2 р. 50 к.

1

2

3

4

5

Вот как называются эти голуби: 1 — дутыш, 2 — павлиний, 3 — красно-пегий, ленточный турман, 4 — почтовый сизый, 5 — якобин.

Подробно о голубях вы можете прочитать в журнале на 69-й странице.